
ЗАПАДНОЙ РОССІИ
ИСТОРИЧЕСКАЯ ИСТИНА
ВИЛЬНА
1869.

ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ VII—1869.

КНИЖКА IX.

ТОМЪ III.

ВИЛЬНА.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1869.

Дозволено Цензурою 27-го октября 1869 года. Вильна.

I.

№ 8.

ДОКУМЕНТЫ,

НОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРІИ ЮЖНО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

1.

сланіе Евстафія Тисаровскаго нареченнаго овскаго епископа къ духовенству и міряъ съ обѣщаніемъ исполнять добросовѣстсвятительскія обязанности и ненарушимо ранять всѣ права и привиллегіи, данныя ріархами и королями духовенству и міряъ, и въ томъ числѣ право избиранія епиповъ, издано въ Львовѣ 22 января 1608 г.

Евстафіе Тисаровскій милостію Божіею пареченый скопъ Львовскій, Галицкій, Каменца-Подольскаго.

Въ славу безконечную пресвятой живоначальной неелимой Тройци, для вѣдомости всѣмъ станомъ во ные роды, Христоименитымъ людемъ. Тымъ моимъ ьмомъ обясняю и явно чиню, ижъ при нареченію на скопство мене смиренаго Евстафія, оповидѣвшися брамоя о Христѣ возлюбленая Львовской, Галицкой Каменца Подольскаго церквей святыхъ божіихъ, дуенство все, ведлугъ стародавныхъ правъ и звычаю

быти клерошане и клерици, права, привилеа отъ ихъ милостей кнежатъ руских, королей польскихъ, архіепископовъ, многихъ, досыть зрительные варовные на порядокъ и оутвержденіе оуряду клерошаньскаго и клирицкого своего показавши; оуживали насъ абымъ и я имъ оные привелеи, данины, фундыши, права приречоные клероского оуряду ихъ листомъ и записомъ своимъ ствердилъ. Я прихиляючисн и ведлугъ найбольшеи моей можности послѣдуючи вырокомъ дѣйства Духа святого, которій въ союзѣ мира сизидаючи домъ въ жилище себѣ, роздѣлилъ даръ свой въ розные сосуды: чинячи овыхъ апостолы, иныхъ пророки, овыхъ оучительми, овымъ далъ дѣйство силамъ, который тое што оучинилъ через избранный свой сосудъ и ствержаетъ мовячи: кождый даръ свой отъ Бога маетъ, и въ чомъ хто званъ въ томъ да пребываетъ. Не можетъ бовѣмъ мовити члонокъ члонкови, што ми до тобѣ: члонки бо есмо одинъ другаго и едино тѣло, единой и спасителя Христа головы, и отъ той головы, звязани жилами повинной и оузаконенной милости. Тымъ моимъ доброволнымъ листомъ оныхъ самыхъ и помененые, которіе бы ся и на потомъ могли показати, всѣ и каждый зъ особна, якобы въ той листъ менoвани были, права, привилеа, листы, старожитности клявзулы, звычае и оуживанья священникамъ, Церквамъ *кгрунтомъ*, брацтвамъ, ставропигіямъ, и парфѣаномъ где колвекъ. А особливе тутъ при Львовѣ будучимъ отъ святое памяти Ихъ милостей Королей польскихъ и княжатъ рускихъ: яко тежъ и отъ святейшихъ патріарховъ вселенскаго престола Константинопольскихъ, метрополитовъ предъ отступленіемъ Кіевскихъ, Галицкихъ и всея Руси; и епископовъ Львовскихъ Галицкихъ и Каменца Подольского, продковъ моихъ соборне и преватне наданыхъ. А найболей кото-

бы церкви восточного православія Бога живого ...ваго. Сиему канономъ и правиламъ святыхъ апостолъ вселенскихъ седмы соборовъ святыхъ богоносныхъ ...ецъ преданіюмъ противные не были, але во всемъ ...длеглые были змоцняю: и отъ самаго себе и иныхъ ...ѣхъ инпедиментовъ варую и оубезпечаю и боронити ...ду повиненъ. Тые всѣ и каждое съ нихъ зособна ...обы тутъ отъ слова до слова виписаны были цале не ...гвалцоне не порушоне вѣчне я самъ держати свято... ...ве обецую и прерѣкаю, и на потомные часы потом... ...мъ епископамъ по насъ будучимъ тоежъ по себѣ отъ ...дя въ роды въ вѣчныя роды яко за найлѣпшій клей... ...тъ, покуй, миръ, судъ, милость, вѣру и святыню, хри... ...ообразно заставуемо и мѣти хочемо. Твое все доброю ...рою и цѣлымъ оумысломъ нашимъ для святобливости, ...ваги, моци церковное. А особливо науки школьные, ...карню братства для оздобы и розмноженія хвалы Бо... ...и, саме то чинимо и потомкомъ злибуючи то на нихъ ...ржати вѣчными часы чинити и выполняти тоежъ за... ...вуемо. Меновите *вольной елекціи обиранія епи...* *...па* зъ паны шляхтою и мещаны и братвы всѣхъ ...новъ православія каѳолицкое оріенталной восточной ...тоѣ церкве людемъ, послушенства свитѣйшаго па... ...архи ѳрону констангинопольского будучихъ. Тымъ ...иненымъ клерошаномъ ствержаю, также межи собою ...ранье наместника позволяю и змоцняю, которого имъ ...гословити епископъ маетъ. *И самъ безъ ихъ волного* *...рания епископомъ быти не хочу, ани буду мочи.* ...обраный если бымъ съ козни непріятеля душного отъ ...і православной святой вѣры отъ послушенства свя... ...йшихъ патріарховъ Константинопольскихъ отступилъ, ...бо властительско по нужди власти мірскія, а не хри... ...ообразно оумалючи и смиряючи ажъ до смерти себе.

Противъ правилъ святыхъ богоносныхъ отецъ и ихъ праву клероскому безъ притомности здания и позволенія ихъ сполного засѣдати и отправовати справы (а звлаща головнѣйшіе важилися), альбо въ ихъ рядахъ доходахъ церковныхъ самъ черезъ себе прешкоду чинилъ, альбо кому чинити допустилъ, альбо по змерломъ епископѣ передъ выстямъ зуполного року, альбо и будучи на епископства степень хиротонисаный на епископѣю въѣхалъ, и чинееніи личбы отъ нихъ вытягалъ: доброволье самъ то на себе и на потомки мое зоставую и вкладаю. И позваный бывши завше за первымъ позвомъ до права свѣцкого подъ вину, то есть, тысячи гривенъ, не отступаючи отъ оуряду: а до духовнаго позваный подъ зверженіе и отятіе отъ церкве Божее подпадаю. Права, привилеа, аперата, оуклады, сосуды въ срѣбре, въ злоте, въ перлахъ и въ якой колвекъ матеріи епископскихъ и священическихъ церквей: святого великомученика Георгія во Львовѣ, Галицкое на Крилосѣ, Оуспеніе пресвятыя Богородица, и Каменца Подольскаго, Святой Живоначальной Тройцы належачіе зреестровати, и реестръ съ подписомъ рукъ и печатію ихъ клерошаньскою и нашею епископскою въ належномъ мѣсте при церкве столечной мѣти: и за ихъ ключами клерошанскими породою и съ ними тымъ владѣти, и всѣми силами до самое смерти церкви божіей, служити, помнажати, боронити подъ тоюжъ выше предреченою виною. Тые теды всѣ выше написаные артикулы цале все задержати Богу всемогущему и всей церкве клеросумъ прирѣкаю. А для лѣпшое вѣры и стверженія печатью моей съ подписомъ власной руки освѣдчаю, подписую, прикладаю, што и книгами кгродскими и земскими змоцнити буду повиненъ. Сталося въ Львове при църкви столечной Святого великомученика Георгія столицѣ епископіи Львовское. При

тности всѣхъ Божіею благодатію собраныхъ священосвевъ Львовскихъ клерошанъ и клериковъ оу своемъ ну клерошанскомъ будучимъ, и брацтва Оуспенія свяя Богородица Ставропигіона Львовского, и всѣхъ брацтвъ и Львове будучихъ и при бытности его милости пана нна Мелешка Ротмистра к. н. мл. и пана Василіа Самювского, и пана Стефана Чолганского, пана Михаила пана Прокопа Тисаровскихъ. Року отъ нарожденія Іиа Христа Сына Божія 1608: мѣсяца Генваря дня . Евстафій Тисаровскій власною рукою. Игнатій Ноій.

Пергаменный подлинникъ сберегается въ архивѣ вовского ставропигіального заведенія.

Евстафій Тисаровскій получилъ королевскую грамона львовскую и галицкую епископію „въ Краковѣ дня слѣдняго мѣсяца октября году 1607. Акт. Запад. Рос. . Ч. 174. Въ 1708 году кіевскій уніятскій митроитъ Ипатій Потѣй позвалъ его своею грамотою отъ августа къ себѣ на судъ, къ отвѣту, почему вступлъ онъ на львовскую епархію безъ митрополичьяго вѣна и соизволенія, и принялъ рукоположеніе въ епиопскій санъ за границею, не извѣстно гдѣ и отъ кого. 176. Послѣ кончины кіевского митрополита Іова Боцкого цареградскій патріархъ пожаловалъ епископа львовго Тисаровскаго своимъ *екзархомъ* на Руси. Титла арха константинопольскаго употребилъ уже епископъ ссаровскій въ своей грамотѣ отъ 1 мая 1631 года, торою потвердилъ онъ всѣ права львовской ставропи, епископъ Іеремія Тисаровскій скончался 1 марта 1831 а въ деревнѣ Жолчовѣ Бережанского округа и былъ гребенъ въ мѣстной церкви *). На основаніи права

*) Нынѣ при селѣ Жолчово находится, въ близкомъ растояніи

избранія епископовъ, собранное на похороны Тисар-
ского духовенство, члени ставропигіи и руское двор-
ство, опасаясь, чтобы латинскій архіепископъ не пр-
ставилъ, по прежнему, своего кандидата немедленно
погребеніи Тисаровского избрали преемникомъ ему Анд-
Желиборскаго, сына дворянина Стефана Желиборск-
имѣвшаго отъ роду только 24 года, не очень учено-
и жившаго у придворнаго маршала Казановскаго. М-
трополитъ избранія того не утвердилъ на томъ основ-
ніи, что избраніе сдѣлано безъ его вѣдома и не на м-
стѣ епископской каѳедры, а въ деревнѣ (селѣ Жолчо-
по-сему назначилъ новое избраніе, и отъ себя присла-
вмѣсто намѣстника для присутствія при избраніи, и-
мена луцкаго монастыря при братской церкви Леонт-
Пятаго апрѣля произошло избраніе въ юрьевской церк-
первымъ кандидатомъ назначенъ тотъ же Андрей Жи-
борскій, а вторымъ Даніилъ Балабанъ. Митропол-
утвердилъ перваго, какъ достойнѣйшого; а король выда-
ему дипломъ *). На избраніи, братство (львовское), к-
патріаршая ставропигія, имѣло первое мѣсто и гол-
послѣ духовенства. Новый епископъ посвященъ въ Л-
кѣ тамошнимъ епископомъ, и принялъ имя Арсе-
Находясь еще въ Луцкѣ, Арсеній 16 ноября выда-
братству письменное удостовѣреніе, подписанное им-
отцемъ его Стефаномъ, что ставропигію оставитъ

отъ Жовчовскаго двора, приселокъ *Данильче*, тутъ находился
горѣ монастырь чину Св. Василія В., гдѣ по всей вѣроятно-
погребенъ былъ епископъ Тисаровскій.

*) Правомъ избранія львовского епископа пользовалась ль-
ская ставропигія еще за австрійскаго правительства, предл-
кончинѣ епископа Петра Бѣлянскаго (1798) чрезъ руки перемы-
ского епископа Антонія Ангеловича, его величеству императ-
яко кандидатовъ на львовскую епископію собою избранныхъ:
колая Скородинскаго, Іоанна Горбачевского и Игнатія Витош-
ского.

ъ правахъ и привиллегіяхъ, пожалованныхъ ей па-
хами и королями. Лѣтоп. Львовск. Ставроп. Брат-
. Жур. нар. просв. 1849—1850. стр. 86.

2.

агословенная грамота александрійскаго па-
арха Кирилла перемышельскимъ гражда-
ъ, въ коей призываются тѣже ко крѣпко-
стоянію въ вѣрѣ, издана въ Торговиску
29 мая 1620 года.

Кvриллъ милостію божіею Папа и Патріарха вели-
Града Александрійскаго и судія вселенскій.

Православнымъ Христіанамъ, благочестивымъ брат-
мъ отъ Бога оустроеннымъ и въ извѣстіи оутверж-
ымъ и подъ духовнымъ правленіемъ восточныя церкве
ывающимъ сущемуже въ *градѣ Премышли*, и въ
іихъ градѣхъ яже вѣрно по градскихъ же и царскихъ
нехъ въ повиновеніи сущнымъ мирнѣйшаго короля
екаго, и всѣмъ простѣ Православіа питомникомъ и
рителемъ сыномъ смѣреніа нашего въ Дусѣ святомъ
юбленнымъ: благодать милость, миръ отъ Бога Отца
оспода нашего Іисуса Христа истиннаго настоятеля
датая и начальника и совершителя вѣры нашея.

Доброе спасенія нашего къ немуже вси яко къ кон-
зирати имамы, елицы подъ иго подклонихомся Еван-
кое и право вѣримъ въ Господа Іисуса: не тако обы-
ритяжано быти: ниже въ оно можемъ достигати яко-
ощемъ елма естество наше немощно суще, отъ съпро-
нападающихъ нань отъ вну оуду аки отягчаемо, но-
быти възбраняемо бываетъ на высоту стремнины
стигнути на верхъ горы, идѣже таковое сокровище
енія насъ къ себѣ призиваетъ. Сіе мню неудобство

многоищи Господь нашъ гадательствуя: овогда оубо пѣть оузкій глаголаше и прискорбный; овогда же оуху иглиму оуподобляя имже пройти не възможно вельблуду, а иногда възяти крестъ въ путьшествіи житіа сего, имиже стуженіе назнаменуемо есть, и весьма претрудно является спасенія исправленіе. Понемуже поразумѣвающе оученицы, начаху нѣкогда недоумѣватися, аще возможетъ кто спастися. Тѣмже къ сей възирающе жестокости и отъ самѣхъ себе отнюдъ вещи сея оудержати немогуще, боятися и оскудѣвати душею имѣли быхомъ? Никакоже непщевалъ бымъ, владика бо нашъ и Господь облакъ недоумѣнія сего отъ мысли апостольскыя отгоняя невозможная глаголаше оу чловекъ, возможна быти оу Бога, имиже аки всѣхъ насъ оутѣшая дерзати, и оуповати; подаяше на свышнее милосердіе, еже бо не возможемъ мы, то Богъ можетъ въ насъ: якоже Павелъ избранный нивчемже отъ себе недоволенъ бѣ, въ всѣхъ же обаче възмагаше, о възмагающемъ въ немъ Христѣ, Сице всѣхъ насъ, ихъже избра Богъ отъ сложенія міра съ наслѣдники възлюбленнаго, Сына его въ будущимъ животѣ и несъвершенныхъ сущихъ и немощію обложенныхъ и многими обстояньми окружаемыхъ, имиже занинаемы бываемъ доброе теченіе исправити въ конецъ, да не покоемуждо закоснѣваю глаголя: дѣйствующу стропотному зміи, иногда оубо прелщаемымъ, иногда несилуемымъ невидимая съ небесе посылаемая вѣрнымъ благодать, не дѣлъ ради нашихъ отъ нихже никоеже благое сътворихомъ на земли: но богатства дѣля милости щедраго и человѣколюбиваго Бога на ны благоволившаго осѣняетъ нескупляетя и избавляетъ отъ лютыхъ бѣдъ. Сего ради множицею не совершенни суще и немощными паче надежда съвершены бываемъ, и одѣваемся силою иже въ обстоянныхъ печаяннѣ освобождаемся и напаствуем

сопротивляемся врагу и попираемъ главу, блюду-
пяту. Тѣмже оубо имами хвалитися, не о себѣ,
господѣ милующимъ насъ, зане писано есть: Хва-
, о Господѣ да хвалится. Сія къ вамъ пишемъ
и чада о Господѣ, не тако простѣ но отъ вины
ныя принуждаемы, понеже въ оушесахъ и нашихъ
ъ, елика страждете скорбная отъ тамошнихъ въ
Архіерей иже превременныя ради и зело краткія,
отвергшихся Господа и душа ваша предати въ-
шихъ. Слышимъ во сія частѣ, аще и толико отъ
растояще поразумѣваемъ наносымыя вамъ неудоб-
възращаемая на васъ козни противныя бдящихъ,
ь и велми оусердно желающихъ, дабы васъ въ сѣ-
ей оувязнули, и купно привлекли въ нюже сами въ
ыпадоша, самовольнѣ себе низведши. Отнюдуже,
бимъ о толицемъ обидѣніи, и оуранены есмы сръд-
страждуще съ вами аки присными оуды тайнаго
и опасно въслѣдующимъ стопамъ, истинныя вѣры
нныя на основаніи, иже есть Іисусъ Христосъ,
даше сіе изъ начала благочестивое житіе, въ са-
томъ иже въ едемѣ насажденномъ раи, преизлиш-
неніе претерпѣвши: и нынѣ подобнымъ тому ко-
омъ и паче нежели тогда: и нынѣ въоружался
татель злыхъ, множество защитныхъ имѣя свя-
хъ догматъ премѣпителей (сихже бы вѣсте) опол-
противъ нашей простотѣ и скорбьми и прещенми
астьми и инѣми различными помышляетъ позибати
евняго основанія вѣры православіе и принести къ
омъ ихъже не вѣдѣша отцы наши. Но да познають
Божій быти: еже жестоко есть противу рожну
инжебо могуть избранніи отъ благодати Божія от-
Елици бо отъ насъ изыйдоша, отъ насъ не бяху:
ркви-бяху, не отъ церкви не бяху, и сего ради

отъ церкви изыдоша; не телесно церковь оставльш... съюзъ имже къ церкви и къ самому Христу приве... ея, отсѣкше и растoргше: и нынѣ немогуще студа... мѣти тщатся преподати и инѣмъ прелесть сію. Та... мышляюще, яко въ смѣхъ всѣмъ предлежатъ и в... руганіи суть, и въ самѣхъ ветхаго Рима поборни... и хотяще покрыти поруганіе, обличіе божественныя... ности, носити лицемѣрствуются, и притворяются ак... бродѣтелію отступленіемъ, и сего ради толикія исход... ствуютъ вамъ скорби и съблазны ихъже ащебы н... имѣли православные Христіане боятися, небы вѣр... въ Христа инжебы честной страсти и воскресені... клонилися была, и погубилибы веществованіе о в... былабы намъ вся наша тща, животъ, спасеніе, сл... самый той Богъ: но да небудетъ симъ тако намъ с... тися Бога да оубоимся, а не чловекъ, словесъ Го... Іисуса да оустыдимся, а не Антіхристовыхъ. Иж... рече оустыдится мене и моихъ словесъ въ родѣ... прелюбодѣйнемъ и грѣшнемъ; сынъ человѣческій оу... дится его егда пріидетъ въ славѣ отца своего съ А... святими. Сего оубо да оустыдимся: сего словеса с... ети, да потщимся, да не оустрашимся: оутвержен... насъ быти хощетъ Господь. Претерпѣвый бо до к... той спасенъ будетъ. Но речете, когда ли конецъ; ... о семъ въпрашаете отвѣщавати вамъ буду, яко ма... шіе въ плотолюбцехъ сій раждаетъ помыслъ, и рѣет... въпросъ: якоже и въ нѣкіихъ инѣхъ случается иже... благоключенія привреждeнныхъ радостію сіяти бывa... егда оувидятъ церковь вашу тлѣнныхъ вещей недо... ствующу богатствомъ, тогда прозбранну творятъ ... глаголющую: сѣжу аки царица и вдова пѣсмь и ... невѣдѣти буду: невѣдуще яко не погрѣшаетъ слово... шее: въ одинъ день пріидутъ раны ея, смертъ и ...

и гладъ и огнемъ съжена будетъ, яко пророкъ Господь судій ю. Прочее не инако отъ малодушія нѣцыи побѣждени бывше сумнѣваются: доколѣ тлятолюще терпѣти будемъ? и всуую православнымъ сущимъ не помагаетъ Богъ? или почто врагомъ нашея вѣры, толико терпитъ? и подобная симъ, яко зело многайшая пагубное мечтаніе съдръжитъ въ себѣ человеческое: вояже суть суетна. Настоящее во время подвиговъ есть время; нынѣ терпѣнію нашему да былобы познаваемо быти, искушаетъ насъ Богъ, а не оставляетъ, чаетъ бо въ насъ прославитися, а не досажденъ быти. Сего ради мужественныхъ не съхочетъ въ неудобствахъ о православіи, долготерпящихъ а несумнѣвающихся; долготерпенія требуетъ къ настоящему оустроенію, а не оутѣсненія душа. И Іона нѣкогда оскорбився и оунываше невосхотѣвъ долготрьпѣти и надѣятиси събытія высокаго совѣта божія. Всепремудрый же Богъ осѣнившую надъ нимъ тыкву оучителя поставилъ обличити пророка, егда отъ зноя въ малѣ соблюденъ бывъ не началинѣ широколистну и безплодну оусъхшу и искоренену оутрънему червію корень поразившу. Еже злоключеніе быти помысливъ и скрьбяше Іона: напослѣды запрѣщенъ бывъ, позна ше, яко подобаетъ всяко повиноватися совѣту господню, такожде и вы повынуйтеся свышше еже о васъ смотренію. Не сомнѣвайтеся прочее, но Бога въ всемъ прославите и пресвятому его имени право и чистымъ сердцемъ служите. Смышленнаго благочестія отбѣгайте; отступниковъ нераскаяннѣ пребывающихъ отъ себе отъганяйте, отнюдѣ мѣста имъ въ васъ непопущающи: тлятъ бо нравы благія беседы злы, ниже всякому духу вѣруйте, но искушеннымъ токмо. Оубогихъ въ требованіяхъ ихъ заступайте, наипаче же присныхъ своихъ, и весма жительствуйте живуще иже о Христѣ животомъ. Сія всхо-

тѣмомъ въ кратцѣ къ вамъ написати, да оувѣсте, яко не мало попеченіе имами о васъ, аще и мѣста разстояніе толико имущееся възбраняеть препосылатися писаніемъ нашимъ частѣ къ вашей любви; нынѣ же обрѣтше въ священно иноцехъ кvръ *Іосифа и протосиггела* *). *Святѣйшаго Престола нашего*, и настоящая къ вамъ начертавше писанія оувѣрихомъ ему къ вашему братству принести. И иная нужная православію оусты възвѣстити заповѣдавше и оуповаемъ яко исполнить повелѣнная ему. Господь же нашъ Іисусъ Христосъ да съхранить Васъ и оутѣшить вы въ всѣхъ благихъ и благоугодныхъ помагая и заступая васъ, егоже благодать съ всѣми вами. Аминь, 1620 мая 29, въ Торговиску.

Изъ древняго списка находящагося въ библіотекѣ перемышильского капитула при соборѣ св. Іоанна Крестителя.

Кириллъ патріархъ александрійскій, есть извѣстный въ церковной исторіи Кириллъ Лукаръ родомъ изъ Кандіи. Въ 1596 году былъ онъ на соборѣ въ Брестѣ въ должности ексарха александрійскаго патріарха. Ему приписуется также сочиненіе на русскомъ языкѣ *исторія уніи*, подъ заглавіемъ „Святаго (?) Кирилла Екзарха Александрійскаго игумена наука о противной Уніи, противъ благочестивыхъ священниковъ православныхъ ясное указаніе, сберегшееся въ Сборницѣ съ XVII вѣка. См. Востокова Опис. слав. русс. рукоп. Румянц. Муз. Сп. 1842 стр.

*) *Синкелами* назывались у константинопольскаго и другихъ патріарховъ келейные ихъ служители монашеского сана, жившіе въ однихъ съ ними покояхъ (кельяхъ). Первѣйшій и начальствующій надъ ними назывался протосинкелъ. Всѣ протосинкелли и синкеллы въ греческой церкви назывались учениками патріарховъ и возводимы были иногда на ихъ мѣста. На Руси, служившіи при патріаршомъ домѣ, назывались *келейными старцами*. Они были іеромонахи и іеродіаконы. Нов. Окрин. Ч. 2. гл. 6. §. 15.

554. Онъ последовалъ ученому Мелетію на патріаршій александрійскій престолъ, потомъ въ р. 1621 пятаго ноября посвященъ въ цареградскаго патріарха, былъ пятикратно лишенъ сего партіаршего престола и скончался мученическою смертью убитъ турками 8 января 1638 года. Кириллъ Лукаръ старался въ вести въ Греціи ученіе Калвина О немъ пишетъ Гейнрихъ Гиларій (Chronico in ecclesiae graecae Philippi Cyprii Magnae ecclesiae Constantinopolitanae. Lipsiae 1687 p. 442). Для опроверженія протестантского лжеученія собиралось пять греческихъ синодовъ въ 1639, 1642, 1672, 1691 годахъ, въ которыхъ брали участіе и русскіе митрополиты и святители. См. Dr. A. Pichler's, der Patriarch Cyrillus Lucaris undseine Zeit München. 1862.

3.

Письмо московскаго патріарха Іоакима къ львовскому епископу Іосифу Шумлянскому, касательно учрежденія галицкой митрополіи. Москва 22 октября 1689 года.

Іоакимъ милостію Божіею Московскій и всея Россіи, и всѣхъ сѣверныхъ странъ Патріархъ.

О святѣмъ Дусѣ, нашея мѣрности, сыну и сослужителю преосвященному Іосифу епископу Львовскому архипастырское благословеніе.

Времена и лѣта во своей власти положивый всеблагій Богъ, оустроеваетъ въ человѣческомъ жительствѣ въ пользу благодатнѣ начала и власти, имже самая истина Христосъ завѣща оучити народы: да соблюдаютъ вся заповѣданная отъ него, въ чесомъ славяще его прещедраго Отца нашего небеснаго, возруководствимся единеніемъ Духа, въ мирномъ и любезномъ союзѣ, и къ горнему

жителству, и многихъ ради въ мирѣ семъ не постоянст
въ селеніяхъ людей Божіихъ бываютъ измѣненія. И
бываетъ людей скудость, индѣ войнами грады и
разоряются, индѣ же въ пространствѣ населятся.
идѣже аще кто благочестивый и вѣрный человѣкъ о
щется, въ коей странѣ и языцѣ долженъ вѣру правосл
ную и оученіе святыя восточныя церкве крѣпцѣ хр
ти; яко истинное благочестіе ко спасенію полезно е
обѣтованіе имѣя живота нынѣшняго и грядущаго:
ховнымъ же руководителемъ наипаче о стадѣ Христ
прилѣжати подобаетъ; оубо изъ пріятія въ началѣ во
Россіи вѣры святыя во Христа Іисуса, въ предвидѣ
времена Богомъ, духовныя власти, бѣ одинъ всероссій
митрополитъ. Подъ нимъ же епископи градовъ бы
таже по претеченіи нѣколикихъ лѣтъ, волею Божіею,
боромъ же и судомъ всѣхъ восточныя церкве патр
ховъ и архіереовъ, и патріаршій всероссійскій прест
въ царствующемъ градѣ Москвѣ оустроися, и всѣхъ
верныхъ странъ: и въ подсудство вcѣ архіерейскія
столы ему подчинены суть; яко о томъ въ Константи
полѣ соборное дѣяніе явствуетъ за руками.

Но мірскою властію нѣколикая лѣта (аще и не
вилно по предѣлу отцевъ) и митрополитъ Кіевскій бы
съ епископы тоя страны, объвладѣніемъ полскія зе
начала, во особности: обаче православіе, и вѣру бл
честивую восточныя церкве содержаху, и престолу
ленскаго патріарха Константинополскаго подсудствова
Благоволеніемъ же всетворца нашего Бога, въ нынѣ
лѣта, соборомъ святѣйшихъ патріарховъ, православ
восточныя церкве, Цареградскаго, Александрійскаго,
тіохійскаго и Іерусалимскаго, и прочіихъ тамо сущ
архіереевъ. Кіевская митрополія съ подсудственными
епископы, духовнымъ началомъ и правленіемъ на

мѣрности, святѣйшему патріарху Московскому и всея Россіи, и всѣхъ сѣверныхъ странъ престолу опредѣлися совершенно. Сего ради благочестивѣйшыя великія Государи, православныя цари, и великія князи, *Іоаннъ* Алексіевичъ, *Петръ* Алексіевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи и многихъ государствъ самодержцы, всячески о благочестіи, и о православныхъ Христіанехъ тщаніе и попеченіе имѣютъ, еже бы всюду люди Божіи въ мирѣ и въ благочестивѣй вѣрѣ обитали, и православіе содержали крѣпцѣ. Тѣмже которіи и въ полскомъ обладаніи суть Христіане, въ союзномъ мирномъ поставленіи съ королевскимъ величествомъ, *договорныя статьи поставлены*: еже бы обрѣтающимся тамо архіерейскимъ престоломъ и монастыремъ и всѣмъ Христіаномъ восточныя церкве, въ мудрованіи и преданіи пребывающимъ, ни какія споны и гоненія не творили и ничимъ не изобижали, и вещей ихъ и поданыхъ не отъимали бы. Такоже и наша мѣрность о томъ оусердіе и попеченіе веліе имѣхомъ, имѣемъ, и всѣхъ васъ благочестіе истинное имущихъ, и о томъ еже не отпадати восточныя церкве мудрованія и преданія оучащихъ, и оучащихся. Любезною нашея мѣрности настырскою душею объемлемъ и цѣлуемъ. Желаемъ же вамъ всякаго мирнаго пребыванія, здравія долгоденна, и спасенія вѣчнаго, дабы получили вси присносущное блаженство въ небесѣхъ.

Да оувѣсть же Твоя любовь, яко преосвященный Гедеонъ Кіевскій и Галицкій митрополитъ, волею Божіею и тщаніемъ царскаго пресвѣтлаго величества, чрезъ нашу мѣрность на вдовствующій многая лѣта Кіевскій митрополіи престолъ возведеся чинно, и благословеніе, и по древнему предѣлу, еже ему епископскими престолы подчинеными, како правила святая повелѣваютъ, начальствовати, и всячески къ союзу любве оберегати въ со-

власти тоя Кіевскія епархіи съ нами архіереи и прочими духовнаго чина, и мірскаго начала, гдѣ како имѣтися можно опредѣляем. Тѣмъ же по имени Господни безъ всякаго препинанія и боязни, ради общаго христіанскаго добра, еже вѣру правую содержати, и обидимымъ помощь творити, и ради любве Божія да пріѣзжаете во градъ Кіевъ и съ нимъ да совѣтуете въ полезное о всемъ. Сіе бо по святому апостолу Павлу пріятно предъ спасителемъ нашимъ Іисусъ Христомъ. А еже онъ изъ вашихъ епархій приходящихъ людей ради поклоненія въ Кіевопечерскую обитель, и ради коеголибо дѣла, творитъ обиды, и оукоренія безвинно, и то намъ не быетъ извѣстно, и о томъ наша мѣрность къ нему пошлемъ нашу граммоту. Еще же писалъ еси намъ, еже бы *Галицкій престолъ оучинити митрополіею*, и то изъ древле иматъ Кіевскій, митрополитъ званіе.

И нынѣ и отъ насъ дадеся, и нарушати того не подобно. Аще ли изволеніе тамошняго начала, королевскаго величества, и рѣчи посполитой по обыклости правленія ихъ, съ совѣтомъ благочестивѣйшихъ нашихъ великихъ Государей, и съ нашею мѣрностію возможно во иномъ градѣ коемъ, въ Львовѣ или въ прочемъ оустроити архіепископію, аще и митрополита, еже бы о себѣ ему пребывати, и подсудствовати токмо къ нашему патріаршу престолу всероссійскому, а не кіевскому митрополиту.

При сему наша мѣрность во особое нашея, показаніе любве боголюбію твоему послахомъ тебѣ во служеніе желонъ, да омофоръ, въ ношеніе же расу да мантію архіерейскую, Евангеліе, чиновникъ архіерейской, два служебника.

Писася въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, міроздания 7148 лѣта, отъ воплощенія же Бога слова 1689 индиктіона г. Октобріа 22 дня.

Подлинникъ на продолговатомъ склеенномъ, одинъ

локоть и чверть долгомъ листъ бумаги, писанъ большею хоротею русскою скорописью, сберегается въ архивѣ львовскаго митрополитальнаго капитула при соборѣ Св. Георгія Великомученника подъ № LXIX.

На оборотѣ грамоты чтется слѣдующая надпись на польскомъ языкѣ:

Joachim Moskiewski Patriarcha odpisuje Josefowi Biskupowi Lwowskiemu, że na requizycyą Jego nie może restaurować Metropoliey Halickiej bez porozumienia się w takowych rzeczach J. K. M. Polskiego Króla y Rzeczy Pospolitej z Nayiasniejszym Carów Moskiewskich Weliczestwem. Roku 1689 die 22. Octobris.

О посольствѣ Пароенія Ломиковского, игумена плесниско подгорецкого монастыря, въ городъ Москву, по порученію львовского епископа Іосифа Шумлянськаго съ письмомъ къ московскому патріарху Іоакиму, чтется въ рукописномъ Сонопсисѣ монастыря плесниско-подгорецкого монастыря подъ 1689 годомъ слѣдующее извѣстіе:

„Пароенія игумена съ обители (плесницко-подгорецкой) богомобивый епископъ львовскій (Іосифъ Шумлянскій) архідіакона своего выправилъ въ великій царствующій градъ Москву, до пресвѣтлѣйшихъ и великодержавнѣйшихъ, благочестивыхъ царей, въ то время благополучно царствующихъ Іоанна и Петра Алексѣевича и пресвѣтлой царевны сонарствующей имъ Софіи Алексѣевны, таможе и до свѣтлѣйшаго киръ Іоакима московского и всей Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарха съ своимъ архіерейскимъ писаніемъ. Онъ же со тщаніемъ сіе послушаніе пріемъ, прилежно молитъ преосвященныхъ епископовъ львовского и луцкого, дабы во всякомъ своемъ понеченіи пастырскомъ сію обытель и братью въ ней находящуюся имѣли... Умоливъ же игуменъ велебного старца и отца своего духовного Макарія Василевича игумена монастыря названого Воли Деревяньской, дабы до его

возвращенія имѣлъ Св. обитель и братью въ своем
ческомъ призрѣніи и братолюбномъ попеченіи: самъ,
цѣловалъ лобзаніемъ святымъ, отиде во путь взя
собою брата іеромонаха Ѳеодосія и иніе послушни
30 мая 1689 въ четвертокъ. Молитвами преос.
родицы и Святыхъ учениковъ божіихъ достиже цар
щаго великаго града Москвы, и вся исправивъ в
тися во свояси. Возвратившу же ся ему съ пу
обитель сію дня 21 декемврія, воспѣша братя с
Божію и молебныя пѣнія, благодаряще Господа и
Дѣву о благополучномъ возвращеніи игумена свое
семъ отходя къ епископу, отъ негоже посланъ быст
нѣкія вещи къ украшенію церкви Божой и обите
той, тако же и братіямъ нужная."

Епископъ Шумляньскій, стараясь о чинъ ми
лита кажется, опасался Панкратія, митрополита
каго, каменецкаго и екзарха всея Малыя Руси, в
вающого въ сосѣдной Молдавіи, чтобы тотъ же доп
польскимъ правительствомъ на Червоную Русь, посе
ванъ мірянами и духовенствомъ не получилъ его
но тѣмже принужденъ повиноваться видамъ польской
тики, не допустилъ своего противника явиться на
куда Панкратій подсылалъ только свои антиминсы.
вительная грамота Панкратія изданная въ 1689 г.
сяцѣ августѣ четвертаго индикта цареградскимъ па
хомъ Іаковомъ, въ греческомъ пергаменномъ под
кѣ безъ печати сберегается въ архивѣ львовскаго
полит. капитула при соборѣ Св. Георгія подъ Ч.
См. Краткое извѣстіе о галицко-русскихъ епископ
митрополитахъ напечатанное мною въ Семейной биб
кѣ. Львовъ 1856 г. стр. 163. Зоря Галицкая 1851. З
описанъ древній антиминсъ тогоже митрополита Пан

II.

КОНСТАНТИНЪ II.

КНЯЗЬ ОСТРОЖСКІЙ.

О ПОБОРНИКѢ ЦЕРКВИ ПРАВОСЛАВНОЙ.

*(Окончаніе *).*

3. Дѣянія Константина II Острожскаго въ пользу православной южно-русской церкви послѣ введенія уніи.

И послѣ введенія уніи и рѣшительнаго отдѣленія уніатовъ отъ православныхъ ревность благочестиваго князя Острожскаго Константина Константиновича къ поддержанію и сохраненію православія въ южной Руси не ослабѣла, а только обратилась на другіе предметы. Враги православной церкви, силясь уничтожить православіе въ русскомъ югѣ, придумывали для этого всѣ возможныя средства, часто самыя беззаконныя. Съ своей стороны неослабный защитникъ православія открывалъ новые способы къ поддержанію и сохраненію его: и въ войнѣ православныхъ писателей съ писателями уніатскими и католическими, и въ преобразованіи монастырей и сооруженіи ихъ и приходскихъ храмовъ, и въ обезпеченіи различными способами благосостоянія какъ православныхъ храмовъ и монастырей, такъ и самыхъ членовъ церкви.

Немедленно послѣ окончанія брестскаго собора, началась война писателей православной церкви, пишетъ высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Евгеній, съ уніатскими и католическими, продолжавшаяся даже до новѣйшихъ временъ 1). Необходимость сей войны, какъ мѣры для сохраненія православія, понятна для каж-

*) См. кн. 8 Вѣстн. зап. Россіи.

1) Описаніе Софійскаго собора митрополита Евгенія стр. 146.

даго, постигающаго тогдашнее бѣдственное положеніе пра
ныхъ. Углубляясь въ изслѣдованіе истины христіанскаго у
обличая вмѣстѣ съ этимъ неправоту враговъ, православны
тели, въ своихъ богословско-полемическихъ сочиненіяхъ раск
глаза православнымъ чадамъ, и тѣмъ поддерживали, необ
при тогдашнихъ обстоятельствахъ, разъединеніе православн
католиками и уніятами, и способствовали къ тѣснѣйшему с
нію православныхъ между собою, чтобы общими силами за
и отстаивать родное и драгоцѣнное для русскаго сердца д
православіе. Послѣдующая исторія православной церкви,
щейся въ южно-русскомъ краѣ, показываетъ, что руссы д
тельно вступили въ борьбу съ папистами и со славою выдерж

Этой то полезнѣйшей для сохраненія православія мѣрѣ
много способствовалъ благочестивый князь Острожскій. Мно
ревнителей православія, но не многіе изъ нихъ могли безъ
употреблять перо свое на защиту православія, тѣмъ бол
во многихъ мѣстахъ русскаго юга все несогласное съ дух
зуитскаго ордена, все написанное не римско-католикомъ, ил
напечатанное въ типографіи, принадлежащей не папистамъ, в
далось на сожженіе какъ еретическое; и для большаго поср
таковое *автодафе* совершалось руками палачей 1). Конс
Константиновичъ всѣхъ желавшихъ ратовать за православ
нималъ подъ свое покровительство. Даже многихъ изъ рим
толиковъ, писавшихъ противъ Григоріанскаго календаря, о
стоивалъ своего покровительства и между прочими привл
себѣ Латоша, краковскаго лекарія, который много утве
православныхъ сочиненіями своими противъ этаго новаго к
ря 2). Вообще же Острожскій окружалъ себя всѣми, кто
сточной неунитской церкви отличался ученостію; бралъ их
свое покровительство 3), и щедро награждалъ труды на п
письменной войны православія съ уніею и католицизмомъ.
зательствомъ сему послѣднему служитъ замѣчательнѣйшая н
и имѣющая важное значеніе и для настоящаго времени книга
кризисъ," которую, по порученію князя Острожскаго Конс
Константиновича, написалъ Христофоръ Бронскій, скрывш

1) Obr. Litw. jav. T. III. стр. 107.
2) Hist. Litev. Pclsk.. Бентковскаго, II. 311.
3) Чт. общ. истор. и древн. Росс. 1847 г. № 8. отд. III с

ими подъ псевдонимомъ Филалета Ортодокса, и, въ вознагражденіе за написаніе ея, получилъ отъ князя Острожскаго мѣстечко Wilsk, съ нѣсколькими селами, на Украинѣ 1).

Видя, что „церковь святая... в нынешние времена (при сильномъ стремленіи iезуитовъ и уніатовъ къ низверженію въ ней православія)“ по духовныхъ пастырахъ своихъ пилно потребуетъ житія светоблиного и умеетности в письме светомъ,“ и внимая совѣту „блаженнаго Малетія, бывшаго патріарха Александрійскаго, и его милости светейшаго господина отца Кирилла, преемника престола его, на сей часъ патріарха Александрійскаго“ 2), князь Константинъ Константиновичъ преобразовалъ монастыри въ своихъ владѣніяхъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы они были залогомъ и оплотомъ непоколебимости православія въ южно-русской церкви.

Преобразованіе монастырей, дерманскаго и дубенскаго крестовоздвиженскаго, совершено Константиномъ Константиновичемъ княземъ Острожскимъ въ самомъ внутреннемъ ихъ устройствѣ и порядкѣ 3).

---

1) Dz. y pr. kosc. Polsk. T. III str. 412. № 3. (n) Кромѣ этого, клирикъ Острожскій, замѣчательный богословско-полемическій писатель сего времени (опис. Софійск. собора стр. 147), безъ пособія К. К. К. О., конечно, не имѣлъ бы ни средствъ, ни смѣлости къ такому дѣлу и въ такое время, каково было время уніи.

2) Они писали и устно переказывали К. К. К. О. „абысмы (т. е. К. К.) монастырь, который се называетъ киновая в маетности нашой на месцу певномъ надали, заложили и фундовали.“ Все приведенное уже нами и что еще будетъ приведено касательно преобразованія монастырей, безъ означенія мѣста, откуда оно взято, суть слова изъ драгоцѣнной рукописной записи К. К. К. О., которая имѣется въ рукописномъ Евангеліи дерманскаго монастыря, предъ благовѣствованіемъ святаго Евангелиста Марка.

3) О преобразованіи дубенскаго крестовоздвиженскаго монастыря несохранилось или же, можетъ быть, еще не отыскано такой же записи, какая сохранилась о преобразованіи дерманскаго монастыря. Но а) оба эти монастыри существовали въ одно время и находились въ одномъ имѣніи К. К. К. О. не далеко отъ города Острога; б) К. К. К. О. одинаково заботился объ нихъ, постоянно посѣщая ихъ, и даже болѣе любилъ дубенскій, чѣмъ дерманскій монастырь: ибо въ дубенскомъ онъ проводилъ нерѣдко дни и ночи въ постѣ, молитвѣ и бдѣніи (kor. Polsk. Nieseck. T. III str. 516); в) многіе изъ настоятелей дерманскаго монастыря скоро начали владѣть и дубенскимъ кресто-воздвиженскимъ монастыремъ (это

Все преобразованіе во внутреннемъ устройствѣ и порядк... манскаго монастыря Константинъ Острожскій направлялъ п... дѣйствій и замысловъ враговъ православія. Такъ какъ п... ствію и проискамъ іезуитовъ и уніатовъ, настоятельскія м... монастыряхъ нерѣдко были отдаваемы уніатамъ; то богом... князь Острожскій въ отношеніи дерманскаго монастыря с... слѣдующее постановленіе въ своей записи: „до того дае... (инокамъ дерманскаго монастыря) власть водлугъ порядку ... Великаго, игумена не откуль инуду, только спосредку себе... общаго житія, выбирати, чоловека въ житіи искусного, поб... и прикладомъ будучаго довшелякихъ цнотъ, а выбравши д... жати его милости одослати, которого, княжа его милость и ... ки княжати его милости потвержати мають, который не стр... наетности, але пастырь душъ брацкихъ быти маетъ.“ Посл... князь предвидѣлъ, что и врагъ православія (какъ это н... было) могъ втереться въ монастырь, подчиниться его зако... правиламъ, чтобы удобнѣе достигнуть настоятельской должн... сдѣлавшись настоятелемъ, онъ, какъ полный уже начальни... силою могъ начать дѣйствовать къ ниспроверженію правосла... и противъ этаго направилъ далѣе свое преобразованіе дерм... монастыря. „А если бы не таковый былъ, иншого вместо е... брати и залецити мають.“ Далѣе въ той же записи, каса... настырскаго „скарба“ и опредѣляя дѣятельность монашеству... находившихся въ семъ монастырѣ, князь побуждаетъ ихъ за... ся науками и изученіемъ языковъ „мають способнѣйшие д... учитисе письма словенскаго, грецкаго и латинскаго.“ Ибо... ритъ князь въ своей записи: „церковь светая въ нынешние ... на, по духовныхъ пастырахъ своихъ пилно потребуетъ... ности въ писме светомъ.“ А чтобы и при самомъ изученіи „... устранить вліяніе іезуитовъ, обыкновенно втиравшихся везд... подобныхъ дѣлахъ, богомудрый князь Острожскій поставляет...

видно изъ историч. записки о дерманскомъ монастырѣ, по... ной въ прибавл. къ 20 и слѣд. N. N. Волынск. Губ. Вѣдомо... 1847 г.); наконецъ г) К. К. К. О. въ дубенскомъ монастыр... же какъ и дерманскомъ преобразовалъ жизнь монашеству... Изъ всего этаго мы заключаемъ, что и дубенскій монастырь... также, какъ и дерманскій, былъ преобразованъ К. К. К. О... внутреннемъ его устройствѣ и порядкѣ.

вилюютъ: „учитесе... отъ особъ вери светое Восточное будучихъ... мають.“

Такъ какъ дерманскій монастырь, въ первоначальномъ существованіи своемъ, до начала XVII вѣка, по словамъ Іероѳея, епископа Острожскаго, не имѣлъ еще полнаго своего значенія и свойственной монастырямъ самобытности 1), то Константинъ Константиновичъ озаботился устроить въ немъ правильное общежительство по уставу Василія Великаго.“ Монастырь нашъ дерманскій даемо, говоритъ онъ въ своей записи, со всимъ на все з селы и з кгрунтами и вшелякими его пожитками, на житие общее черццомъ, которые бы произволили на общее житие, по законоположенію Великаго Василія, светыми богоносными отцы на соборы потвержено, то есть: абы жаденъ з нихъ, жадное маетности своее особное не мелъ, але што кольвекъ есть и будетъ, всихъ все и самое воли не мети своее, згожаючися съ писмомъ, на которомъ живот ихъ есть уфундованъ. Не стяжите злата, ни сребра, ни мѣди; и далей и на другомъ месци, в дияніихъ и бѣ вѣровавшихъ сердце и душа едина и ни единъ отъ именей своихъ глаголаше что свое быти, но бяху имъ вся обща.“ Первымъ игуменомъ преобразованнаго дерманскаго монастыря, по старанію князя Острожскаго, былъ Исаакій, протосинкелъ патріарха александрійскаго 2).

Поелику же образъ жизни и монашествующихъ дубенскаго кресто-воздвиженскаго монастыря въ первоначальномъ его существованіи находился въ такомъ же состояніи, въ какомъ былъ образъ жизни монашествующихъ дерманскаго монастыря: то благочестивый князь Константинъ II Острожскій ввелъ подобное преобразованіе и въ дубенскій монастырь. Для показанія образа аскетическихъ подвиговъ братіи сего монастыря возбужденія и руководства ея къ такимъ же подвигамъ, князь опредѣлилъ игуменомъ для нея блаженнаго Іова, по прозванію желѣзо, еще въ юности прославившагося строгостію иноческой жизни. Этого блаженнаго отца Константинъ Константиновичъ испросилъ у игумена, бывшаго въ Кар-

1) Въ его историч. запискѣ о дерман. монастырѣ, напечатной въ прибавленіяхъ къ 20-му и слѣд. N. N. Волын. Губ. Вѣдомостей за 1847 г.

2) На это есть указаніе въ концѣ книги Октоиха, изданнаго въ дерман. монастырѣ 1604 г., при означеніи мѣста и года ея напечатанія.

патскихъ горахъ, угорницкаго монастыря. Іовъ двадцати
былъ игуменомъ сей обители 1). Благочестивая заботливость
была вознаграждена успѣхомъ. Православные князья, вои
народъ изъ окрестныхъ странъ стекались въ обитель дуб
въ особенности же къ блаженному Іову, который, смущаясь
и избѣгая мірской славы удалился потомъ тайно на поча
гору 2).

Желая же доставить этимъ монастырямъ еще большую в
ность оказывать полезное вліяніе на православныхъ чадъ
руской православной церкви, Константинъ Константинови
новалъ при дерманскомъ монастырѣ типографію. Въ пред
къ Октоиху, первой, вышедшей изъ этой типографіи, книгѣ
ду прочими похвалами сему князю, говорится о немъ слѣд
„о еже сохранитися цѣлу благочестію святыя соборныя Ап
скія церкве... и монастырь свой глаголемый Дерманъ, со
довольства отлучивъ, киновію той устроивъ, иноковъ пред
совокупленіе въ немъ богобоязненныхъ мужей и иноковъ ис
въ житіи и разумѣ, или же и типарное се дѣло присово
да сугубо и трегубо пользующее церковное благочестіе
Овіи молитвами еже къ Богу поспѣшествующе, якоже С
Павлу. Друзіи же житіемъ пользующе произволяющимъ с
Сильнѣйшіи же словомъ и писаніемъ, наче же типарнымъ с
ломъ просвѣщающе всѣхъ, подобящеся древнимъ святымъ и
ихъ же и до днесь труды въ писаніяхъ явственны." При
Константина Константиновича и его иждивеніемъ напечата
дерманской типографіи только слѣдующія двѣ книги:

1) Октоихъ 1604 года.

2) Мелетія патріарха александрійскаго листъ, писанны
года къ Ипатію Поцѣю, 1605 г. 3).

Между тѣмъ скорая смерть благочестиваго князя не дал
нѣ созрѣть „типарному дѣлу" въ Дермани на пользу прав
Впрочемъ святая заботливость сего князя соблюсти на вѣчн

1) Маякъ 1845 г. Т. 23, гл. 3, стр. 43.

2) Тамъ же. Здѣсь снова убѣжденный иноческою братіе
согласился быть игуменомъ почаевской обители и пересел
блаженную вѣчность 1651 года.

3) Historya drukarni w krol. Pol. i W. X. Lit. w Krakowie
Bandke T. 1. str. 71.

дона 1) православіе въ преобразованныхъ имъ дерманскомъ и дубенскомъ монастыряхъ принесло хотя и не вполнѣ достойные плоды. Долго благочестивые иноки сихъ монастырей сопротивлялись дѣйствіямъ враговъ православія, избирая, по мысли благочестиваго князя Острожскаго, изъ среды себя достойныхъ надъ собою начальниковъ. Нѣсколько разъ послѣ настоятелей отступниковъ, у нихъ снова являлся настоятелемъ православный 2). Наконецъ, послѣ бывшаго въ Замостьѣ (1720 г.) уніатскаго собора, въ которомъ участвовалъ и соборный актъ подписалъ настоятель дерманскаго монастыря, архимандритъ Іаннуарій Огурцевичъ, окончательно ниспровергнуто православіе въ сихъ монастыряхъ. Но, по благополучномъ возвращеніи, судьбами промысла Господня, волынскаго края (1795 г.) подъ скипетръ всероссійскій, православіе снова начало процвѣтать въ мѣстахъ монастыря Дерманскаго и прежде бывшаго дубенскаго кресто-воздвиженскаго 3).

---

1) Будучи пособителемъ и оборонцемъ православныя вѣры, какъ называлъ его Мелетій патріархъ іерусалимскій, отъ Бога выбраннымъ (въ грамотѣ своей къ государю и владыцѣ острожскому воеводѣ кіевскому, всесвѣтлому княжати Василію, и инымъ православ. вельможнымъ княжатомъ... „Апокризисъ стр. 186) при жизни, Константинъ II Острожскій хотѣлъ, чтобы какъ самъ онъ, такъ и потомки его были защитниками и охранителями православія отъ нововведеній уніатовъ и католиковъ и по его смерти.“ Што, говоритъ онъ въ своей записи, все (сказанное имъ относительно преобразованія дерманскаго монастыря) якъ они (монашествующіе этого монастыря) въ повиности своей выполниты, такъ и мы, и потомки наши по насъ, въ цѣлости непорушно подъ зверхностю и обороною нашою, часы вечными въ покою заховати повинни будемо.“

2) Желающій подробно знать о православныхъ и уніатахъ, бывшихъ почти попеременно настоятелями въ этомъ монастырѣ до окончательнаго уничтоженія въ немъ православія, можетъ читать историческую записку о дерманскомъ монастырѣ въ прибавл. къ Волынск. Губ. Вѣдомостямъ N. 20-й слѣд. за 1847 годъ.

3) Дубенскій монастырь нынѣ не существуетъ. На мѣстѣ его стоитъ православная крестовоздвиженская церковь (Маякъ 1845 г. т. 23, гл. 3, стр. 43). Дерманскій же нынѣ есть одинъ изъ первоклассныхъ православныхъ монастырей и управляется епископомъ острожскимъ викаріемъ волынскимъ. Въ немъ возстановлено православіе, по имянному Высочайшему указу, 1821 г. вмѣстѣ съ перемѣщеніемъ въ сей, до того времени уніатскій, монастырь православ. преображенскаго острожскаго монастыря.

Съ тою же ревностію и съ тою же щедростію, какія оказалъ Константинъ Константиновичъ въ постройкѣ и обновленіи монастырей, находившихся въ его мѣстностяхъ, онъ заботился о постройкѣ и обновленіи приходскихъ храмовъ, находившихся въ предѣлахъ его княжества. Во многихъ мѣстахъ наслѣдственныхъ имѣній своихъ, куда только пріѣзжалъ и гдѣ нерѣдко проживалъ, онъ имѣлъ въ храмахъ маленькія отдѣленія, въ которыхъ, обыкновенно, укрывался отъ людей, чтобы не имѣть разсѣянія мыслей во время совершенія богослуженія 1). Къ сожалѣнію, письменныя доказательства того, какія именно церкви и монастыри созданы и обновлены этимъ богомудрымъ княземъ, частію по проискамъ враговъ православія уничтожены, частію же не приведены въ надлежащую ясность. Но польскіе историки свидѣтельствуютъ, что симъ княземъ воздвигнуто нѣсколько церквей и монастырей въ разныхъ мѣстахъ 2) православнаго русскаго юга. И изъ лѣтописи львовскаго братства, извѣстно, что, какъ только сей благочестивый князь принялъ львовское братство подъ свое покровительство, немедленно возобновили на свой счетъ значительную часть монастыря святаго Онуфрія, находившагося въ вѣдѣніи братства 3).

---

1) Ławki изъ мѣди вызолоченной, вышиною въ четыре локтя; шириною въ два съ оконцами на три стороны. Koron. Polsk. Niesеck. T. III, str. 516.

2) Niesecki Koron. Polsk. T. III, str. 516; Siarczinski obr. Wieku Zygm. III, T. II, str. 44. Длугошъ, который пользовался исторіями многихъ польскихъ писателей. Чтен. Моск. общ. истор. и древн. Рос. 1847 г. N. 8 отд. III, стр. 31. Въ собраніи грамотъ и актовъ г. Вильны, ч. II, № 6, есть грамота на латынскомъ языкѣ будто бы короля Сигизмунда III К. К. К. Острожскому, въ которой между прочимъ сказано: „благосклонно принимаемъ справедливыя и умныя просьбы... о построеніи изъ камня помянутыхъ церквей святой Тройцы на холмѣ поселенія, что идетъ къ воротамъ дороги на мѣдники... гдѣ былъ древній (храмъ) съ монастыремъ того же имени построенный изъ дерева, и другой св. Николая, именуемаго великимъ. Но въ Кіевлянинѣ кн. 1 стр. 89 говорится, что эти храмы основаны Константиномъ Ивановичемъ Острожскимъ около 1519 г. А преосвящ. Филаретъ (Истор. Русск. церк. ч. IV прим. 299) полагаетъ, что годъ этой грамоты выставленъ ошибочно издателями, ибо монастырь троицкій основанъ около 1400 г. (собр. грам. и акт. г. Вильны, ч. 2, стр. 14. 89).

3) Лѣтопись львовск. братства, составленная Зубрицкимъ и помѣщенная въ Ж. М. Н. просвѣщ. ч. 62 и слѣд. подъ 1585 годомъ.

Съ особенною также заботливостію онъ старался о созданіи, сгорѣвшей въ то время, церкви въ г. Львовѣ; отпуская львовскаго священника съ сопутниками въ Москву „для подиоложенья и ялмужны (т. е. милостыни) на сооруженіе этой церкви, онъ убѣждалъ всѣхъ и каждаго смотрѣть на нихъ, какъ на людей надежнѣйшихъ и ревнителей ко благу православной церкви и, на пути въ Москву и обратно, сколько возможно вспомоществовать имъ, за что обѣщаетъ награду отъ Господа Бога и милость и помощь отъ себя 1).

Созидая, возобновляя и украшая монастири и приходскіе храмы, Острожскій заботился и о поддержаніи ихъ. Для этого онъ жертвовалъ многое изъ своихъ маетностей. Въ актѣ о раздѣлѣ княжества Острожскаго (dział Xięstwa Ostrozskiego) между двумя сыновьями Константина Константиновича, совершенномъ въ 1603 г. съ дозволенія ихъ отца, значится много селъ, пожертвованныхъ князьями Острожскими въ пользу монастырей и приходскихъ храмовъ. Даже городъ Александровъ принадлежалъ кіевскому монастырю 2). Конечно, многое изъ означеннаго въ этомъ актѣ пожертвовано еще предками Константина II. Но безъ всякаго сомнѣнія и онъ много жертвовалъ. Ибо изъ привилегій, утвержденныхъ польскими королями, и выписей изъ книгъ воеводства кіевскаго, хранящихся (копіи въ рукописи 1786 г.) въ библіотекѣ кіевскаго Архангело-Михайловскаго монастыря, видно, что одному этому монастырю пожертвовано Константиномъ Константиновичемъ много участковъ земли, много озеръ и даже селъ 3). Надѣляя

1) Акты зап. Росс. т. IV, № 46.

Константинъ Константиновичъ заботился и о внутреннемъ благолѣпіи святыхъ храмовъ. Памятникомъ сихъ благочестивыхъ его дѣяній служатъ еще и нынѣ существующіе въ дубенской соборной деревяной Николаевской церкви два большіе массивные литые изъ мѣди подсвѣчника, изъ коихъ на каждомъ по пяти вѣтвей съ чашечками, для вставливанія въ нихъ большихъ свѣчей. Каждый изъ сихъ подсвѣчниковъ уставленъ на трехъ большихъ литыхъ же изъ мѣди, львахъ и каждый имѣетъ вычеканенную кругомъ надпись: Constantinus Constantinides Dei gratia Dux Ostrogiae, Palatinus Kyoviensis, Marsaleus terrae Voltiniensis, Capitaneus Vladimirensis, а на переднемъ обручѣ подсвѣчниковъ высѣчено на нѣмецкомъ языкѣ и имя мастера.

2) Временникъ 1852 г. кн. 14 стр. 45 и 46.

3) Напр. привиллегія короля польск. Стефана (1578 г. іюля 25).

монастыри и приходскіе храмы собственными маетностями, онъ давалъ привиллегіи, въ силу которыхъ монастыри и приходскіе храмы могли пріобрѣтать доходы для своего поддержанія и довольствія. Привиллегіи эти, по существу своему, не совсѣмъ значительныя, каковы на прим. на продажу меду, въ то бѣдственное для южнорусской церкви время имѣли свое значеніе 1).

Съ тою же любовію къ православной церкви князь заботился и о поддержаніи внѣшняго блага членовъ православной южно-Русской церкви, не щадя для сего ни сокровищъ, ни силъ своихъ. Для больныхъ и престарѣлыхъ онъ устроилъ въ г. Острогѣ богадѣльню (szpital), назначивъ для обезпеченія ихъ ежегодно четыре тысячи деньгами 2) и надѣливъ маетностями 3). Для бѣдныхъ онъ былъ очень щедръ 4), и нуждающійся всегда получалъ для себя отъ него помощь. Враги православія отнимали у духовенства средства къ жизненному продовольствію 5), чтобы тѣмъ

въ подтвержденіе трехъ листовъ К. К. К. О. на островокъ Обрудный, село Борщаговку и деревню Юровку, Дѣвичь—Гору и землю Оринченскую (листы 16—19). Есть и много другихъ копій съ подменныхъ документовъ. Въ актахъ зап. Росс. т. III. есть двѣ грамоты К. К. К. О.,—одна (№ 57, 1572 г. дек. 12) вводная грамота его Злотоверхо-Михайловскому монастырю на владѣніе землею Орининскою и Дѣвичь—Горю, по разъѣжжей записи, другая (№ 70, 1576 г. сент. 9) потвердительная первой. Этимъ, очевидно, подтверждается подлинность копій, хранящихся въ библіотекѣ кіевск. Михайловскаго монастыря.

1) Ибо 1607 г. священникъ покровской церкви жаловался на самовольное поселянами Сторожевицкими сыченіе меду, лишающее церковь дохода. И К. К. К. О. подтвердилъ рѣшеніе туровскаго старосты въ пользу церкви (Опис. Румянц. муз. N. CLXXVII).

2) Kor. Polsk. Nieseck. t. III, str. 516.

3) Въ Актѣ о раздѣлѣ княжества Острожскаго значатся majętności, принадлежащія Острож. богадѣльни (Временникъ кн. 14, стр. 46).

4) Ист. Малоросс. Маркевича. Москва 1642 г. т. 1, стр. 116.

5) Напр. изъ актовъ 1585 г. извѣстно, что земли дарованныя Витовтомъ и вельможами монастырю Троцкому, паписты отобрали; королевскій тивунъ жмудской земли Ильговскій предъ судомъ жаловался, что въ Трокахъ у монастыря и церквей все отнято „з...мъ теперь хвала Божя у церквахъ устала, и ач теперь одинъ попъ есть и такъ выхованя и поживеня слушного не маетъ и про великии недостатокъ свой муситъ прочити.“ Собр. древ. граж. и акт. Вильно 1843 г. ч. II, стр. 145.

заставить духовенство, лишенное дневнаго пропитанія, оставлять свои мѣста, и такимъ образомъ прекращать богослуженіе въ церквахъ и оставлять православныхъ овцами безъ пастырей на добычу хищнымъ волкамъ уніатамъ. Князь, стараясь избавить духовныхъ отъ угрожающей имъ опасности и желая, чтобы они тѣмъ ревностнѣе и удобнѣе могли выполнять лежащія на нихъ высокія и трудныя обязанности, щедро надѣлялъ ихъ своею собственностію. Онъ жертвовалъ имъ не только земли 1), но и своихъ подданныхъ и даже цѣлыя села 2); и не только старался избавить отъ нуждъ и доставить возможно лучшее довольство высшимъ духовнымъ лицамъ, но и низшимъ церковно-служителямъ 3). Надѣляя имѣніями монастыри и церкви, князь защищалъ ихъ отъ грабителей. Въ библіотекѣ кіевскаго Михайловскаго монастыря и нынѣ сохранилось нѣсколько позывныхъ листовъ (въ подлинникѣ) за подписью и печатію князя К. К. Острожскаго къ нѣкоторымъ лицамъ, разграбливающимъ и отнимающимъ собственность сего монастыря 4). Вообще князь съ такою ревностію защищалъ имущества церкви отъ врага православія, что Сигизмундъ III запретилъ ему вмѣшиваться и чинить свои декреты, по тяжебнымъ дѣламъ возникавшимъ въ духовныхъ отчинахъ кіевской митрополіи 5).

1) Акты зап. Росс. т. III, N. 130. Наказная грамота кіевск. воеводы кн. К. О. намѣстнику его Евстафію Ружинскому, объ отводѣ кіев. успенск. протопопу Іоанну во владѣніе Щекавицкой нивы и сѣножати.

2) Перечень имѣній духовныхъ по акту о раздѣлѣ Острожск. княжества (Временникъ кн. 14 стр. 45 и 46.

3) Предписаніе К. К. К. О. намѣстнику и писарю Туровскимъ— дать землю пустопорожнюю церковно-служителю Дмитрію Митуричу (опис. рукоп. Румянц. Муз. стр. 127.

4) Листъ (1600 г.) кн. О. веводы кіев. къ пану Вацлаву, въ слѣдствіе челобитной игумена сего монастыря въ ратушу кіевскую, о нападеніи Дорогостайского на церковныя имѣнія—Юровку и Глеваху. Листъ (1701 г. 2 августа) его же къ Вацлаву о нападеніи пана Харшенскаго.

5) Грамота королевская въ актахъ зап. Росс. т. IV N. 99.

Но католики и уніаты, время отъ времени, увеличивали свои насилія православнымъ. Православные храмы и монастыри наполнялись уніатами или терпѣли разграбленія отъ уніатовъ и католиковъ; православные руссы, по проискамъ тѣхъ и другихъ, устранялись отъ должностей и терпѣли различныя притѣсненія; имѣнія, принадлежащія православнымъ, ихъ храмамъ и монастырямъ, были

Наконецъ просвѣщенный и благочестивый князь заботился
тренномъ достоинствѣ и благоустройствѣ іерархіи. Враги
славія издали законъ не давать духовныхъ властей не обуч
ся въ школахъ, и вмѣстѣ съ симъ постановили православн

отнимаемы. Словомъ—страданія южно-русской церкви, н
пространствѣ русскаго юга, подвластнаго коронѣ польской,
вились все болѣе и болѣе тяжкими. Потому то, чтобы ув
средства и оборону православной церкви, князь Острожск
во главѣ православныхъ, заключилъ въ 1599 г. замѣчате
необходимый при тогдашнихъ обстоятельствахъ „Актъ К
раціи съ дворянствомъ польскимъ и литовскимъ восточнаг
скаго и протестанскаго исповѣданія." Въ семъ актѣ (на
мѣстѣ подписчиковъ къ которому) красуется подпись: „его
ство князь Константинъ Константиновичъ Острожскій кіевс
вода," послѣ описанныхъ бѣдствій, претерпѣваемыхъ пр
ными и протестантами отъ поляковъ и уніатовъ, находит
дующее обязательство православныхъ и протестантовъ: „
ческаго и евангелическаго исповѣданія люди,... желая проти
помысламъ р. католиковъ и безопасность свою отъ наглостей
теній оградить, сею записью обязываемся..., всѣ вообще н
сторона и каждое лице особо, за насъ и за потомковъ
истинно, искренно предъ Господомъ Богомъ всемогущимъ,
никогда не бываетъ поруганъ, обѣщаемся и присягаемъ, ч
няя христіанское ученіе и свободное исправленіе благочес
силѣ генеральской варшавской конфедераціи, не хотимъ д
съ помощію Божіею ни насиліемъ, ни законными предлог
нимать у себя сихъ правъ; а будемъ церкви, соборы, Ки
нашей власти находящіяся и владѣніе оными неуступчиво
нять и защищать и всѣ мѣста, а наипаче лица, на богос
опредѣленныя и яко порученныя подъ защиту заключенн
федераціи (да поможетъ намъ въ томъ Господь) въ посто
нашемъ защищеніи содержать. Будемъ другъ друга, и
грекъ другихъ грековъ и евангеликъ другихъ евангеликов
ковъ и кого нибудь изъ нихъ обиды, уроны, оскорбленія
гощенія за вѣру, или въ отношеніи вѣры, дружелюбно отв
(Прибавленіе къ Опис. софійск. собор. № 15. Польскіе ис
хотя изъ укоризною, но именно говорятъ, что только К.
подговорилъ и возбудилъ дѣйствовать съ собою за одно
стантовъ противъ католиковъ и уніатовъ). Послѣ сего ак
федераціи, такъ называвшіеся въ Польшѣ и Литвѣ дисс
или иновѣрцы, на каждомъ сеймѣ сильно отстаивали свои
обличали гонителей и часто исторгали у нихъ себѣ снисх
и терпимость.

принимать въ училища 1). Но имъ открытъ былъ свободный входъ въ тѣ училища, которыя съ такою ревностію старался завести князь и изъ которыхъ выходили люди, воспитанные въ духѣ православія и приготовленныя къ прохожденію іерархическихъ степеней. При всемъ томъ необходимость имѣть на степеняхъ священноначалія людей образованныхъ побуждала православныхъ на открывающіяся мѣста брать мнимыхъ православныхъ, бѣглецовъ греческихъ, которые на дѣлѣ были подготовленныя орудія враговъ православія. При волненіяхъ и безпорядкахъ того времени являлись и изъ своихъ такіе люди, которые хотѣли достигнуть или и достигали іерархическихъ степеней, хотя были сомнительнаго православія и укоризненной жизни. Князь Константинъ II своею ревностію по православной вѣрѣ давно уже заслужилъ особенное расположеніе и довѣренность отъ константинопольскаго патріарха, получилъ еще отъ польскаго короля Стефана Баторія „привилей, або преложныхъ духовныхъ вѣры своее завѣдовалъ“ 2); и въ силу сей привилегіи королевской и довѣренности патріаршей онъ ревностно заботился объ южно-русской іерархіи. Онъ способствовалъ восходить на высшія степени іерархическія достойнымъ людямъ Восточной православной вѣры, „за его залѣценьемъ, какъ сказано въ одной рукописи, митрополію и епископіи роздавали людемъ вѣры и послушенства грецкого“ 3). Но какъ только становились извѣстными недостойныя дѣянія іерархическихъ лицъ, благочестивый князь, съ особенною ревностію, обличалъ ихъ въ недостоинствѣ и настаивалъ лишать священнаго сана. Въ слѣдствіе его то доказательствъ лишенъ сана митрополитъ Онисифоръ, по прозванію дѣвочка. Онъ же съ особенною заботливостію обличилъ въ недостойныхъ дѣяніяхъ и Кирилла, епископа луцкаго 4); и

1) Въ 1500 г. этотъ законъ издалъ Сигизмундъ III, по наущенію Ипатія Поцѣя, уже достигшаго митрополиціи (собр. древн. грам. и актовъ г. Вильны. Вильно 1843 г. ч. 1, стр. XLVI.

2) Акты зап. Росс. т. IV (N. 149) стр. 206.

3) Тамъ же.

4) „Снаднѣ его милость, говорится въ одной современной рукописи, княжа (т. е. К. К. К. О.) о всемъ (о дѣйствіяхъ недостосныхъ) вѣдомость скутечную взявши, пославши по епископа (т. е. Кирилла) почалъ ему то на очи выкидати. Свѣдки стали у очію и признали о двоеженствѣ, о побитью Филиппа Маляра...“ Тамъ же стр. 210.

только ускоренною заботливостію о введеніи уніи въ южно-русскую церковь сей епископъ избѣжалъ достойнаго суда Восточной церкви. Вообще для благоустройства самой іерархіи онъ много и съ успѣхомъ потрудился, какъ „единомысленный членъ братства“ львовскаго, какъ „сенаторъ въ рѣчи посполитой,“ и какъ „привильеванный екзарха отъ святѣйшой столицы Константинопольской“ 1).

Упомянемъ о подвигахъ князя Острожскаго и противъ внѣшнихъ враговъ отечества. Внѣшніе враги государства, грозящія ему разореніемъ, суть вмѣстѣ и враги церкви, въ предѣлахъ того государства находящейся. Таковыми врагами польскаго королевства, во время Острожскаго, были въ особенности татары. Нерѣдко они разоряли и опустошали, или же еще только угрожали опустошеніемъ и разореніемъ южно-русской церкви, стремясь опустошить и разорить русскій югъ. И со славою отражалъ и изгонялъ ихъ князь Острожскій, такъ что, въ это время, изъ всѣхъ находившихся въ коронѣ польской, никто не воевалъ противъ отечественныхъ враговъ ни чаще, ни счастливѣе его 2).

Такъ, во все время своего княженія 3), подвигался Константинъ II Острожскій на поприщѣ своего служенія благу православной церкви. Что же сказать вообще объ этомъ незабвенномъ князѣ, о дѣятельности его для блага православной церкви? Безъ всякаго сомнѣнія, мы не вполнѣ изобразили дѣянія сего князя, совершенныя имъ на этомъ поприщѣ; и потому не въ надлежащемъ совершенствѣ можемъ и судить какъ объ нихъ, такъ и о самомъ Константинѣ. Но и изъ разсмотренныхъ наши дѣяній и представленнаго нами краткаго очерка современнаго князю состоянія православной южно-русской церкви, видно, что самъ онъ былъ столпомъ и опорою православія и съ успѣхомъ содѣйствовалъ „утвержденію православной вѣры“ въ русскомъ югѣ. Многіе изъ православныхъ, по появленіи сего князя, уже усвоили себѣ, отъ вліянія на нихъ запада и своевольныхъ его преобразователей, характеръ холоднаго

1) Смотр. Посланіе его къ львовск. братству. Акты зап. Рос т. IV, N. 170.

2) Kor. Polsk. Niesecki t. III, str. 515.

3) Отецъ К. К-ча Константинъ I Ивановичъ умеръ 1535 года а старшій братъ его Илія умеръ 1539 г. Слѣд. съ сего времени началось и княженіе К. К. К. О. (Опис. Рум. Муз. N. CXXXI) кончилось же 1608 г., значитъ обнимало безъ малаго 70 лѣтъ.

безразличія въ вѣрѣ 1). Константинъ еще до начала уніи съ успѣхомъ старался духовными мѣрами возгрѣвать православную вѣру въ сердцахъ ещё неодеболѣвшихъ. Во время же введенія уніи онъ первый возсталъ противъ введенія ея въ русскій югъ и содѣйствовалъ другимъ противодѣйствовать ей. Подъ его мощнымъ покровительствомъ православные русскаго юга вступили въ сильную борьбу съ папизмомъ, долго боролись съ нимъ и выдержали его напоръ, что показываетъ послѣдующая, простирающаяся до нашихъ временъ, исторія южно-русской церкви. Такимъ образомъ въ дѣятельности Константина II Острожскаго соединяются два великіе отдѣла событій церковныхъ. Святая православная южнорусская церковь, отъ долговременнаго и сильнаго вліянія на нее запада и своевольныхъ преобразователей его, „склоняясь къ паденію" и не имѣя опоры въ государствѣ, въ дѣятельности Острожскаго обрѣла для себя опору и помощь, при посредствѣ коихъ выдержала долговременную борьбу съ католицизмомъ, соединилась съ сѣверно-русскою церковію, и, составивши одну православную русскую церковь, начала благоденствовать и процвѣтать и выступила на чреду всемірнаго служенія.

„Утвердить православную вѣру" и поддержать „святую церковь, клонившуюся на паденіе," естественно не можетъ лице обыкновенное, безъ особеннаго промышленія Божія: только Господь воздвигаетъ мужа по сердцу своему для исполненія путей своего смотрѣнія, „Богъ одинъ, по словамъ святаго Иринея, даетъ совѣтъ, а давая совѣтъ, присутствуетъ съ тѣми, которые заботятся объ исполненіи онаго" 2). Такъ Константинъ II воздвигнутъ былъ промысломъ какъ благопотребный охранитель и поборникъ бѣдствовавшей православной южно-русской церкви. Господь далъ ему и приготовиться достодолжнымъ образомъ къ своему великому служенію.

Избравъ сего князя выполнителемъ путей своего смотрѣнія о церкви, онъ поставилъ его въ такомъ мѣстѣ, въ такихъ обстоя-

---

1) Одни изъ православныхъ добровольно, сообразуясь съ ходомъ современныхъ политич. обстоятельствъ, другіе же по прихотямъ первыхъ дѣлались то католиками, то кальвинистами, то уніатами и проч. (См. Истор. гельветич. исповѣд. въ Литвѣ, въ Чтеніи общества истор. и древ. Росс. 1847 г. N. 8, отд. III.

2) Advers. Naeres. lib. III, cap. 41.

тельствахъ, оградилъ его такими людьми, что онъ соделал[ся чи]стымъ сосудомъ благодати Божіей, возбудившей его на д[ѣла слу]женія церкви. Отецъ его Константинъ I Ивановичъ былъ [мужъ], котораго князь Курбскій называетъ „свѣтлымъ въ правовѣ[рныхъ] догматахъ и во всякомъ благочестіи сіяющимъ“ 1), и о кот[оромъ] папскій легатъ Пизонъ писалъ къ своему первосвященнику: [этотъ] князь такъ приверженъ къ греческой церкви и до того [соблю]даетъ ея постановленія, что и на волосъ отъ нихъ не отступае[тъ 2)]. Воспитаніе Константина II подъ руководствомъ такаго отца, [быв]шаго въ домѣ, по словамъ того же аббата, благочестивым[ъ ...]мою,“ сдѣлало и его мужемъ благочестивымъ, „желателем[ъ] отеческаго благочестія, мужемъ разумнымъ и отчасти въ пра[вовѣр]ныхъ догматахъ искуснымъ,“ какимъ и называетъ его князь [Курб]скій 3). Мѣсто жительства его въ предѣлахъ южно-русской [...] дало ему возможность узнать ея состояніе и нужды. Въ [...]ствѣ съ благочестивымъ княземъ Курбскимъ открылось дл[я него] новое средство приготовленія къ своему служенію. Князь [Курб]скій, проживая въ предѣлахъ русскаго юга, съ усердіемъ [забо]тился о просвѣщеніи южно-руссовъ, и много потрудился съ п[ользою] на этомъ поприщѣ. Имѣя чисто русскую душу и будучи п[реданъ] всею душею православной Восточной церкви, онъ вполнѣ [...] опасное положеніе, въ какомъ находилась тогда православна[я цер]ковь въ южной Руси. Сдѣлавшись другомъ князя Остро[жскаго], благочестивѣйшаго и вельможнѣйшаго изъ всѣхъ тамошних[ъ кня]зей, онъ съ ревностію раскрывалъ сему опасное состояніе [право]славныхъ южно-русскаго края и настойчиво убѣждалъ его з[аняться] ся чтеніемъ священнаго писанія, при содѣйствіи чего сей „не [только] самъ возгнушался бы таковыми (т. е. неправославными) догм[атами], но и другимъ той страны правовѣрнымъ христіаномъ возбран[илъ] и запретилъ“ 4). Голосъ Курбскаго подѣйствовалъ на княз[я ...]

1) Сказан. кн. Курбск. С.-Пб. 1933 г. ч. 1, стр. 76.

2) Koron. Polsk. Niesecki t. III, str. 514.

3) Сказан. кн. Курбск. ч. II, письмо 3 къ К. К. К. О. [...] Константинъ говоритъ о себѣ въ своемъ окружномъ посланіи [...] преименитыхъ благочестивыхъ своихъ родителей зъ младости [...] въ наказанія истинныя вѣры воспитанъ быхъ.»

4) Тамъ же. Письма къ К. К. К. О. и въ особенности п[исьмо] 3-е. «Много ти, писалъ Курбскій къ Острожскому, и устѣ[...]жахъ, или докучахъ, да прочитаемя священныхъ писаній [...]

трожскаго 1). Приготовленный такимъ образомъ на дѣло служенія церкви, Константинъ возбужденъ былъ благодатію Святаго Духа къ дѣятельности на пользу и въ защиту церкви святой. „Почувствовалъ въ собѣ залогъ, какъ говоритъ о себѣ самъ князь, письма святого,“ и „свѣдущи паденія церкве Христовы“ и видя „наруганія еретикъ и тыхъ самыхъ отторгнувшихся римлянъ“ 2), онъ выступилъ на дѣло своего служенія, со славою подвизался на этомъ поприщѣ и, по справедливости, заслужилъ себѣ безсмертную память всѣхъ православныхъ 3). Какъ на избранника Божія, воз-

аще и по малу; и непрестану ти во истину докучати и до моей смерти (понеже дѣло люблю тя) дондеже царю тя лѣпаси тщаніе о семъ приможити и охоту въ сердцѣ твоемъ выдвинути.»

1) Ибо сей скоро занялся чтеніемъ св. писанія и напечаталъ полную славянскую «Острож. библію.»

2) Собствен. слова К. К. К. О. изъ посланія его къ Поцѣю. Акты запад. Рос. т. IV N. 45.

3) Константинъ II былъ послѣдній достойный представитель рода князей Острожскихъ, видимо предназначеннаго къ служенію церкви. Уже сынъ его Янушъ измѣнилъ церкви православной, предался іезуитамъ и папству. Глубоко огорченъ былъ благочестивый родитель, но, въ силу древнихъ обычаевъ своего рода, не лишилъ наслѣдства Януша, которому по раздѣлу 1603 г. достались половина отцовскихъ владѣній. Другая половина досталась брату его Александру, который въ томъ же году скончался, оставивъ двухъ сыновей Константина и Ивана. Янушъ, получивъ наслѣдство, самъ не имѣлъ наслѣдниковъ въ мужеской линіи и хотѣлъ передать наслѣдство кому либо изъ племянниковъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ латинство. Но какъ ни одинъ изъ нихъ не согласился на это, то Янушъ лишилъ ихъ своего наслѣдства, и учредилъ майоратъ или ординацію, по которому они перешли къ его потомкамъ женской линіи, а потомъ въ чужія руки. Есть основаніе думать, что и потомство Александра не осталось вѣрнымъ православію, и знаменитый родъ князей Острожскихъ уклонившійся отъ своего назначенія прекратился (достигнутой линіи) окончательно, княжество Острожское, раздроблѣно на мелкія части, переходя изъ рукъ въ руки утратило свою древнюю славу. При этомъ показаніи въ исторіи (см. Кіевлян. къ 1 стр. 96.; Временникъ, кн. 14, статья: Нѣсколько словъ о княжествѣ Острожскомъ) весьма замѣчательно одно сказаніе, помѣщенное въ запискахъ Петра Могилы; въ нихъ говорится, что Ангелъ Господень, явившись одному католическому пустыннику съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ, повелѣвалъ объявить княгинѣ Аннѣ, женѣ умершаго Александра (сына Константина II), чтобы она, сыновъ своихъ Константина и Ивана, не отвращала

двигнутаго свыше для исполненія путей Божественнаго смотрѣнія о святой церкви Божіей, смотрѣли на Константина II Острожскаго и православные современники его. „По зезволенію Божіемъ,“ писалъ львовскій священникъ въ своемъ историко-полемическомъ изслѣдованіи о началѣ и распространеніи уніи, „благовѣрный князь Константинъ Константиновичъ, въ святомъ крещеніи нареченный Василій, князя Острозское..., возбужонъ будучи духомъ святымъ, умыслилъ утвердити православную вѣру, предками своими вездѣ уфундованую“ 1). Мелетій, патріархъ александрійскій въ своей грамотѣ дѣлаетъ такое обращеніе къ православнымъ южной Руси: „але того (Константина II Острожскаго) вамъ зычемъ и вѣншуемъ, якъ пособителемъ и оборонцемъ православныя вѣры отъ Бога выбраннымъ“ 2). Вообще современники Константина II Острожскаго, съ глубокою скорбію видѣвшіе нужды и страданія тогдашней южно-русской церкви, могли особенно живо сознавать и чувствовать цѣну дѣятельности доблестнаго князя, посвященной благостоянію и защитѣ сей церкви. Вотъ въ заключеніе свидѣтельство еще одного изъ нихъ, проникнутое живѣйшею любовью, признательностію, благоговеніемъ къ знаменатому князю, защитнику и утѣщателю православныхъ, ревностно подвизавшемуся для славы церкви Божіей, для славы Бога Вышняго.

отъ вѣры ихъ (православной въ католичество), потому что, продолжаетъ далѣе, когда они пребудутъ въ вѣрѣ своей отцевской, Богъ возвеличитъ Константина какъ онаго великаго ихъ предка Константина: а Ивана какъ онаго ихъ предки Ивана: и будутъ они долговѣчны и счастливы, и ее благословитъ Господь Богъ. Если же она отвратитъ ихъ отъ ихъ вѣры, тогда они, въ одномъ году, умрутъ, не достигши своего величія (Panstwa), а ее съѣдятъ живою черви.» Знаменательныя слова по отношенію къ Константину II и всему роду князей Острожскихъ!... Всѣ историки свидѣтельствуютъ, что дѣти Александра, Константинъ и Иванъ, умерли въ молодости. А въ рукописи говорится (на оборотѣ 25-го л.), что они именно были совращены въ неправославіе, умерли и, по пророчеству; что и надъ самою княгинею Анною сбылось пророчество. Рукопись, изъ которой заимствовано нами это сказаніе, есть собственноручный сборникъ произшествій, событій и копій съ подлинныхъ документовъ, писанный митрополитомъ Петромъ Могилою единственно для себя «въ память и назиданіе.»

1) Акты зап России т. IV, № 149.

2) Апокризисъ стр. 186.

Въ предисловіи къ церковной книгѣ „Октоихъ" (напеч. 1064 г. въ дерман. монастырѣ читаемъ: „Иже въ благочестіи сіяющъ говорится въ семъ предисловіи, пресвѣтлый князь, имъ же и его же ради Богъ, въ настоящихъ и мимошедшихъ обстояніяхъ же и бѣдахъ нашихъ насъ защищали и утѣшали, и достойную чудеси божества своего силу въ немъ, въ утверженіе благочестія святаго, являше. Сей днесь старостію преклоненъ, о его же здравіи вси купно молите Господа Бога, даже обычнаго ради милосердія своего, Богъ иже живота и смерти власть имѣяй и сему яко единому отъ рабъ своихъ работающу ему въ тщаніи благочестія, лѣтъ же и здравія приложитъ. Сей бо, яко же вси есте днесь свѣдители, время все живота своего, яко въ любезныхъ и сладостнѣйшихъ ему *трудѣхъ же и подвизѣхъ, ради умноженія славы Вышнего Бога,* и въ тяжскихъ нуждахъ, о еже сохранитися цѣлу благочестію святыя соборныя Апостольскія церкве, усердно и любезно, купно съ нещаднымъ ему изнуреніемъ имѣній иждивъ, и даже и до днесь разлеженное его сердце любовію еже о свободѣ и о мирѣ православія, не угасаетъ, и еже о семъ тщатися не престаетъ."

Но память избранниковъ Божіихъ, трудившихся для блага церкви Христовой незабвенна и въ отдаленныхъ вѣкахъ и въ отдаленномъ потомствѣ! Вспоминая минувшія бѣдствія русской церкви на югѣ, кровавыя страданія за вѣру православныхъ предковъ нашихъ, тѣмъ паче ублажимъ память богомудраго князя, бывшаго охранителемъ защитникомъ и утѣшителемъ сей церкви дворныхъ сыновъ ея!... Воздамъ славу Богу, воздвигшему сего мужа для исполненія путей своего смотрѣнія о святой церкви своей!—

ГОРОДЪ ТРОКИ.

Извѣстно что г. Троки бывшій когда то столицею литовскихъ князей, играетъ довольно видную роль въ исторіи Литвы. Политическія событія, которыя въ немъ происходили, его судьба, его могущество, которымъ, въ эпоху постояннаго или временнаго пребыванія въ немъ литовскихъ князей, обусловливался ходъ и порядокъ дѣлъ всего княжества,—все это представляетъ не мало интереса для любознательныхъ читателей. Потому то я и рѣшаюсь вкратцѣ изложить исторію г. Трокъ въ его современномъ и про-

шедшемъ состоянiи, отъ самаго основанiя его, со всѣмъ тѣмъ,
въ немъ есть замѣчательнаго въ археологическомъ и этнограф
скомъ отношенiи.

Если вамъ, читатель, приходилось проѣзжать или жит
уѣздныхъ городахъ сѣверо-западнаго края Россiи, то вы уже
жете составить себѣ общее понятiе и о Трокахъ. И здѣс
найдете и грязь, и нечистоту и ветхiе деревянные дома, съ
оттолкивающею наружностью, и вѣчно суетливыхъ обитателей
реевъ, т. е. все то, что непрiятно поражаетъ васъ въ дру
городахъ названнаго края. Давно уже миновали для Трокъ
мена Гедимина, Кейстута и другихъ литовскихъ князей имѣвш
въ нихъ свои резиденцiи. Давно они уже потеряли то знач
какимъ пользовались во времена оны. Теперь судьба какъ б
отмщенiе за бывшее въ краѣ первенство Трокъ поставила
чуть ли не на послѣднее мѣсто между другими уѣздными гор
ми. По своему географическому положенiю, Троки находятс
западъ отъ Вильны, въ 26 верстахъ отъ него; лежатъ м
54° и 8 минутами сѣверной широты и 42° и 36° восто
долготы. Со всѣхъ почти 1) сторонъ городъ окруженъ озер
которое, освѣжая атмосферу своею влажностiю, въ самое жа
время лѣта, умѣряя зной, даетъ чувствовать себя особенною
хлядою. Его разнообразные и прихотливые изгибы, заливы,
леко выдающiеся въ материкъ и составлящiе какъ бы отдѣл
озера, и острова, виднѣющiеся тамъ и сямъ надъ водою, соо
ютъ всей городской мѣстности живописный видъ. Есть пред
что это озеро, извѣстное подъ именемъ Гальвы, встарину обле
со всѣхъ сторонъ пространство занимаемое городомъ, но неудо
пути сообщенiя послужило, вѣроятно, побужденiемъ къ сдѣл
насыпи, которая и соединила одну изъ сторонъ бывшаго ост
съ материкомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ проходитъ почт
дорога на Вильну Климатъ здѣсь очень здоровый. Виле
доктора согласны въ томъ, что воздухъ трокскiй и купаны
озерѣ много помогаютъ страдающимъ грудными, нервными бо
нями и разслабленiемъ организма, что и испытали на себѣ н
торые больные, получивъ облегченiе или совершенное выздор
нiя. По увѣренiю мѣстныхъ жителей, ихъ никогда еще не

---

1) Съ восточной стороны—узкiй перешеекъ.

сѣщала холерная эпидемія. Мѣстность города холмистая; въ немъ около 100 домовъ самой незатѣйливой архитектуры, дома эти деревянные, за исключеніемъ трехъ казенныхъ зданій. Проѣзжій, нечтая видѣть въ столицѣ литовскихъ князей слѣды бывшей когда то обширности, многолюдности и великолѣпія города, слѣды шумной и дѣятельной жизни, ошибется въ своихъ предположеніяхъ и, увидя маленькій городокъ, имѣющій одну только улицу окаймленную старыми домами, мѣстами сильно покосившимися и норовящими отдохнуть отъ продолжительной стоянки, готовъ усумниться въ дѣйствительности историческихъ о Трокахъ повѣствованій. Время пощадило отъ давноминувшей жизни только развалины Кейстутова замка и кое какія остатки Гедиминова. Населеніе города составляютъ евреи—караимы, евреи—талмудисты—и христіане. Здѣсь нѣкоторое время не было евреевъ—талмудистовъ, они были изгнаны по домогательству, какъ говорятъ, караимовъ, имѣвшихъ преимущество или исключительное право на осѣдлость въ Трокахъ, согласно дарованнымъ имъ прежде привиллегіямъ. Но уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ какъ евреи-талмудисты живутъ у насъ въ Трокахъ и, какъ спеціалисты коммерческихъ дѣлъ и опытные въ практической философіи по части экономіи и эксплоатаціи, успѣли уже забрать въ свои руки и торговлю и ремесла. Впрочемъ торговля здѣсь идетъ въ очень скромныхъ размѣрахъ; несостоятельность ея бываетъ иногда слишкомъ чувствительна для жителей. Бѣдное состояніе торговли объясняется близкимъ сосѣдствомъ Трокъ съ Вильною, къ тому же малочисленнымъ населеніемъ и отсутствіемъ большихъ трактовъ, которые проходя чрезъ города, служатъ къ оживленію города, и вліяютъ на расширеніе торговли. Недостатокъ оживленія обѣднѣлаго города сознавалъ еще король Сигизмунтъ Августъ, вслѣдствіе чего и издалъ приказъ, по которому купцы, проѣзжая по торговымъ дѣламъ изъ Вильны въ Ковно и обратно, должны были непремѣнно направлять путь свой на Троки. Сомнительно, впрочемъ чтобы распоряженіе короля было выполняемо въ точности, при слабомъ присмотрѣ стражи, неудобствахъ лишняго пути и неисправности окольныхъ дорогъ. Кромѣ лавокъ и питейной торговли, жители, особенно караимы къ осени промышляютъ огурцами, которые здѣсь крупны, вкусны и ростутъ въ обиліи. Такою плодовитостію и доброкачественностію этотъ огородный продуктъ обязанъ свойству

мѣстной почвы и отчасти труду и умѣнью карaимовъ. Въ продажу огурцы идутъ преимущественно въ Вильну, гдѣ наши временные торговцы и получаютъ порядочные деньги, простирающіеся иногда за все время сбыта, какъ говорятъ, до 100 р., и свыше. Само собою, для мѣстнаго употребленія тоже оставляется достаточное количество огурцевъ. Мѣстное озеро изобилуетъ разнородной рыбой и между прочимъ очень крупною и вкусною сялявой; но такъ какъ оно городомъ ежегодно отдается въ арендное содержаніе, то монополіей ловли рыбы пользуется только одно лицо или артель. Также какъ огурцы и рыба идетъ въ продажу на виленскій базаръ.

Все, что украшаетъ нашъ городъ, — это церковь и римско-католическій костёлъ. Церковь построена въ 1863 году на доброхотныя пожертвованія ревнителей православія, усердіемъ мѣстнаго благочиннаго, заботливо радѣющаго о нуждахъ ввѣреннаго ему храма. Грустно становится при воспоминаніи, что богослуженіе, со времени открытія прихода, до основанія настоящей церкви отправляемо было въ еврейскомъ домѣ, замѣнявшемъ храмъ Божій для совершенія святой Евхаристіи. Домъ этотъ теперь отдается въ наймы. Сдавленный съ трехъ сторонъ еврейскими строеніями, весьма неблаговидный, онъ слишкомъ не соотвѣтствовалъ своему назначенію; но, вѣроятно, по крайнему неудобству всѣхъ другихъ домовъ былъ предпочитаемъ послѣднимъ. Сообщаемый мною фактъ служитъ доказательствомъ тому, въ какомъ уничиженіи и забвеніи находились церкви въ сѣверо-западномъ краѣ даже въ такое недавнее время между тѣмъ какъ римско-католическіе костёлы, всѣ почти каменные, гордо и величаво возвышали свои главы какъ бы въ посмѣяніе православнымъ святынямъ, большею частію деревяннымъ и очень бѣднымъ снаружи и внутри. Нынѣ въ Трокахъ каменная церковь, неуступающая почти костіолу своимъ благолѣпіемъ. Преданіе изъ устъ мѣстныхъ старожиловъ указываетъ мѣсто возлѣ бывшаго бернардинскаго монастыря, называемое „поповщизною," гдѣ также была когда-то церковь; но слѣдовъ, которые сколько нибудь оправдывали бы молву, положительно никакихъ нѣтъ. Въ польскихъ же хроникахъ и описаніяхъ мнѣ не случилось найдти какихъ нибудь указаній относительно существованія названнаго храма. Впрочемъ польскіе дѣеписатели, вслѣдствіе извѣстныхъ своихъ соображеній

не любили распространяться объ интересахъ православной церкви. Нынѣ существующій римско-католическій костіолъ основанъ Витовтомъ въ 1409 г., онъ владѣлъ когда-то огромными имуществами; ему принадлежало нѣсколько деревень даже въ Пинскомъ уѣздѣ. Громкой славой, простиравшейся въ былыя времена на всю Литву, этотъ костіолъ обязанъ чудотворной иконѣ, и нынѣ находящейся въ главномъ костельномъ алтарѣ. Эта древняя икона, написанная въ византійскомъ стилѣ, какъ говоритъ преданіе, подарена была князю Витовту греческимъ императоромъ Мануиломъ II. Пилигримы, во множествѣ стекавшіеся ежегодно, 4 іюля и 15 августа изъ Вильны, Ковна, Мереча и Польши, на поклоненіе этой иконѣ, и теперь не въ маломъ количествѣ, а особенно изъ Вильны, притекаютъ къ нему съ молитвами два раза въ годъ: 15 августа и 8 сентября. Хотя нынѣшніе богомольцы вообще далеко уступаютъ въ числѣ бывшему когда-то наплыву поклонниковъ, однакоже никогда не бываетъ въ Трокахъ такого большого стеченія народа какъ въ упомянутые дни. Всѣ, какіе только есть заѣзжіе дома и кабаки наполняются ищущими пріюта богомольцами; вездѣ движеніе и шумъ. На улицѣ и въ переулкахъ нѣтъ прохода отъ толпы. Въ 1604-мъ году, полный глубокаго благоговѣнія къ чудодѣйственной иконѣ, босый, во главѣ блестящей и многочисленной процессіи совершилъ торжественное шествіе на богомолье въ Троки виленскій епископъ Венедиктъ Война. Съ тою же цѣлью іезуиты съ особенною торжественностію водили сюда школьную молодежь. Въ 1718 году вышеупомянутая икона обратила на себя вниманіе папы Климента XI, который прислалъ изъ Рима, для вящшаго украшенія ея двѣ золотыя короны, осыпанныя въ послѣдствіи драгоцѣнными камнями. Въ томъ же году, торжествуя восемъ дней въ сентябрѣ мѣсяцѣ освященіе возобновленнаго костела и вмѣстѣ украшеніе иконы коронами, виленская іезуитская академія отличалась здѣсь шумными проповѣдями и философскими диспутами въ честь пресвятой Богородицы. Хроника отмѣтила на своихъ страницахъ Симеона Бутримовича и Адама Минкевича, которые въ одинъ изъ дней этого праздненства, именно 11 сентября, съ особеннымъ успѣхомъ мудрствовали въ костелѣ, опровергая философское суемудріе въ присутствіи всей академіи, за что и удостоились апплодисменовъ отъ слушателей. Кромѣ нынѣ существующаго костела, въ Трокахъ были еще — нѣ-

сколько лѣтъ тому назадъ закрытые бернардинскій и до
скім костелы съ устроенными при нихъ кляшторами. Пер
нихъ оставили по себѣ память какъ наставники существ
при ихъ монастырѣ школы. И теперь еще мѣстные жи
гордостью вспоминаютъ объ ихъ мудрости и педагогически
махъ. Въ настоящее время бернардинскій монастырь
на тюремный замокъ и подъ помѣщеніе уѣздной воинско
ды. О прошедшей жизни этого монастыря извѣстно, чт
снованъ 1617 году виленскимъ епископомъ Евстафіемъ
чемъ. Въ б. доминиканскомъ монастырѣ теперь помѣщаю
сутственныя мѣста.

Обозрѣвая все, что есть примѣчательнаго въ городѣ,
вимся теперь на мѣстности, расположенной возлѣ этого уп
наго монастыря. За воротами, составлявшими прежде в
костелу на право и на лѣво еще и въ настоящее врем
въ развалинахъ зданія съ прилегающимъ къ нимъ фунд
когда то существовавшей стѣны. Эти руины и въ огро
личествѣ попадающійся здѣсь известковый мусоръ, камни
пичъ служатъ указаніемъ на мѣсто гдѣ былъ замокъ л
князя Гедимина. Тутъ же недалеко отъ озера находи
называемая замковая гора, которая еще недавно была пр
вниманія мѣстныхъ старожиловъ. Въ іюнѣ 1854 года,
скія власти дали знать по начальству, что въ нѣкотор
стахъ ея, безъ очевидныхъ причинъ, осыпается земля.
изслѣдованія горы взялъ на себя графъ Евстафій Тышкевич
что между прочимъ онъ пишетъ о результатѣ своихъ ро

„По прибытіи моемъ въ городъ, я прежде всего о
всѣ тѣ мѣста, по которымъ можно было предположить с
ваніе подземнаго прохода въ бывшемъ замкѣ. Сообра
мѣстностію, я раскопалъ гору въ семи пунктахъ. На
ея я не нашелъ никакихъ слѣдовъ строеній или развали
раскопаніи же поперечной линіи на сажень въ глубину, я
ся, что эта гора насыпная и что внутри ея никакого пр
могло быть, хотя же и найдены въ четырехъ мѣстахъ
но чистый насыпной песокъ положительно меня убѣдилъ,
пещерки могли служить только къ укрѣпленію горы, на
безопасно можно было бы построить какое нибудь зданіе!
и устройство пещерокъ удостовѣряютъ насъ въ глубокой

ности; очень может быть что гора насыпана еще прежде основанія трокских замков. При откапываніи ея на два локтя 1) под поверхностью земли найдена желѣзная ложка для неизвѣстнаго употребленія. Назначеніе этой горы, как мнѣ кажется, не могло быть иное, как только миѳологическое посвященное для совершенія обрядов языческой Литвы.“

Кромѣ упомянутой желѣзной дырявой ложки, употребленіе которой объяснилось бы, если бы она служила при совершеніи жертвоприношенія богам, граф Тышкевич нашел еще слѣды печек, куски кирпича и т. п. Но приписывая эти остатки какому нибудь позднѣйшему зданію, он высказывает мнѣніе, что во времена язычества здѣсь не было никакого строенія; ибо тогда литовцы чествовали своих богов под открытым небом.

На поворотѣ от б. доминиканскаго монастыря направо, начиная от плаца, на протяженіи к мосту идет улица, по сторонам которой в безпорядкѣ расположены ветхіе домики, по преимуществу караимов. Здѣсь же находится и их синагога. Вѣроятно, по мѣсту жительства этого еврейскаго племени вся названная мѣстность получила названіе „Караимщизны.“ Эта честь города, как видно, с давних времен отведена была под поселеніе караимам и должно быть, составляла предѣлы, дальше которых они не имѣли права селиться в городѣ.

Предполагая, что наши свѣденія не лишены будут интереса, скажем здѣсь кое что о караимах. Вот что мы между прочим о них знаем. Они происходят от тѣх израильтян, которые еще задолго до Рождества Христова отчуждены были в числѣ 10-ти колѣн из родного отечества в царствованіе израильскаго царя Озіи. Об этом событіи священное писаніе упоминает в четвертой Книгѣ Царств. „Пошел войною Салманасаря царь ассирійскій на Озію и сдѣлал его своим рабом. И объѣхал царь ассирійскій всю землю его и, прибыв к Самаріи осаждал ее три года. А на девятом году царствованія Озіи взял царь ассирійскій Самарію, вывел израильтян в Ассирію и поселил их на Алаи и Аворѣ—рѣках гозанских и в предѣлах мидских (гл. 17 ст. 3, 5 и 6). В послѣдствіи, израильтяне перешли рѣку Евфрат (по еврейски Шабас) и раз-

1) Польская мѣра.

сѣялись въ странѣ Арсаратъ, гдѣ они и теряются изъ виду въ исторіи. Уже позднѣйшія изслѣдованія открыли слѣды ихъ эмиграціи въ Китай, Арменію, Персію и Мидію, откуда перешли въ Тавриду—нынѣшній Крымъ, какъ утверждаетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ извѣстный ученый караимъ Фирковичъ, во времена Каиза сына Груза. Здѣсь, около 750 года нашей эры, обративши въ іудейство племя хазаръ, они славились могуществомъ наукъ. Но въ XIII столѣтіи, или въ эпоху нашествія татаръ на Крымъ, мы уже не находимъ слѣдовъ еврейскаго царства хазаръ. Удачное веденіе пропаганды у хазаръ побудило крымскихъ израильтянъ, около 980 года, склонить къ принятію Моисеева закона великаго князя кіевскаго Владиміра. Несторъ, лѣтописецъ передалъ намъ разговоръ жидовскихъ миссіонеровъ съ Владиміромъ.

Гдѣ ваше отечество? Спросилъ великій князь, выслушавъ ихъ увѣщанія.

— Въ Іерусалимѣ, отвѣчали миссіонеры; но Богъ разгнѣвался на отцевъ нашихъ и расточилъ насъ по всему лицу земли.

— И вы, сказалъ князь, отверженные Богомъ, дерзаете учить другихъ? Мы не хотимъ, подобно вамъ, лишиться отечества.

Ученые несогласны въ своихъ мнѣніяхъ о происхожденіи и вѣроисповѣданіи караимовъ. Одни утверждаютъ, что въ 754 году по Рождествѣ Христовомъ они отдѣлились отъ іудеевъ и бросивъ заблужденія раввинистовъ, подъ именемъ караимовъ или испытателей вѣры, разошлись по Азіи. Другіе (и это мнѣніе господствующее) караимовъ производятъ отъ саддукеевъ. Оба эти заключенія невѣрны. Племя крымскихъ караимовъ, какъ уже сказано вышло далеко раньше и получило названіе караимовъ далеко позже. Оно не раздѣляло фанатическаго безразсудства фарисеевъ, а также софистовъ саддукеевъ, которые своими спорами соблазняли вѣрныхъ израиля во времена Спасителя, ибо оно уже тогда не существовало въ Іерусалимѣ. А что караимы не имѣли ничего общаго съ саддукеями, это подтверждается тѣмъ что саддукеи не вѣрили въ безсмертіе души, тогда какъ на самыхъ древнихъ надгробныхъ памятникахъ караимовъ, которые видѣлъ Фирковичъ въ Крыму и въ Азіи, находятся молитвы за умершихъ. Смѣшеніе караимовъ съ саддукеями Фирковичъ, которому хорошо извѣстны священные книги и вся прошедшая жизнь израиля, объясняетъ ошибочнымъ чтеніемъ хроникъ и преданій еврейскихъ. Предъ Рож-

дествомъ Христовомъ, во время его жизни на землѣ и послѣ него, въ Іерусалимѣ была горсть людей вѣры простой и искренней, непричастная филосовскимъ лжеученіямъ фарисеевъ и саддукеевъ, называвшая себя простыми израильтянами (Bene Izrael peszutim). Нѣкоторые отличали ихъ словами: справедливый *цаддикимъ*. Саддукеи же, которые получили названіе своей секты отъ имени своего корнеея Садока писали себя *цудекимъ*. Фанатическое сходство этихъ двухъ словъ было причиною, что двѣ секты смѣшали въ одну цадиковъ съ саддукеями. Дѣйствительно, предъ X столѣтіемъ по Рождествѣ Христовомъ миссіонеры упомянутыхъ цаддиковъ, или справедливыхъ были въ Крыму, гдѣ они утверждали мѣстныхъ евреевъ въ чистой вѣрѣ Моисея и припоминали имъ тѣ обряды стараго закона, которые въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ странствованія внѣ отечества, они могли забыть. Но реформаторы крымскихъ евреевъ не имѣли ничего общаго съ ученіемъ саддукеевъ.

Не смотря на продолжительность своей эмиграціи, въ религіозныхъ обрядахъ караимы сохранили библейскій (еврейскій) языкъ; въ разговорной же рѣчи приняли татарскій языкъ уже въ позднѣйшія времена, когда прошли Кавказъ и появились въ Европѣ, въ странахъ подвергнувшихся наѣздамъ и вліянію монголовъ. Развивая на особенныхъ элементахъ религіозно народный характеръ, караимы и до сихъ поръ находятся въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ евреямъ талмудистамъ. Ревностные въ сохраненіи библіи, видя ее искаженною у талмудистовъ посредствомъ произвольныхъ и невѣжественныхъ комментаріевъ, они имѣли полное право считать своихъ вольнодумныхъ соплеменниковъ отступниками, а съ нравственной стороны не могли не видѣть своего превосходства надъ ними. Незараженные ненавистью и нетерпимостью къ другимъ племенамъ, которыхъ они дѣлались сосѣдями, они вездѣ были принимаемы ласково, дружелюбно и пользовались правами гражданства.

Въ Литву вошли они при Витовтѣ, который поселилъ ихъ вмѣстѣ съ татарами въ числѣ нѣсколькихъ сотъ семействъ въ Луцкѣ, Трокахъ и другихъ мѣстахъ. Трудно отгадать, зачѣмъ Витовтъ свелъ ихъ сюда. Вѣроятно онъ взялъ ихъ въ плѣнъ во время войны съ татарскихъ ханомъ. Для выраженія особеннаго благоволенія къ новымъ своимъ поселенцамъ, князь далъ имъ зна-

чительныя привиллегіи, которыя были утверждаемы и расширяемы послѣдующими литовскими князьями. Казиміръ Ягеллоновичъ, между прочимъ, въ 1441 году даровалъ трокскимъ караимамъ магдебургское право и дозволилъ имъ избирать изъ среды себя войта, который рядилъ бы ими въ дѣлахъ, исключающихъ прямое участіе христіанъ, но съ правомъ аппеляціи къ трокскому воеводѣ. Король Александръ подтвердилъ эти законоположенія, а Сигизмунтъ старый въ 1507 году, расширилъ ихъ. Сигизмунтъ Августъ, усложняя привиллегіи предшественниковъ, между прочимъ, надѣлилъ трокскихъ караимовъ 20 волоками земли, (волока почти тоже что 20 десятинъ). Вообще изъ всѣхъ давнихъ законоположеній видно, что литовскіе караимы всегда пользовались такими преимуществами, которыя не распространялись на остальную массу евреевъ. Чуждые слѣпаго фанатизма и тѣхъ предразсудковъ, которые поставили талмудистовъ въ изолированное и непріязненное отношеніе къ христіанскимъ и ихъ прогрессу, они рѣзко выдѣлялись изъ общаго уровня своей націи. Они не чуждались и теперь не чуждаются цивилизаціи и общеобразовательныхъ наукъ въ которыхъ талмудисты ослѣпленные вѣковыми предразсудками, видѣли для своей религіи и нравственности источникъ зла, и потому ограничиваясь знаніемъ одной религіи. Нѣкоторые изъ трокскихъ караимовъ получали высшее образованіе въ виленской академіи, занимаясь преимущественно математикой и медициной и вообще науками неимѣющими религіознаго характера. Были и такіе, которые для научнаго усовершенствованія путешествовали за границу. Намъ извѣстны имена нѣсколькихъ лицъ, которыя въ свое время славились ученостію. Въ послѣднее время сдѣлался извѣстнымъ въ ученомъ мірѣ караимъ Фирковичъ, гассанъ эвпаторійской синагоги, родомъ изъ Луцка (умеръ въ этомъ году). Онъ извѣстенъ какъ археологъ, состоялъ членомъ с. петербургскаго и одесскаго ученыхъ обществъ, и былъ нѣкоторое время членомъ виленской археологической комиссіи. Его трудамъ мы обязаны болѣе подробными и болѣе точными свѣдѣніями о его единовѣрцахъ, и потому онъ, какъ спеціалистъ, въ изслѣдованіяхъ о караимахъ долженъ служить для насъ авторитетомъ.

Языкъ трокскихъ караимовъ представляетъ смѣсь татарскаго съ польскимъ и русскимъ языками. Но въ ихъ произношеніи нѣтъ того жидовскаго акцента, который своимъ неблагозвучіемъ непріят-

но дѣйствуетъ на нашъ слухъ. Болѣе или менѣе образованные караимы сознаютъ недостатки своего языка, утратившаго свою самобытность, и потому они большею частію, особенно въ публичныхъ мѣстахъ, разговариваютъ между собою по польски или по русски. Но какъ видно, имъ легче объясняться по польски, такъ какъ польская рѣчь знакома имъ съ дѣтства, русскій же языкъ еще только въ послѣдніе годы, т. е. съ минувшаго польскаго возстанія, вошелъ въ употребленіе между ними. Въ одеждѣ, кромѣ духовенства, какъ мужчины такъ и женщины ни въ чемъ не отличаются отъ христіанъ. Мода, нарядность и простота въ платьѣ зависитъ отъ матеріальнаго состоянія каждаго. Мнѣ нѣсколько разъ случалось бывать въ караимской синагогѣ во время богослуженія. Это скромное деревянное зданіе имѣетъ почти видъ костела. Алтарь, устроенный на возвышеніи, украшенъ колоннами и текстами изъ библіи. Въ его святѣйшемъ мѣстѣ хранятся выписки изъ священныхъ книгъ, имѣющій назидательный смыслъ, этотъ библейскій экстрактъ, написанный на пергаментѣ, тщательно оберегается въ дорогихъ серебрянныхъ и бархатныхъ ящикахъ. Облаченіе гассана составляютъ длинная одежда, на подобіе священнической рясы, рига въ родѣ ксендзовскаго орната съ изображеніемъ Соломонова герба и фіолетовый клобукъ, похожій на камилавку. Онъ читаетъ псалмы, и молитвы, а присутствующіе въ синагогѣ отвѣчаютъ ему положенными по уставу текстами, произнося ихъ на распѣвъ, речитативомъ. Но къ сожалѣнію, этотъ вокальный аккомпаниментъ поражаетъ слухъ безобразною дисгармоніей, потому что въ немъ не соблюдается самое элементарное искусство музыкальности. Женщины имѣютъ въ синагогѣ особое отдѣленіе въ видѣ нашихъ церковныхъ хоръ, гдѣ онѣ и помѣщаются во время службѣ. Нѣкоторые изъ караимовъ, какъ мнѣ приходилось слышать, въ разговорѣ съ христіанами называютъ свою синагогу почему-то костеломъ или церковію. Но довольно о караимахъ. Если читатель хочетъ имѣть о нихъ больше свѣдѣній, то кромѣ Фирковича можетъ найдти ихъ еще въ литтературныхъ трудахъ Чацкаго, Кеппена и другихъ источникахъ.

Изъ караимщизны послѣдуемъ теперь обозрѣніемъ на близъ лежащій островъ, гдѣ находятся развалины Кейстутова замка. Уже много лѣтъ прошло какъ рушился этотъ замокъ; миновали и цѣлые вѣка, какъ снятъ его богатыри, съ которыми мы отчасти позна-

комимся ниже. Вся жизнь острова, въ былыя времена разнообразная и полная шумнаго движенія, проявляется нынѣ лишь въ пискѣ однихъ рыболововъ, которые летая надъ озеромъ, кружатся надъ руинами замка и прилетаютъ сюда на минутный отдыхъ. Замокъ, построенный въ видѣ прямоугольника, занимаетъ довольно большое пространство. Сторона пошире простирается до 40 саженъ, а поуже до 25. Еще и теперь можно видѣть остатки стѣнъ, которыми обнесенъ былъ замокъ, и два полуобрушившіеся бастіона, другіе осыпались до основанія. Надъ этими развалинами гордо возвышается обнаженная и полупощаженная временемъ башня могущественно борясь съ разрушительнымъ дѣйствіемъ воздуха и воды. Это зданіе, опоясанное валомъ, дѣлится на два этажа. Въ первомъ было помѣщеніе для жилья и складовъ, а второй служилъ для обороны. Въ жилыхъ комнатахъ на оставшейся штукатуркѣ сохранились еще остатки живописи al fresco. Такъ въ одной изъ оконныхъ амбразуръ видны хоть и въ неясныхъ очеркахъ, три фрески: одна изъ нихъ представляетъ мужчину, сидящаго на тронѣ, а предъ нимъ стоящую женщину и о чемъ-то живо разсуждающую; другая изображаетъ также мужчину съ обращеннымъ къ зрителямъ лицемъ, держащаго въ одной рукѣ что то въ родѣ меча, а въ другой какую то хартію. Въ группѣ составляющей третью фреску едва замѣтны фигуры князя и бьющаго челомъ ему народа. Въ 1822 году Смоковскій, въ одной изъ залъ 1 этажа, нашелъ на стѣнѣ и скопировалъ въ рисункахъ 12 картинокъ и 12 обломковъ живописи, оставшихся неразгаданными. Но въ настоящее время отъ нихъ и слѣдовъ не осталось. Снаружи стѣны замка совершенно лишены штукатурки, почему и отражаютъ отъ себя кирпичный отсвѣтъ.

Продолжимъ теперь разсказъ о томъ, что еще знаемъ объ этомъ городѣ и вышеописанномъ замкѣ изъ ихъ прошедшаго, въ связи съ тѣми обстоятельствами, которыя имѣютъ какое нибудь отношеніе къ нашему повѣствованію. Названіе Трокъ въ первый разъ встрѣчается у исландца Снорро-Стурлезона, который, побывавъ въ литовской странѣ въ концѣ XII столѣтія, оставилъ намъ воспоминаніе о Вильнѣ и о Трокахъ. Только онъ, какъ нѣмецъ, перековеркалъ названія: Вильну пишетъ Вэльни, Троки—Тырки, Меречь—Мизири. Ничего не говоря особеннаго объ этихъ мѣстностяхъ онъ, между прочимъ, упоминаетъ, что нашелъ здѣсь кор-

ландскихъ поселенцевъ, съ которыми могъ говорить на ихъ собственномъ языкѣ 1). Въ это время, а можетъ быть еще раньше, гдѣ теперь Старые Троки существовало литовское поселеніе Гургани, которое, вмѣщая въ себѣ городъ литовскихъ князей, святилища боговъ и жилища литовцевъ, простиралось до Вильны и составляло какъ-бы одинъ съ нею городъ 2). Впослѣдствіи, когда поселеніе Гургани, подвергаясь нашествію непріятелей, или упало отъ времени, стало извѣстно подъ новымъ собственнымъ именемъ Trakas (расчищенное мѣсто). Подъ такимъ названіемъ существовало это селеніе когда Скорро-Стурлезонъ былъ въ Литвѣ; такъ оно называлось когда, спустя болѣе 100 лѣтъ послѣ него, Гедиминъ, въ 1321 г., перенесъ сюда изъ Кернова свою столицу,— и, для защиты отъ непріятелей и централизаціи населенія страны, построилъ замокъ, укрѣпилъ его окопами, обвелъ валомъ и вызвалъ на поселеніе много народу. Но недолго было здѣсь пребываніе Гедимина. Преслѣдуемый своими планами онъ вскорѣ нашелъ вблизи Старыхъ Трокъ другой пунктъ для новой столицы. у живописныхъ береговъ озера Гальвы, гдѣ природа, кромѣ красотъ мѣстности, представляла еще многоудобствъ въ стратегическомъ отношеніи на случай непріятельскихъ нападеній. Работа закипѣла, и здѣсь появился укрѣпленный замокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ положено основаніе города. Это мѣсто новой своей резиденціи, перенесенной изъ Старыхъ Трокъ литовскій князь назвалъ Новыми Троками. Хотя Гедиминъ, плѣненный прекрасною долиною Святорога, гдѣ Вилейка впадаетъ въ Вилію, чрезъ годъ или два, бросивъ устройство новаго города, перенесся наконецъ въ Вильну; однако Троки не остались осиротѣлыми. Заботливое око князя заглядывало туда, чтобы видѣть продолжающіяся работы, отъ которыхъ городъ болѣе и болѣе расширялся. Когда-же послѣ его смерти (въ 1341 года) два его сына Ольгердъ и Кейстутъ, освободившись отъ верховной власти старшаго брата своего Явнута, раздѣлили между собою господство надъ обширными отцовскими владѣніями, то Ольгердъ, какъ великій князь сѣлъ княжить въ Вильнѣ, а Кейстутъ взялъ себѣ въ удѣлъ Троки съ окресно-

---

1) Чацкій о «Lit., Polsk. prawach» т. I, стр. 8. Балинскій «Hist. Wilna» т. I, стр. 50.

2) Нарбутъ «Dzieje narodu Litewsk.» т. I, стр. 232.

стями и Жмудь. Однакоже въ Трокахъ, а не въ Вильнѣ было sanctum sanctorum Литвы; въ столицѣ Ольгерда толпились уже русины, появились и латиняне, и поляки, и нѣмцы, такъ что литовскимъ богамъ стало тѣсно въ долинѣ Святорога; въ Трокахъ же владычество Перуна было еще во всей своей силѣ,—оно имѣло твердую опору въ кунигасѣ Кейстутѣ, рьяномъ почитателѣ боговъ. За то и любили его и сыны Литвы, въ понятіи которыхъ онъ возвысился до апоѳеоза. Ни Перунъ, ни жрецы, ни подданные его не осмѣлились противиться ему, когда онъ однажды, и только однажды въ жизни, пренебрегъ правами боговъ. Это было въ 1338 году, когда онъ на возвратномъ пути изъ военнаго похода, полюбивъ въ Полангенѣ дочь боярина Видмунта—Бируту, служившую вайделоткой при храмѣ богини Прауримы, насильно увезъ ее съ собою въ Троки и женился на ней. 1348 г. памятенъ въ исторіи Трокъ двоякимъ воспоминаніемъ въ этомъ году,—какъ слѣдуетъ полагать; Кейстутъ, на одномъ изъ островъ озера Гальвы, построилъ другой замокъ, о развалинахъ котораго говорено выше. Въ томъ же году, при рѣкѣ Стравѣ, въ четырнадцати верстахъ отъ города, Кейстутъ потерпѣлъ сильное пораженіе въ битвѣ съ крестоносцами, подъ предводительствомъ ихъ вождя великаго магистра Генриха Дуземера. Эта битва доставила крестоносцамъ удобный случай познакомиться съ литовской территоріей, которая для нихъ была дотолѣ terra incognita, и открыла дорогу въ глубь и самое сердце Литвы 1). Однимъ изъ послѣдующихъ страшныхъ нападеній ихъ на Литву, и въ особенности на Троки, было вторженіе въ 1377 году маршала ордена Готфрида Линдена, который, будучи не въ состояніи взять силою тогда уже укрѣпленныхъ трокскихъ замковъ, обратилъ городъ въ груду пепла и отступилъ назадъ. Храбрый Витовтъ, сынъ Кейстута отъ Бируты, въ битвахъ былъ въ то время уже правой рукой отца. Въ 1363 году онъ, въ мѣстѣ съ отцемъ, громилъ крестоносцевъ подъ Остеродомъ; въ 1370 г. вмѣстѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ и другомъ Ягеллою, подавалъ помощь отцу, когда тотъ громилъ крѣпость Ортельсбургъ; въ 1377 году взялъ Интерсбургъ съ окрестностями, и овладѣлъ

---

1) Нѣкоторые изъ историковъ эту битву, въ которой легло 10,000 человѣкъ литовцевъ и русиновъ, относятъ на 1386 г. См. «Kronika Pruska» ксендза Муриніуса.

богатою добычей. Троки видѣли трофеи этой побѣды. Сюда-же, въ 1379 году, въ оковахъ былъ привезенъ пойманный подъ Интерсбургомъ жестокій кунторъ крестоносцевъ — Іоаннъ Сурбахъ и по приговору народа, осужденъ былъ на принесеніе въ жертву богамъ. Только великодушіе Кейстута спасло отъ смерти несчастнаго плѣнника. Но не по душѣ пришлось оно народу; недовольный онъ поднялъ ропотъ на своего князя, видя въ добродушномъ поступкѣ его поблажку жестокостямъ крестоносцевъ. Здѣсь же, въ Трокахъ въ слѣдующемъ году, послѣ сожженія ихъ крестоносцами заключенъ былъ мирный трактатъ между Литвою и орденомъ. Долго мечи не высыхали отъ крови; Литва и Пруссія не остывали отъ пожарищъ, но наконецъ изнуреніе и опустошенія слишкомъ стали чувствительными для обѣихъ сторонъ: отдыхъ былъ необходимъ. Кейстутъ и Винрихъ изъ Книпрода, два смертельные врага, въ знакъ мира подали въ Трокахъ другъ другу руки. Трактатъ, скрѣпленный подписями Ягеллы, Кейстута, Витовта и Литвэйна, вошелъ въ законную силу со дня св. Михаила въ 1379 году. Но тщетны были условія мира! Существованіе ихъ было слишкомъ кратковременно. Настали извѣстныя въ исторіи событія. Войдыйло, происходившій изъ низшаго сословія, породнился съ княжескимъ домомъ; отсюда родилось недовольство Кейстута къ Ягеллѣ, которое въ свою очередь вызвало тайную непріязнь у послѣдняго къ первому, незамедлившую выйдти наружу. Крестоносцы, неупускавшіе изъ виду отношеній Ягеллы къ своему дядѣ, войдя въ тайный заговоръ съ нимъ, въ 1381 году, объявили войну Кейстуту и опустошили его владѣнія не простирая войны дальше въ предѣлы Литвы. Не смотря на притворную дружбу, какою ловко маскировался Ягелло, Кейстутъ сильно подозрѣвалъ своего племянника въ сношеніяхъ съ орденомъ. Дѣйствительно, онъ вскорѣ фактически убѣдился, что Ягелло врагъ его и что крестоносцы служатъ орудіемъ его враждебной политики. Полный негодованія, Кейстутъ наконецъ вышелъ изъ терпѣнія и рѣшился наказать своего племянника. Овладѣвъ Вильною, онъ заключилъ Ягеллу въ Темницу въ Керновѣ и сталъ во главѣ всей Литвы. Между тѣмъ князь —узникъ велъ тайно переговоры съ крестоносцами,—и не напрасно. При ихъ помощи, онъ возвратилъ Вильну, пошелъ на Троки взялъ ихъ и отдалъ Скиргайлѣ и, захвативъ измѣннически Кейстута замучилъ

его въ темницѣ. После всего того, что сдѣлали кресто[...] Ягеллѣ, какъ слѣдовало ожидать, дружественныя отношенія [...]на къ великому князю литовскому должны бы быть проч[...] однако-же, когда притѣсняемый Ягеллою Витовтъ искалъ въ [...] году помощи у крестоносцевъ, то въ отвѣтъ между прочим[...] лучилъ слѣдующее:

„Когда въ твоихъ рукахъ, князь, была Вильна и ты [...] о возмущеніи Ягеллы, то почему бы и тогда тебѣ не искать [...] помощи и покровительства у ордена?"

И въ самомъ дѣлѣ, виды крестоносцевъ на Литву зак[...]лись не въ томъ, чтобы содѣйствовать возрастанію или па[...] той или другой литовской династіи: ихъ прямая цѣль была, [...] не покорить Литву подъ свою власть, то по крайней мѣрѣ [...]тить ее своимъ вліяніемъ. Такимъ образомъ, не смотря на д[...]бу свою къ Ягеллѣ, они не задумались подать поводъ къ ра[...] ея, и взяли подъ свое покровительство Витовта; — и тѣ с[...] которые помогли Скиргайлѣ получить Троки, изгнали его от[...] а на его мѣсто посадили Кейстутова сына. Только, пол[...] слабостію его положенія, начальство надъ обѣими мѣстными [...]постями ввѣрили двумъ рыцарямъ своего ордена Іоанну Раб[...] Генриху Клее. Впрочемъ не долго было торжество крестонос[...] недальше какъ чрезъ шесть недѣль Скиргайло возвратилъ Т[...] Въ 1391 г. одинъ изъ отрядовъ ордена снова ударилъ на Т[...] но Скиргайло, не желая подвергнуть ихъ опустошенію непрія[...] сжегъ и удалился въ Попортье

Вскорѣ послѣ этого событія, Витовтъ, получивъ титул[...]ликаго князя литовскаго, возобновилъ городъ и жилъ въ [...] насколько позволяли ему обстоятельства и его воинственный х[...]теръ. Устроя Троки этотъ князь между прочимъ поселил[...] нихъ, какъ уже сказано выше, караимовъ и татаръ и на о[...] изъ островов построилъ православную часовню для третьей [...] Уліаніи, княжны оршанской. Здѣсь нашелъ его одинъ из[...]падныхъ рыцарей, нѣкто Гильбертъ де-Ляннои (de Lannoy). [...]водимъ его интересное свидѣтельство о состояніи Трокъ въ [...] вѣкѣ дословно, какъ оно значится у Лелевеля.

„Выѣхавъ изъ Вильны, чтобы возвратиться въ Пруссі[...] проѣзжалъ чрезъ королевство литовское, по той дорогѣ, по [...]рой мнѣ слѣдовало держать путь. Прежде всего я был[...]

очень большомъ городѣ литовскомъ, называемомъ Троками, плохо застроенномъ самыми деревянными домами; они совершенно не заперты. Есть тамъ два замка, изъ которыхъ одинъ слишкомъ старый, весь сдѣланный изъ дерева и деревяннаго плетня обложеннаго дерномъ. Этотъ замокъ расположенъ на берегу озера, но съ другой стороны стоитъ на открытой землѣ. Другой замокъ посреди иного озера, на выстрѣлъ отъ стараго, онъ весь новый и построенъ изъ кирпича, на образецъ французскій. Въ названномъ городѣ, и внѣ его, въ нѣсколькихъ деревняхъ, очень много татаръ, что тамъ живутъ поколѣніями, которые есть простые сарацины совершенно невѣрующіе въ Іисуса Христа и имѣютъ языкъ особенный, называемый татарскимъ. И живутъ также въ названномъ городѣ нѣмцы, литовцы, русины и большое количество жидовъ, которые имѣютъ каждый языкъ особенный. Есть названный городъ князя Витовта. И есть изъ Вильны сюда семъ леуковъ. Соблюдаетъ упомянутый Витовтъ, князь литовскій, тотъ этикетъ въ своемъ краѣ, что ни одинъ иноземецъ, пребывающій въ немъ и проѣзжающій чрезъ него, не издерживаетъ своего дорожняго запаса: князь приказываетъ давать имъ столъ и провожать ихъ охранно вездѣ, гдѣ они хотятъ быть въ названномъ краѣ, безъ расходовъ и издержекъ со стороны. Упомянутый Витозтъ—очень сильный князь, такъ что покорилъ двѣнадцать или тринадцать королевствъ и народовъ оружіемъ, имѣетъ, говорятъ десять тысячъ лошадей къ своему сѣдлу, принадлежащихъ его особѣ. Въ названномъ городѣ Трокахъ есть звѣринецъ, огороженный, въ которомъ есть всякого рода звѣри дикіе, какіе можно имѣть изъ лѣсовъ и происходятъ изъ нихъ, и есть какіе то, какъ быки дикіе, называемые зубрами (urus) и иные есть тамъ какъ то: большія лошади, называемыя ословатыми, и иные называемые лосями; есть тамъ лошади дикія, медьвѣди, кабаны, олени и всякаго рода дичь.“

Сознавая свой перевѣсъ надъ Польшею и то дипломатическое значеніе, какое выработалъ для Литвы въ Европѣ, Витовтъ передъ смертію захотѣлъ быть ея королемъ, на что соглашался и слабый здоровьемъ и любившій его Ягелло. Нѣмецкій императоръ Сигизмундъ, съ своей стороны, взялся было помогать ему въ достиженіи королевской короны, въ которой отказывали ему польскіе вельможи. Надѣясь на Сигизмунта Витовтъ назначилъ даже день

для своей коронаціи (въ октябрѣ 1430 года). По этому с
съѣхалось къ нему много первостепенныхъ сановниковъ. Были:
его великій князь московскій Василій Васильевичъ Темный
трополитомъ Фотіемъ, пріѣхавшимъ въ Литву по дѣламъ іер
князья Борисъ тверской, рязанскій, Одоевскіе, Мазовскіе, ха
рекопскій, изгнанный господарь волошскій Илія, послы греч
императора, великій магистръ прусскій, ландмаршалъ лив
съ своими сановниками, король Ягелло и множество литов
вельможъ. Лѣтописцы говорятъ, что съѣздъ вѣнценосцевъ
зей представлялъ рѣдкое зрѣлище. Гости старались удиви
зяина великолѣпіемъ своихъ одеждъ и многочисленностію
а хозяинъ удивлялъ гостей роскошными пирами, какихъ то
бывало въ Европѣ, и для коихъ ежедневно изъ княжескихъ
гребовъ отпускалось 700 бочекъ меду, кромѣ вина, романеи, п
а на кухню привозили 700 быковъ и яловицъ, 1400 бар
100 зубровъ, столько же лосей и кабановъ. Праздновали
семи недѣль попеременно, то въ Трокахъ, то въ Вильнѣ 1
коронація не состоялась. Къ не малой досадѣ восьмидесят
няго старца Витовта, польскіе вельможи продолжали интри
и упрямиться, боясь, чтобы Литва, сдѣлавшись особеннымъ
левствомъ, не отдѣлилась отъ Польши, къ ихъ обоюдному
чего дѣйствительно тайно желалъ хитрый нѣмецкій импера
Напрасно грозилъ Витовтъ, самъ папа, взявъ сторону Ягелл
вельможъ и польскаго сената, запретилъ ему и думать о ко
скомъ вѣнцѣ. Вслѣдствіе такой неудачи, веселые пиры за
лись болѣзнію огорченнаго старца, который и умеръ 27 о
1430 года на рукахъ Ягеллы, въ тѣхъ самыхъ Трокахъ,
торыхъ родился. Тѣло его, выставленное для народа,
дней лежало въ одномъ изъ замковъ, потомъ отвез
Вильну для погребенія. Но вскорѣ осиротѣлые Троки ув
новыхъ хозяевъ. Изгнавъ Свидригайлу, сѣлъ на велико
скомъ престолѣ и жилъ въ этомъ городѣ братъ Витовта
мундъ Кейстутовичъ. Объ немъ исторія говоритъ, что он
вилъ, какъ ужаснѣйшій изъ тирановъ.

Подозрительный, необщительный, склонный къ гнѣву,
столюбивый, онъ въ каждомъ видѣлъ себѣ врага. Не те

1) Смотр. Карамзинъ т. III, стр. 249.

боясь князей, вельможъ и пановъ, казнилъ ихъ и, завладѣвъ ихъ достояніемъ, не рѣдко отдавалъ его своей охотничьей и конюшей прислугѣ. Живя въ замкѣ между одними только вѣрными приближенными, охраняемый стражею изъ людей и звѣрей, онъ оттуда рѣшалъ свои кровавые дѣла. За одну тѣнь подозрѣнія этотъ тиранъ приказывалъ мнимыхъ преступниковъ топить, вѣшать, рѣзать, бросать въ подземелье или на растерзаніе звѣрямъ. Онъ замучилъ литовскаго маршала Румбольта и воеводу трокскаго Монвида; заключилъ въ тюрму—Георгія Лянгвэйна въ Трокахъ, а Александра князя слуцкаго въ Кревѣ. Ненасытный въ своихъ жертвахъ, онъ пригласилъ въ 1440 г. къ себѣ на праздникъ Пасхи всѣхъ знаменитѣйшихъ вельможъ, съ тѣмъ чтобъ умертвить ихъ. Къ счастію вельможи проникли его замыселъ, отказались отъ приглашенія и такимъ образомъ избѣгли смерти. Но не миновало и его насиліе. Чтобы положить конецъ его ужасному звѣрству, Довгертъ изъ Вильны, Лелюшъ изъ Трокъ и князья Александръ и Іоаннъ Чарторыйскіе составили противъ него заговоръ. Кейстутовъ замокъ былъ сценой для казни злодѣя. Въ вербное воскресеніе, рано утромъ, въѣхало въ этотъ замокъ 300 возовъ съ сѣномъ, обыкновенно присылаемыхъ изъ магнатскихъ помѣстьевъ для великокняжеской конюшни. Въ каждомъ изъ этихъ возовъ было скрыто по два вооруженныхъ человѣка. Везущіе сѣно таили оружіе подъ одеждой. Такимъ образомъ введено было въ замокъ 900 вооруженныхъ заговорщиковъ. Когда все уже было готово къ выполненію коварства, Сигизмундъ былъ вызванъ изъ часовни, гдѣ онъ слушалъ обѣдню, искуснымъ подражаніемъ реву его любимой медьвѣдицѣ. Александръ Чарторыйскій, который взялъ на себя главную роль, бросился на князя, и когда тотъ вздумалъ было ретироваться, то нѣкто Скабейко, схвативъ желѣзные вилы, такъ ударилъ его сильно, что онъ упалъ замертво тутъ-же на мѣстѣ. Вѣрный оруженосецъ князя хотѣлъ было защищать своего господина, но за свою смѣлость погибъ, будучи выброшенъ изъ окна высокой башни. Между тѣмъ въ часовнѣ обѣдня продолжалась 1). Заговорщики заняли замокъ и разогнали гарнизон-

1) Эти частности взяты изъ Нарбута, который цитируетъ ихъ изъ донесенія маршала ордена крестоносцевъ къ великому магистру.

ную стражу. Никто имъ не сопротивлялся, караимы, усл
сигналъ тревоги, сбѣжались къ замку, но нашли ворота
тыми. Тѣло Сигизмунда было брошено въ озеро, въ пр
Тогда какъ одни изъ заговорщиковъ оканчивали дѣло возм
въ Трокахъ, другіе дѣйствовали въ Вильнѣ,—и въ одно
обѣ столицы литовскія взбунтовались въ пользу Свидри
который такимъ образомъ, снова возвратилъ потерянную ко
княжескую корону. Правленіе этого князя полное жестоко
приключеній не оставило однакоже въ Трокахъ своихъ слѣ
Понятно что городъ, переходя изъ рукъ въ руки тирановъ
стоянно испытывая тяжести войны и опустошенія отъ непр
не могъ свободно возрастать въ богатствѣ и распространят
объемѣ. Изъ послѣдующихъ князей только Казиміръ Яге
вичъ, полюбивъ этотъ городъ, заботился объ его украшені
обще его матеріальномъ благоустройствѣ. Даже по всту
королемъ на польскій престолъ, живя половину своего царс
нія въ Литвѣ, онъ чаще проживалъ въ Трокахъ. Здѣ
принималъ венеціанскаго посла Контаринія, который посѣти
роля на возвратномъ пути изъ Персіи. Въ своей реляці
тариній такъ описываетъ блистательный пріемъ, который
онъ у Казиміра 1).

„Его королевское величество, узнавъ о моемъ прибытіи
слалъ ко мнѣ двухъ своихъ дворянъ для поздравленія ме
счастливымъ возвращеніемъ и для приглашенія на слѣдующі
на обѣдъ. На другой день (15 февраля 1477 г.) прислал
его королевское величество дамасковый плащъ багрянаго
подшитый собольимъ мѣхомъ и желалъ, чтобы я пріѣхалъ
же саняхъ, запряженныхъ шестью хорошими рысаками, въ с
ствѣ четырехъ бароновъ, которые стояли снаружи при сан
многихъ другихъ знаменитыхъ особъ. Такъ прибыли мы в
рецъ его королевскаго величества. Тамъ король ввелъ ме
свою комнату, возсѣлъ на великолѣпное сѣдалище, а при не
королевича въ пышныхъ одеждахъ карказиннаго цвѣта, м
и красивые, какъ два ангела (это были Александръ и Сиги
сыновья Казиміра). Въ этой комнатѣ было также много бар
дворянъ и другихъ пановъ. По срединѣ, напротивъ его ко

1) Starożytna Polska т. III, стр. 310.

скаго величества, поставлена была для меня скамейка. Его королевское величество обходился со мною съ невыразимою ласковостію; онъ самъ предложилъ, чтобы я пожалъ руки королевичамъ; словомъ принялъ меня такъ, что родного сына не могъ принять лучше. Собираясь съ мыслями и голосомъ, я хотѣлъ было пасть на колѣна, но его королевское величество не допустилъ меня до этого и не позволилъ мнѣ говорить, пока я не сѣлъ. Усѣвшись, я разсказалъ подробно всѣ приключенія моего путешествія; описывалъ страны, чрезъ которыя проѣзжалъ, и обычаи ихъ жителей; говорилъ о могуществѣ Узумъ-Кассана, и о томъ что у него сдѣлалъ. Обо всемъ этомъ его королевское величество охотно слушалъ. Я коснулся также обычаевъ и силы народа татарскаго. Во все время моего разсказа, который продолжался около получаса, его королевское величество слушалъ меня съ такимъ вниманіемъ, что никто во все это время не смѣлъ устъ отворить. Послѣ чего я выразилъ благодарность его королевскому величеству отъ имени республики за честь и благодѣянія, которыми онъ меня осыпалъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ черезъ своего переводчика, что онъ очень радуется моему возвращенію, тѣмъ болѣе, что не имѣлъ надежды, чтобы я когда нибудь изъ такого далекаго путешествія могъ возвратиться; что онъ съ удовольствіемъ слушалъ мой разсказъ объ Узумъ-Кассанѣ и о татарахъ; что въ моемъ разсказѣ онъ нашелъ подтвержденіе извѣстій полученныхъ имъ другими путями. Наконецъ онъ пригласилъ меня войдти въ другой залъ, гдѣ были накрыты столы и гдѣ я нашелъ знаменитое собраніе. Вскорѣ пришелъ туда и его королевское величество съ королевичами, въ сопровожденіи множества трубачей. По правую руку короля усѣлись оба королевича, а по лѣвую первый епископъ королевства, за епископомъ я, въ нѣкоторомъ отдаленіи бароны, а значительное число особъ, примѣрно около 40, при другихъ столахъ. Блюда были приносимы на большихъ подносахъ, а впереди ихъ всегда шли трубачи. Сидѣли мы за столомъ около 2-хъ часовъ. Въ продолженіе обѣда его королевское величество давалъ мнѣ одинъ за другимъ вопросы о моемъ путешествіи, на которые я отвѣчалъ. Послѣ обѣда, вставъ изъ-за стола, стоя, я просилъ его королевское величество, чтобы меня отпустилъ, и спросилъ, неугодно-ли ему будетъ дать мнѣ какія нибудь приказанія? Онъ отвѣчалъ мнѣ чрезъ переводчика, чтобы я увѣрилъ сенатъ нашей пресвѣтлой

республики, что онъ сильно желаетъ быть съ нею въ дружбѣ и постоянномъ союзѣ, онъ хотѣлъ, чтобы и королевичи тоже самое мнѣ поручили.“

Послѣ Казиміра Ягелловича, Троки перестали быть княжеской резиденціей и начали служить чѣмъ то въ родѣ политическаго заключенія для знаменитѣйшихъ особъ. Сюда, въ царствованіе Александра Ягелловича, былъ сосланъ на жительств Шахъ Ахметъ ханъ капчакской орды, который потерявъ свое царство искалъ помощи въ Польшѣ. Здѣсь, въ минуты несогласія между королемъ польскимъ и его тестемъ, Іоанномъ Васильевичемъ III великимъ княземъ московскимъ, въ 1503 г. содержались въ заключеніи московскіе послы: бояринъ и окольничій Петръ Плещеевъ, дворецкій Константинъ Заболоцкій, окольничій Яропкинъ и дьякъ Никита Моклоковъ 1). Здѣсь Сигизмундъ 1 приказалъ заключить въ 1508 году, двухъ Гастольдовъ подскарбія и конюшаго, которыхъ подозрѣвалъ въ сочувствіи измѣнѣ Глинскаго, сюда Николай Радзивиллъ и Григорій Остыкъ, по смерти Александра, подозрѣвая въ намѣреніи къ побѣгу вдову послѣ него Елену, сослали ее на благородное изгнаніе. О состояніи Трокъ во времена Ягеллоновъ имѣемъ свидѣтельство у Герберштейна, который, будучи посломъ въ Москву отъ императора Максимиліана, возвращался чрезъ Литву, въ 1517 году. Цитируемъ здѣсь его слова 2).

„Прибывъ въ Вильну, я ожидалъ, по отъѣздѣ короля (Сигизмунда 1) въ Польшу, нѣкоторое время своихъ слугъ, которые отводили лошадей мнѣ изъ Новгорода чрезъ Инорляндію. По ихъ возвращеніи я отправился въ дорогу, взявъ направленіе на Троки. Тамъ я видѣлъ въ одномъ огородѣ запертыхъ зубровъ, которыхъ иные турами, нѣмцы же auerochs называютъ. Воевода, (трокскій) хотя моимъ внезапнымъ и неожиданнымъ появленіемъ, казалось, не много обидѣлся, попросилъ однако же на обѣдъ, на которомъ было также шахметъ король заволскихъ татаръ (Scheachmet, rex Savolensis Tartarus). Онъ въ двухъ трокскихъ каменныхъ замкахъ между очерами расположенныхъ, былъ почтительно содержимъ подъ свободною стражею. Король за столомъ о различныхъ предметахъ чрезъ переводчика со мной разговаривалъ; императора всегда бра-

1) Исторія Карамзина т. VI замѣтны 553.
2) Star. Polska т. III, стр. 313.

томъ своимъ называлъ всѣхъ монарховъ и королей считая братьями."

Съ того времени Троки перестали быть уже первостепеннымъ городомъ. Лишенные важности географическаго положенія, устраненные отъ дорогъ соединяющихъ другіе города, которыхъ судьба дала въ удѣлъ играть историческія роли, они обращаютъ на себя вниманіе развѣ только административными и судебными королевскими распоряженіями. Важнѣйшія изъ нихъ: установленіе двухъ ярмарокъ Сигизмундомъ въ 1516 году; увольненіе Сигизмундомъ Августомъ въ 1552 году мѣщанъ отъ подводной повинности подъ королевскихъ гонцовъ; покровительство Стефана Баторія мѣстнымъ купцамъ; подтвержденіе различными королями привиллегій данныхъ караимамъ и т. п. Во время походѣ русскихъ въ 1655 г. Троки въ третій разъ были сожжены; съ той поры городъ, ни кѣмъ не поддерживаемый, совершенно обѣднѣлъ. Лучшія зданія, какія еще уцѣлѣли до послѣднихъ временъ, по увѣренію мѣстныхъ старожиловъ, сгорѣли въ 1812 году. Что еще сказать вамъ, читатель о нашемъ городѣ? Развѣ только то, что Бахусъ, какъ мнѣ кажется, ужъ слишкомъ непропорціонально распростеръ въ немъ свое господство; впрочемъ и почитателей онъ имѣетъ не мало. Иначе откуда-бы набралось такъ много кабаковъ, пестрѣющихъ своими разнокалиберными вывѣсками?

А. Окулевичъ.

III.

ОТВѢТЪ КОРРЕСПОНДЕНТУ „ИЗЪ ДРУСКЕНИКЪ."

Корреспонденція изъ Друскеникъ, помѣщенная въ 253 № «Голоса,» очевидно тенденціознаго характера и направленія. Неизвѣстный зоилъ взялся за перо съ предвзятымъ намѣреніемъ унизить всѣхъ и все, не брезгая ни клеветой, ни отрицаніемъ вопіющихъ фактовъ, ни умышленнымъ умолчаніемъ о такихъ деталяхъ рисуемыхъ имъ предметовъ, которыя перечатъ его намѣреніямъ. Но не стану, подобно моему сопернику, упражняться въ голословныхъ сплетняхъ и укоризнахъ и принимаюсь за дѣло.

Политической исторіей Друскеникъ корреспондентъ задался съ тѣмъ, чтобъ удобнѣе перейдти отъ предмета къ лицу. Матеріалы для этой исторіи, на цѣлую половину, легендарнаго, апокрифическаго или фантастическаго свойства и происхожденія. Въ Друскеникахъ дѣлалось предъ мятежомъ тоже, что и въ другихъ мѣстахъ, и даже нѣсколько меньше, чѣмъ въ трущобахъ, болѣе укромныхъ и удаленныхъ отъ всякаго контроля и сторонняго глаза. Сборы денегъ производились повсемѣстно; ничтожная стычка нашихъ войскъ съ повстанцами по ту сторону Нѣмана играетъ послѣднюю роль въ трагикомедіи минувшаго повстанья, огромные съѣзды въ Друскеникахъ въ сороковыхъ и пятдесятыхъ годахъ, когда о мятежѣ 63 г. не было еще и помышленія, объясняются крѣпостничествомъ, излишкомъ у помѣщиковъ денегъ, страстью къ разгулку, а не полити-

ческими причинами: предъ мятежомъ далеко менѣе съѣзжалось въ Друскеники пановъ, чѣмъ въ названные мною годы.

Всего больше хотѣлъ корреспондентъ унизить и уничтожить доктора И. И. Пилецкаго 1). Говорю—хотѣлъ, потому что такая личность, какъ покрывшій себя забраломъ неизвѣстности писака, не можетъ серьозно унизить такой авторитетной и извѣстной личности, какъ г. Пилецкій. И какъ медикъ, и какъ человѣкъ, онъ стоитъ выше всякой клеветы и укора. Возвышенныя качества ума его и сердца, рѣдкое и разнообразное вниманіе къ гостямъ друскеницкимъ, самое радушное и самоотверженное славянское гостепріимство, выдвигаютъ его изъ уровня людей обыкновенныхъ. Что въ этомъ психическомъ очеркѣ нѣтъ и тѣни преувеличенія, ссылаюсь на мнѣніе всѣхъ русскихъ людей, *знающихъ* И. И. Пилецкаго, въ томъ числѣ и на многихъ, высокопоставленныхъ лицъ въ Столицѣ, надѣюсь, готовыхъ подтвердить свое согласіе со мною печатно. Какъ медикъ, докторъ Пилецкій тоже не боится никакой конкурренціи. Хотя бы въ Друскеники пріѣхали всѣ медицинскія знаменитости всего земнаго шара, онѣ и на половину не подорвутъ его практики и репутаціи. Это не потому, будто паціенты друскеницкіе руководятся панскими рекомендаціями и газетными рекламами, а потому, что докторъ Пилецкій 28 лѣтъ, съ рѣдкимъ успѣхомъ, примѣняетъ къ практикѣ свои знанія свойства друскеницкихъ (и всякихъ другихъ) минеральныхъ водъ и разные фазисы и симптомы пользуемыхъ ими недуговъ 2). Вопреки сѣтованію корреспондента на недостатокъ въ Друскеникахъ спеціалиста,

---

1) Корресп. называетъ его г. П.; но такъ какъ онъ же послѣ пишетъ его полностью, то я считаю излишнею такую маску, которая походитъ на рыбачью сѣть.

2) На обвиненіе доктора Пилецкаго въ томъ, будто въ извѣстной его брошюрѣ ложно включены въ число выздоровѣвшихъ и такія личности, которыя и доселѣ находятся въ увѣчномъ положеніи (какъ видите, дѣло идетъ о подлогѣ подписей), конечно, будетъ отвѣчать тотъ, кто, лучше меня знаетъ это дѣло; а за обвиненіе доктора Пилецкаго въ политическихъ преступленіяхъ, онъ, конечно, поставитъ корреспондента предъ судомъ.

онъ—спеціалистъ по преимуществу, спеціалистъ въ самомъ точномъ и широкомъ значеніи этого слова.

Но всего упорнѣе корреспондентъ желаетъ компрометировать И. И. Пилецкаго, или — какъ онъ выражается— «круля друскеницкаго», — со стороны политической. Не знаю, насколько достовѣрно запоздалое фискальство корреспондента на счетъ того, будто онъ былъ «душею» друскеницкихъ мятежныхъ агитацій, какую роль играетъ вымыслъ въ повѣсти «о несгаряемомъ шкафѣ»,—знаю только, что докторъ Пилецкій ни чѣмъ не скомпрометированъ во время минувшаго мятежа; что на усердной русской службѣ онъ удостоился разнородныхъ Монаршихъ наградъ и милостей; что въ сезонъ 62 г. онъ былъ, что называется, между молотомъ и наковальней и расходовалъ всю свою изобрѣтательность на то, чтобы парализовать демонстраціи молодежи и не позволить имъ перешагнуть границу, отдѣляющую шалость отъ преступленія; что, при тѣхъ средствахъ къ раскрытію политической подсудности, притомъ неумытномъ правосудіи, какими обладалъ покойный графъ Муравьевъ и б. начальникъ Гродненской губерніи, генералъ Скворцовъ,—г. Пилецкій очутился бы въ сибирскихъ рудникахъ даже и тогда, если бы причастенъ былъ хоть къ половинѣ тѣхъ преступленій, которыя взводитъ на него корреспондентъ. Доносъ послѣдняго даже находится въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ Высочайшею волею, такъ какъ не только корреспонденту, но и тѣмъ, кому о томъ «вѣдать надлежитъ», не приходится теперь отыскивать *мнимыхъ* преступниковъ политическихъ, когда указомъ 17 мая 1867 г., повелѣно «прекратить прежнія и не вчинать новыхъ дѣлъ о (дѣйствительныхъ) политическихъ преступникахъ, если только они не обвиняются въ другихъ уголовныхъ преступленіяхъ.»

Рекламы корреспондента о минеральныхъ друскеницкихъ водахъ вращаются между незнаніемъ дѣла, искаженіемъ и преувеличеніемъ фактовъ. Друскеницкія воды изслѣдованы наукой до послѣдняго атома. Цѣнительная сила ихъ извѣстна всѣмъ, пользовавшимся ими настолько,

что онѣ равно не нуждаются въ моей похвалѣ, какъ не боятся охужденія ихъ невѣжественными корреспондентами.

Корреспондентъ говоритъ, что ни на какія русскія минеральныя воды не собирается столько публики, какъ на друскеницкія. Это—фантазія: въ Дубельнѣ, Кемернѣ, на Кавказѣ, даже въ Старой—Русѣ, собирается публики отъ 2—10 и болѣе тысячъ; слѣд. почти вдвое—вчетверо больше, чѣмъ въ Друскеникахъ. Въ послѣднихъ пользовалось минувшимъ лѣтомъ только 1177 душъ, а не болѣе полторы тысячи, какъ увѣряетъ корреспондентъ. Въ Старой-Русѣ, посѣщаемой Высочайшими Особами, для однихъ нижнихъ воинскихъ чиновъ устроенъ госпиталь на 400 человѣкъ.

Корреспондентъ увѣряетъ, что доктора-поляки (какъ будто всѣ доктора-поляки) посылаютъ въ Друскеники паціентовъ «съ болѣзнями неподходящими: чахоточныхъ, больныхъ заразательными болѣзнями (больныхъ болѣзнями), сыпями и пр.» (именно?). Поляки посылаютъ въ Друскеники *поляковъ* для пользованія отъ такихъ болѣзней, которыя «могутъ тамъ развиваться, а не излѣчиваться»! Подумаешь, что только доктора-поляки пользуются монополіей медицинскаго невѣжества, и что они сдѣлали своею задачей истребленіе своихъ соотечественниковъ! Ни одинъ медикъ,—кто бы онъ ни былъ, не припишетъ ни чахоточному, ни сифилистику пользованія друскеницкими водами. Если такіе больные и пріѣзжаютъ въ Друскеники, то они пользуются тамъ какими либо заграничными, но отнюдь не друскеницкими, водами,—цѣлительнымъ бальзамомъ сосноваго парка, дивнымъ воздухомъ, гигіенной и проч. Увѣреніе, будто «послѣ больнаго заразительными болѣзнями очень часто (sic!) идетъ въ ванну ревматическій больной», объясняется невѣжествомъ либо злонамѣренностію корреспондента. Такой опытный баденмейстеръ, какъ С. О. Красовскій, никогда не пуститъ въ друскеницкія ванны сифилистика (съ *наличными* признаками болѣзни 1) потому уже, что онѣ для не-

1) Для предотвращенія подобныхъ, хоть и неосновательныхъ, сомнѣній, не мѣшало бы доктору выдавать больному билетъ на поль-

го убійственны. На счетъ умершей отъ обжоговъ въ ваннѣ еврейки, я думаю, будетъ отвѣчать кто либо другой, больше меня заинтересованный въ этомъ дѣлѣ: я пишу только то, въ чемъ убѣжденъ несомнѣнно.

Быть можетъ корреспондентъ счелъ язвы золотушныя (вовсе не заразительныя) какими либо другими? Но въ такомъ случаѣ пусть винитъ себя, а не другихъ. Что такое предположеніе близко къ достовѣрности, это видно изъ того, что корреспондентъ даже не включилъ въ число болѣзней, излѣчиваемыхъ друск. водами, золотухи, тогда какъ эту именно болѣзнь, совсѣми ея безчисленными развѣтвленіями и послѣдствіями, эти воды лѣчатъ такъ радикально и окончательно, что будто руками вынимаютъ ее изъ организма. Корреспондентъ «слона-то и не примѣтилъ.»

Корреспондентъ усвояетъ хозяевамъ Друскеникъ такія насилія при сборѣ денегъ на музыку, которыя, вѣроятно, испыталъ онъ одинъ да еще какойто Х—скій. Я знаю десятки лицъ, которыя ничего не дали на музыку; я видѣлъ въ приходной на этотъ предметъ книгѣ (приносимой не «евреемъ-факторомъ», а отставнымъ служивымъ) сотни лицъ, пожертвовавшихъ на музыку только по 1 рублю 1). Это видно и изъ того, что однихъ пользующихся водами, какъ замѣчено выше, было 1177 человѣкъ, тогда какъ на музыку собрано 513 2), а не 2,145 р., какъ сочиняетъ корреспондентъ. Между тѣмъ, кромѣ 800 р., заплаченныхъ музыкантамъ, израсходовано около 200 р. на переѣздъ ихъ да 50 р. за наемъ для нихъ квартиры. За границей всякій, пріѣзжающій на воды, *обязанъ* заплатить на музыку около 20 франковъ и никто не вопіетъ. Но дѣло не въ заграничныхъ обычаяхъ, а въ напраслинѣ, взводимой на владѣльца друскеницкихъ минеральныхъ водъ.

Ванны устроены и обстановлены весьма удобно, при-

зованіе ваннами, который долженъ быть предъявленъ баденмейстеру при полученіи первой ванны.

1) Три сезона я ничего не платилъ на музыку, а въ минувшій далъ 2 р. *не по принужденію*, а просто изъ любви къ искуству.

2) Цифры я заимствовалъ изъ друск. конторскихъ книгъ, оттого и статья моя нѣсколько опоздала.

лично, можно сказать, роскошно. Предотвращены всѣ нужды и опасности. Протекають немного водопроводныя трубы и краны; но для устраненія этого неудобства, убыточнаго только для хозяина заведенія и безразличнаго для больныхъ, уже ассигновано 3000 р., и къ слѣдующему сезону трубы явятся новыя, а краны устроятся по улучшенной методѣ. Трехъ мальчиковъ на мужскомъ и трехъ дѣвушекъ на женскомъ отдѣленіи совершенно достаточно для приготовленія 450 ваннъ въ день (прошлый сезонъ было maximum 418). Это потому, что для каждой ванны ассигнуется цѣлый часъ, а въ ваннѣ полагается сидѣть 15—30 минутъ, такъ что для негромоздкаго приготовленія ваннъ прислугѣ остается около 20 минутъ. Я уже 4 сезона провожу въ Друскеникахъ и всего только три раза (помнится) былъ слушателемъ болѣе или менѣе крупнаго и напраснаго разговора съ С. О. Красовскимъ тѣхъ нетерпѣливыхъ господъ, которые не абонировали на извѣстный часъ извѣстнаго № ваннъ и желали, вѣроятно, чтобы всѣ ванны, во всякую минуту, готовы были къ ихъ услугамъ. Когда часъ и ванна абонированы, машина идетъ такъ стройно, какъ лучшій хронометръ.

На устройство друск. минеральныхъ водъ, приличную обстановку зеведенія, улучшеніе и украшеніе самой мѣстности и разные другіе расходы К. К. Штрандтманъ издержалъ уже, въ теченіи 4 лѣтъ, *не 10*, а болѣе 65 т. р., а выручилъ всего около 30 т., такъ что еще не досчитывается, какъ видите, въ своей кассѣ весьма почтенной цифры Смѣло можно сказать, что никакой частный человѣкъ не сорилъ бы такъ щедро своего капитала на Друскеники и не поднялъ бы ихъ до такого значенія, не сообщилъ бы имъ такой элегантности, какъ г. Штрандтманъ.

«Евреи пишетъ корреспондентъ, говорятъ въ Друскеникахъ только по польски; вообще польскій языкъ на водахъ господствуетъ съ тѣхъ поръ, какъ, по распоряженію виленской администраціи, здѣсь сняты объявленія, предлагающія лехитамъ воздерживаться отъ публичнаго употребленія этого языка; чорный цвѣтъ—«жалоба» встрѣчается здѣсь на каждомъ шагу.» Клевета и на евреевъ, и на виленскую

администрацію «на каждомъ» слові. Корреспонденту видимо хочется притянуть всѣхъ и все къ подсудности политической. Какъ это и въ черепахахъ Дюмонтона 1) не померещились ему измѣнники нашего отечества? Евреи со всѣми русскими говорили—и нужно отдать честь ихъ лингвистикѣ—говорили довольно правильно по русски. Виленская администрація прошлый сезонъ прислала въ Друскеники такую грозную декларацію на счетъ польскаго говора, которая надолго отбила у поляковъ охоту щеголять публично знаніемъ своего языка. Съ тѣхъ поръ администрація не измѣнила своего взгляда на этотъ языкъ и на счотъ его никакихъ новыхъ распоряженій не дѣлала. Все это аксіомы. Скорѣе,—къ стыду и русскихъ и поляковъ,—преобладало на водахъ гнусенье и картавлянье на жаргонѣ, сшитомъ изъ лоскутьевъ латинскаго, гальскаго и тевтонскаго языковъ, и сдѣлавшемся нравственнымъ французскимъ недугомъ нашего отечества. Въ чорное одѣвались только немногія старушки (за исключеніемъ какихъ-то двухъ сестеръ), безъ различія національностей; все же, сколько нибудь претендующее на моду, красоту и молодость, одѣвалось, напротивъ, такъ пестро, что больно было смотрѣть на яркость и крайности цвѣтовъ, какіе пестрѣлись на прекрасномъ полѣ, когда онъ усядется—бывало на скамейкахъ противъ музыки и окаймитъ площадку словно живымъ цвѣтникомъ. Да и демонстрировать-то въ пользу польщизны было не кому. Вопреки увѣренію корреспондента, «самую ничтожную» часть друскеницкой публики составляли поляки, а не русскіе (около $^1/_{10}$). Только подъ конецъ сезона (послѣ уборки хлѣба) явилось еще около 10 семействъ польскихъ; но и тогда процентъ ихъ былъ слишкомъ ничтоженъ для того, чтобы задавать тонъ.

Бросая грязью на всѣхъ и все, корреспондентъ не посовѣтился швырнуть довольно крупный ея комокъ и въ ту даму, которую благословляютъ тысячи, которая составляетъ предметъ симпатій и гордости всѣхъ русскихъ въ краѣ людей.

---

1) Буфетчикъ, покупавшій въ Друскеникахъ черепахъ для петербургскихъ любителей черепашьяго супу.

Онъ такъ надъ нею кощунствуетъ: «ясневельможная знать группировалась около одной знатной виленской *пани*» (sic!). Корреспондентъ не называетъ «виленской пани» по имени, не безъ основанія предполагая, что всѣ догадаются о комъ идетъ рѣчь. Клевета на это имя,—если корреспон. разумѣетъ подъ нимъ того же, кого разумѣю я,—есть нравственное святотатство. Нужно не имѣть ни сердца ни чести, чтобы посягнуть на оскверненіе этой свѣтлой личности, этого идеала высоконравственной женщины. Я не пишу ей панигирика: она стоитъ выше какъ похвалы, такъ и порицанія; я только не могу отнестись безъ негодованія къ той клеветѣ, которою какой то темный господинъ думалъ очернить эту свѣтозарную личность. Всѣ посѣтители Друскеникъ видѣли, какъ укромно, можно сказать, изолированно вела себя компрометируемая корреспондентомъ дама, какъ она, больная, скромнѣе всѣхъ одѣтая, подъ руку съ племянникомъ, въ сопровожденіи двухъ-трехъ знакомыхъ (всегда русскихъ), совершала свои уединенныя прогулки, или садилась во второмъ (рѣдко въ первомъ) ряду скамеекъ предъ музыкой; всѣ знаютъ, что около нея *никогда* не «группировалась ясневельможная знать, что она, напротивъ, какъ будто неохотно дарила нѣсколькими словами подходившихъ иногда къ ней знакомыхъ изъ этой знати, что у нея не было ни званныхъ обѣдовъ, ни вечеровъ. Если знаніе приличій, симпатичность и женственность характера нежеланіе оскорбить безпричиннымъ отказомъ и заставили ее принять желавшихъ ей представиться, достойныхъ всякаго уваженія, двухъ—трехъ дамъ и мущинъ польскихъ, ужели кто посмѣетъ укорить ее за эту вѣжливость? Скорѣе она подала бы поводъ къ заслуженной укоризнѣ русскихъ въ дикости, грубости, если бы поступила иначе. Я не имѣю чести быть извѣстнымъ этой дамѣ, но я имѣю самое полное и вѣрное понятіе о ея добродѣтеляхъ, о рѣдкихъ качествахъ ума ея и сердца, и потому въ моемъ о ней отзывѣ нѣтъ и тѣни пристрастія и преувеличеній.

Вотъ въ какомъ разладѣ съ дѣйствительностью бываютъ иногда корреспонденціи изъ западной окраины Россіи!

Подъ вліяніемъ болѣзни физической или психической,

а всего вѣроятнѣе, той и другой, корреспонденту все въ Друскеникахъ представлялось къ мрачномъ видѣ. Въ его картинѣ—ни одного веселаго пейзажа, ни одного свѣтлаго штриха. А между тѣмъ какъ много корреспондентъ увидѣлъ бы въ Друскеникахъ отраднаго, улыбающагося, еслибы посмотрѣлъ на нихъ подъ другимъ угломъ зрѣнія, безъ желчнаго настроенія мысли и чувства! Друскеники—такой очаровательный уголокъ Россіи, которому немного найдете соперниковъ не только у насъ, но и заграницей. И въ патологическомъ, и въ эстетическомъ, и въ климатическомъ, и въ экономическомъ отношеніи, это оазисъ, среди окружающихъ его пустынь. Даже песчаная почва входила въ планы благодѣтельной природы, желавшей защитить больныхъ отъ главнаго врага ихъ—сырости. Въ моихъ рекламахъ я говорилъ о Друскеникахъ такъ разносторонно, что теперь считаю излишнимъ повторяться, и если эти рекламы 1) сколько нибудь вліяли на сообщеніе Друскеникамъ большей извѣстности, я не буду сѣтовать о томъ, подобно корреспонденту, а, напротивъ, буду радоваться, что число счастливцевъ, отдыхающихъ или пользующихся въ Друскеникахъ съ года—на годъ увеличивается, и что мои соотечественники будутъ испытывать ту же усладу своихъ чувствъ, тоже отишіе душевное, туже бодрость физическую, какія испытывалъ я въ теченіи четырехъ лѣтъ въ этой дивной мѣстности.

И. Э.....з.

---

1) Печатанныя въ „Виленскомъ Вѣстникѣ." Эти рекламы, подавшія, между прочимъ, невинный поводъ къ порицанію Друскеникъ корреспондентомъ, дали мнѣ, какъ человѣку компетентному и заинтересованному въ дѣлѣ, право, отвѣчать ему.

IV.

ЯГАЙЛО,

Историческій романъ въ 4-хъ частяхъ.

*(Продолженіе *).*

ГЛАВА 9-я. ЧАСТЬ 2-я.

Нападеніе татаръ на монастырь Гаштольда.

Въ одинъ чудный, восхитительный вечеръ, изъ нижняго велико-княжескаго замка, вышли два царедворца и направились къ антокольскимъ горамъ. Это было, недѣли три спустя, послѣ ухода в. к. Ольгерда изъ Вильны съ дружиной.

Одинъ изъ спутниковъ былъ нашъ знакомый, конюшій Войдыйло; другой дружинникъ Лисица. Послѣдній былъ одѣтъ такъ, какъ одѣваются въ бой; Войдыйло былъ въ обыкновенной одеждѣ.

Лисица былъ атлетическаго и крѣпкаго сложенія. Лице его пылало здоровьемъ.

Пройдя подъемный мостъ черезъ рѣчку Вилейку, спутники круто повернули вправо и начали подыматься на Лысую гору.

Взойдя на нее, они остановились и осмотрѣлись кругомъ.

— Что же это онъ долго? сказалъ Лисица, всматриваясь въ даль, къ антокольскому лѣсу.

— Кто долго?... спросилъ Войдыйло.

— Да гусляръ то...

— Придетъ, не бойся...

— Да я и не боюсь... чего мнѣ удалому молодцу бояться? мечь, при мнѣ броня и шлемъ на мнѣ, силы не занимать стать... Господнею милостію не обиженъ...

---

*) См. кн. 8 Вѣстн. Зап. Россіи.

— Да ужъ про тебя и говорить нечего, одной рукой изломаешь мѣдвѣдя; замѣтилъ Войдыйло, разваливаясь на горѣ.

— Ну одной не одной, а двумя зашибу, подтвердилъ Лисица и сѣлъ возлѣ Войдыйла.

— Ну что то будетъ сегодняшнею ночью въ Вильнѣ? таинственно и тихо сказалъ Войдыйло.

— Да то и будетъ, что задумали. У насъ все готово, только дѣло за татарами остановилось; какъ не придутъ они, ну и прививай яблоню къ осинѣ... Всѣ затѣи прахомъ пойдутъ... А ужъ какъ мнѣ хочется поколотить Гаштольда, жду не дождусь, больно золъ я на него...

— За что же?

— За что же?! передразнилъ Лисица Войдыйлу: зло питаютъ на человѣка не задобрыя дѣла. Охъ! попадись онъ мнѣ первому въ руки, искрошу я его въ кусочки, какъ свеклу въ квасъ,—сказалъ Лисица, бѣшено ударяя рукою по своему мечу.

— Да что онъ тебѣ сдѣлалъ? спросилъ Войдыйло.

— Что онъ мнѣ сдѣлалъ? гнѣвно зарычалъ дружинникъ: послѣ разскажу...

— Разскажи теперь...

У Лисицы засверкали глаза.

— Спасибо князю Якову Андреевичу, что оставилъ меня разсчитаться съ этимъ дьяволомъ...

— Да ты говори, что онъ сдѣлалъ-то?...

— Мою невѣсту утопилъ въ Виліи...

— Какъ такъ?!

— Да такъ, утопилъ да и шабасъ...

— За что же?

— Эхъ что ты привязался ко мнѣ, какъ коршунъ къ падали... Не въ моготу мнѣ разсматривать; сердечушкѣ больно становиться... заноетъ ретивое ровно передъ смертью, когда о моей голубкѣ вспомню... Ну да для тебя я разскажу, прибавилъ онъ, послѣ молчанія.

Войдыйло навострилъ уши.

— Моя суженая, литвинка, звали ее Зивибундой; красавица такая, что какъ только увидѣлъ ее, сразу сердце мое полонила. Жила она здѣсь въ Вильнѣ съ отцемъ съ матерью, безъ горя и печали. Спознались она со мной, приглянулись другъ другу; сло-

вежь перекинулись, кольцами обручилися. Вернулся я изъ московскаго похода, побѣжалъ безъ оглядки къ ней, миловались, цѣловались безъ конца, про женитьбу задумали, вѣру нашу христіанскую хотѣла принять... Отецъ съ матерью не противились, по душѣ я имъ пришолся, на красную горьку по веснѣ свадьбу справить уговорились; ну а великимъ постомъ мою голубку Гаштольдъ утопилъ вмѣстѣ съ матерью въ Виліи, а отца повѣсилъ.

— За что же? съ ужасомъ спросилъ Войдыйло.

— Извѣстно за шею... отвѣтилъ горькой шуткой Лисица.

— Нѣтъ я не то спрашиваю у тебя...

— А что же?

— За что, за какую вину утопилъ Гаштольдъ твою невѣсту?

— Спроси у него за что... Развѣ онъ мало горожанъ отправилъ на тотъ свѣтъ ни за что не прочто, за смерть своей жены... хватанъ правыхъ и виноватыхъ и казнилъ ихъ безъ суда и пощады. Казнилъ стариковъ, малыхъ ребятъ, казнилъ дѣвицъ безвинныхъ, цѣлыми семьями... Ты помнишь, Войдыйло, какой стонъ стоялъ надъ Вильной во время казней Гаштольда?... Ну вотъ злые люди наговорили ему и на мою голубку, и налетѣлъ ястребъ на гнѣздо горлицы и разорилъ его... А ни она, ни отецъ и мать ея не были ни въ чемъ виновны, они объ убіеніи Анны Гаштольдовой и монаховъ ея узнали только вечеромъ, когда народъ нашелъ монаховъ латинскихъ въ горахъ антокольскихъ. Отнялъ онъ у меня мое счастье, мою радость, мою лилію... Ну да и я же теперь надъ нимъ напотѣшусь и наругаюсь въ волю, заключилъ съ злорадствомъ Лисица.

— А ну, какъ намъ не придется сдѣлать такъ какъ задумали... Поймаетъ насъ Гаштольдъ, заберетъ къ себѣ и казнитъ лютой смертью, сказалъ тревожно Войдыйло.

— Живой я не дамся, а до тебя мнѣ дѣла нѣтъ; да ты не опасайся, тебѣ въ монастырь и ходить не за чѣмъ, ты только дай знать на Лоточекъ, да въ Замокъ; а въ монастирѣ мы сами справимся...

Въ это время до разговорщиковъ донеслись звуки русской пѣсни.

— А вотъ и гусляръ идетъ, съ радостію сказалъ Лисица, вставая на ноги и смотря въ котловину виленскихъ горъ; изъ которой взбирался на вершину Лысой горы знакомый намъ гусляръ.

— Добро пожаловать... милости просимъ; давно ждемъ тебя, товарищъ честной, закричалъ Лисица.

— Здравствуйте, други, сказалъ гусляръ, взойдя на гору.

— По добру ли по здорову ходилъ? спросилъ Войдиле, здороваясь съ гусляромъ.

— Все какъ по маслу идетъ, отвѣчалъ послѣдній: татары въ антокольскомъ лѣсу, не по далеку отъ храма Мильды въ густой чащѣ...

— Сколько ихъ? спросилъ Лисица.

— Полторы сотни отвѣчалъ гусляръ.

— Будетъ на монастырь, замѣтилъ Лисица.

— Все народъ видный, храбрый, горячіе уголья глотаютъ; какъ наговорилъ я имъ туруса на колесахъ о богатствѣ монастыря Гаштольда, такъ и глаза разбѣжались и сейчасъ на коней повскакивали; ѣдемъ, говорятъ сейчасъ къ монастырю, будь нашимъ провожатымъ, насилу уговорилъ до ночи подождать, давай имъ сейчасъ Гаштольда съ его богатствами да и кончено... Одно слово разбойники... Ну, а у васъ, товарищи, готово все въ Вильнѣ?

— На *Лоточкѣ* и на двухъ русинскихъ посадахъ всѣ готовы къ бою, не знаю какъ на литовскомъ и нѣмецкомъ посадѣ, отвѣчалъ Лисица.

— За литовцевъ опасаться нечего, подоспѣютъ во время, а на нѣмцевъ надѣяться нечего, они ничего не знаютъ, имъ нельзя о такомъ дѣлѣ тайну выдавать, сами латинцы... А ведь дѣло устроили мы такъ, что все шито и крыто?... Щипли гуся такъ, что бы онъ не кричалъ,—знаешь пословицу Лисица?

— Знаю.

— Тебѣ Лисица, продолжалъ гусляръ, нужно быть въ замкѣ велико-княжескомъ...

— За чѣмъ?

— А за тѣмъ, что когда услышишь звонъ въ гаштольдовомъ монастырѣ бери дружинниковъ, поспѣвай въ монастырь и начинай избивать татаръ...

— Нѣтъ, гусляръ, не дѣло ты толкуешь. Не для того я въ бранныхъ доспѣхахъ вышелъ изъ замка, что бы покрасоваться въ нихъ и потомъ опять въ замокъ пріидти. Клянусь Христомъ, что до тѣхъ поръ я не войду опять въ Гридню велико-княжескую, пока будетъ живъ Гаштольдъ. Давно мнѣ хочется помѣряться

силою съ нимъ и въ смертельный бой вступить, ну вотъ, Божій судъ наступаетъ. Если правъ онъ, то я паду, а если нѣтъ, то голова его будетъ въ моихъ рукахъ; ни татарамъ, ни тебѣ, гусляръ, я не отдамъ ее... Вмѣстѣ съ татарами я ворвусь въ монастырь на пиръ кровавый, сдѣлаю свое дѣло и первый ударю на татаръ, когда мертвый Гаштольдъ дастъ свободный путь Поятѣ...

— Лисица! ты испортишь все дѣло... Безъ тебя не кому будетъ вести горожанъ и дружинныхъ на татаръ... Ты послушай меня, я одинъ пойду съ татарами и когда освобожу Пояту изъ костей коршуна Гаштольда, тогда, унесу ее на колокольню, запрусь въ ней и ударю въ колоколъ, тогда ты нападай на монастырь и бей татаръ...

— Гусляръ! Въ ратномъ дѣлѣ ты не изволь учить меня, я самъ вѣдаю его лучше тебя... Сказано, что я поѣду вмѣстѣ съ татарами въ монастырь—ну и поѣду... Всѣмъ дьяволамъ неудержать меня отъ этого. Къ горожанамъ и дружинникамъ я еще вернусь и ударю съ ними на татаръ; а до тѣхъ поръ буду искать смерти Гаштольда... Въ замокъ сходитъ Войдыйло за меня, продолжалъ запалчиво Лисица.

— Я ничего... я схожу, сказалъ Войдыйло.

Гусляръ началъ что то соображать.

— Ну хорошо, сказалъ онъ: мы оба съ тобой пойдемъ съ татарами, а Войдыйло пусть горожанъ и дружинниковъ готовитъ...

— Горожане какъ стемнѣетъ, придутъ сюда заранѣе и спрячутся въ ручьѣ Гедимина, а дружинныки не опоздаютъ, говорилъ Лисица.

— Только ужъ коли разорять гнѣздо ястреба, то разорять до основанія... Пусть татары перебьютъ всѣхъ монаховъ до единаго, тогда мы перебьемъ всѣхъ татаръ до единаго, ладно ли? спросилъ гусляръ.

— Ладно, промычалъ Войдыйло.

— Лихо! закричалъ въ восторгѣ Лисица; крови то, крови сколько польется въ эту ночь!... А ужъ давно я не слыхалъ запаха человѣческой крови.

— А куда жъ Пояту-то спрячемъ? спросилъ Войдыйло.

— Куда хочешь, твоя воля, Поята тебѣ поручена, наше дѣло добыть ее да тебѣ на руки сдать, а гдѣ ты ее будешь держать, это не наше дѣло, говорилъ гусляръ.

— Я найду для нея мѣсто, сказалъ Лисица.

— Ну мнѣ пора къ татарамъ, а то они безъ меня чего добраго и днемъ нагрянутъ на монастырь... Ты, Лисица приходи къ храму Мильды, тамъ и обожди меня я...

— Да пойдемъ вмѣстѣ, перебилъ его Лисица, оборачиваясь лицемъ къ Вильнѣ и снимая съ головы шлемъ.

— За чѣмъ ты снялъ шлемъ свой? Спросилъ гусляръ.

— А за тѣмъ, что бы помолиться на церкви святыя, можетъ никогда больше не увижу ихъ, отвѣчалъ Лисица, молясь сперва на Покровскую церковь, потомъ Пятницкую, Пречистенскую, Никольскую, Троицкую, Георгія на Росѣ и дворцовую.

Гусляръ тоже началъ молиться похристіански, хотя онъ былъ заклятый язычникъ,—войделотта переодѣтый въ костюмъ гусляра русскаго, и умѣвшій говорить по-русски, какъ природный русскій. Молился онъ ради виду и довѣрія Лисицы.

Войдыйло тоже за компанію перекрестился и ждалъ когда кончитъ Лисица.

Послѣ молитвы, всѣ поклялись Христомъ не измѣнять другъ другу. Войдыйло клялся Христомъ и Перкунусомъ. Онъ былъ не язычникъ и не христіанинъ, стоялъ на какомъ то распутіи.

Послѣ клятвы, условившись въ нѣкоторыхъ случаяхъ на счетъ ночи, Лисица и гусляръ отправились въ антокольскій лѣсъ, а Войдыйло въ замокъ.

— Отъ чего это такъ долго не заходитъ солнце за землю?, порывисто спросилъ Лисица гусляра, идя съ нимъ въ лѣсъ.

— Отъ того и не заходитъ, что монахи Гаштольда прощаются съ нимъ, сострилъ мнимый гусляръ.

— А лихо попируемъ мы сегодня ночью въ кровавой сѣчи! сказалъ Лисица, потирая отъ предстоящего удовольствія руки: только теперь татаръ поразсмотрѣть осталось, съ какой башки начинать...

Наступила ночь. Горы, городъ и окрестности Вильны покрылись мракомъ. Небо заволокло тучами, по временамъ въ отдаленіи блестѣла молнія и слышались глухіе раскаты грома. Въ воздухѣ было душно и спокойно, — ни вѣтру, ни шелесту. Черныя повисшія тучи надъ Вильною стояли на одномъ мѣстѣ безъ движенія и какъ будто бы задумались надъ вопросомъ: что имъ дѣлать? Разразиться ли дождемъ въ полночь надъ Вильною, или

ждать пока не явится на выручку вѣтеръ, который умчитъ ихъ на новую стоянку, а потомъ раздробивъ на мелкія облака, погонитъ по всему земному шару.

Между прочимъ земная гроза—тоже готова была разразиться надъ монастыремъ Гаштольда.

Отрядъ татаръ оставилъ антокольскій лѣсъ и въ глубокой тишинѣ приближался къ монастырю францисканов. Съ другой стороны Войдыйло, засѣвъ съ вооруженными горожанами въ ближайшемъ къ монастырю рву,—ждалъ условнаго сигнала.

Въ замкѣ онъ не остался, потому что присутствіе его знать было ненужно. Всѣ дружинники, оставшіеся защищать замки великокняжеские подъ вечеръ, и безъ него узнали, что ночью татары хотятъ напасть на Вильну, поэтому готовились встрѣтить незванныхъ гостей какъ слѣдуетъ. Войдыйло прибавилъ къ ихъ свѣдѣніямъ только то, что по слухамъ татары хотятъ напасть на монастырь Гаштольда.

Дружинники однако держали эту вѣсть въ глубокой тайнѣ. Никто изъ приближенныхъ къ в. княгинѣ Уляніи Александровнѣ не узналъ о предстоящей рѣзнѣ.

Въ нижнемъ замкѣ все погрузилось въ сонъ и тишину, которая по временамъ была нарушаема дозорными латниками, ходившими по стѣнѣ замка и перекликавшимися съ товарищами протяжнымъ „гай—да!“ Въ верхнемъ же замкѣ сосредоточились всѣ дружинники и вели разговоръ о татарахъ. Съ ними находились виленскій воевода и тіунъ. Послѣдніе догадывались въ чемъ дѣло, но молчали, потому что оба были враги Гаштольда. Воевода былъ хотя бояринъ русскій и, стало быть, христіанинъ, но имѣлъ давнишніе счеты съ Гаштольдомъ, поэтому желалъ Гаштольду всякаго зла отъ татаръ; тіунъ же былъ литовецъ, заклятый язычникъ, желавшій татарамъ всякого успѣха надъ Гаштольдомъ.

Оба эти начальника очень хорошо знали, что татары не посмѣютъ напасть на замокъ великокняжескій, что тутъ найдутъ они себѣ вѣрную смерть, но вмѣстѣ съ дружинниками рѣшились дождать ихъ нападенія.

Въ полночь воевода, тіунъ и всѣ дружинники сошли изъ верхняго замка въ нижній и размѣстились по башнямъ и стѣнамъ. Подняли всѣхъ спящихъ латниковъ и поставили у разныхъ воротъ.

Тіунъ даже смолу приказалъ кипятить, что бы этимъ снадобьемъ поливать съ крѣпости на головы приступающихъ татаръ.

По всѣмъ посадамъ Вильны, тоже замѣтна была большая суетия, несмотря на полуночный часъ: по улицамъ и переулкамъ ходили кучками вооруженные горожане и о чемъ то втихомолку переговаривались между собою.

Отрядъ татаръ по указанію Лисицы и гусляра окружилъ монастырь и молча подошелъ къ воротамъ.

— Тише, не шумите, сказалъ гусляръ: я постучу въ ворота, мнѣ отопрутъ ихъ, тогда всѣ бросайтесь за мной, а теперь не дышите.

Сказавъ это, онъ постучалъ въ ворота.

— Кто тамъ?, спросилъ съ верху воротъ привратникъ.

— Посланный изъ замка великокняжескаго, отъ великой княгини Ульяніи Александровны и виленскаго воеводы, къ настоятелю монастыря,—съ лихою вѣстію, отвѣчалъ мнимый гусляръ.

— Что жъ поздно такъ?

— Про то великая княгиня знаетъ...

— Какія вѣсти?

— Зачѣмъ тебѣ—привратнику знать ихъ, мнѣ самому настоятелю велѣно сказать о нихъ....

— Обожди немного, я пойду спрошу самого настоятеля, сказалъ привратникъ, сходя со стѣны.

— Эй привратникъ! не теряй по напрасну времени, оно дорого... сегодня ночью хотятъ напасть на вашъ монастырь татары и разграбить его, такъ объ этомъ великая княгиня узнала и своей дружинѣ велѣла готовиться, а меня межъ тѣмъ временемъ къ настоятелю послала, сказать ему объ этомъ, пока еще не поздно.

— Такъ давно бы ты мнѣ это сказалъ, замѣтилъ привратникъ и, поспѣшно сойдя съ вышки, отперъ калитку и впустилъ гусляра.

Не прошло и минуты, какъ привратникъ замертво плавалъ въ собственной крови, а татары съ гикомъ бросились на жилыя строенія, кельи, службы и самый храмъ.

— Гдѣ самъ коршунъ то? Кричалъ Лисица, размахивая мечемъ: давайте мнѣ его!

— Вонъ тамъ, пойдемъ со мною, сказалъ гусляръ, показывая на покои настоятеля Гаштольда и проворно идя туда. За нимъ бѣжали человѣкъ десять татаръ съ ужаснымъ крикомъ.

— Ломайте дверь, закричалъ гусляръ, на татарскія орды указывая на желѣзную дверь запертую капуцри.

Лисица молча подошелъ къ двери, уперся одной ногой въ землю, а другой всѣмъ корпусомъ налегъ на дверь; дверь затрещала, покоробилась и слетѣла съ петель.

Видѣвшіе это татары ужаснулись страшной силѣ Лисицы.

— Огня... свѣту нужно, коршунъ снять, зарѣвѣлъ Лисица.

— Вонъ проснувшіеся монахи забѣгали съ зажженными свѣчами... сейчасъ я принесу огня, сказалъ гусляръ, побѣжавъ въ другой конецъ монастыря.

Въ это время небольшая горсть татаръ хотѣла броситься въ покои настоятеля, но Лисица воспретилъ имъ это.

— Безъ огня вы убьете безвинную Поэту, тогда все пропало, а съ огнемъ можете грабить покои сколько хотите; въ грабежѣ я вамъ не товарищъ, берите все себѣ, только до настоятеля Гаштольда я и рукой вамъ дотронуться не позволю.

Его головой дѣлиться не хочу, жизнь его моя...

— Вонъ огонь, выбѣжавъ изъ кастела, закричалъ гусляръ, неся съ собою двѣ толстыя зажженныя восковыя свѣчки.

— За мной! таркнулъ Лисица, взявъ въ лѣвую руку пылающую свѣчку, а въ другую ключь, и бросился въ покои Гаштольда.

Въ монастырѣ началась ужасная бойня. Татары рѣзали спящихъ монаховъ и службу. Не многіе изъ послѣднихъ, проснувшись отъ шума и кое какъ узнавъ въ чемъ дѣло, сгруппировались возлѣ костела, и каждый изъ нихъ дорогой цѣною продавалъ свою жизнь. Пощады со стороны татаръ не было. Нѣкоторые смѣльчаки рѣшались пробраться на колокольню и ударить въ колокола, но недостигнувъ желанной цѣли, падали мертвыми подъ ударами татаръ. Нападающіе, что бы не бить въ темнотѣ своихъ, зажгли нѣсколько жилыхъ ограбленныхъ келій.

Не вернемся немного назадъ и посмотримъ на Гаштольда и Поэту.

Послѣ вечернихъ молитвъ,—которыя начинались послѣ захода солнца и кончались темной ночью,—Гаштольдъ прямо изъ кастела отправился къ себѣ въ покои.

Проходя мимо могилы своей жены Анны Гавриловны, онъ опустился передъ нею на одно колѣно и, вздохнувъ какъ то особенно грустно, продолжалъ свой путь.

Придя къ себѣ въ покой, онъ позвалъ служителя и приказалъ ему сходить за любимымъ имъ монахомъ Антоніемъ.

Монахъ францисканецъ Антоній незамедлилъ прійдти къ своему настоятелю.

— Скучно мнѣ что то, мой братъ Антоній, сказалъ Гаштольдъ монаху полатыни.

— Молись Христу и скука пройдетъ, замѣтилъ монахъ Антоній.

— Молился, да скука не проходитъ... цѣлый день съ утра меня грызетъ сердечная змѣя, то ноетъ сердце, то болитъ, то бьется, замираетъ и самъ не пойму къ чему это къ добру или худу?! Знаю только то, что также у меня сердце тосковало въ Москвѣ, передъ тѣмъ какъ здѣсь жену убили... Ужъ не случится ли опять чего нибудь такого?, говорилъ Гаштольдъ.

— Такого теперь случиться пока еще не можетъ, жены у тебя еще нѣтъ, а монастырь нашъ обнесенъ крѣпкою стѣною....

— Я не про монастырь...

— А знаешь что я скажу тебѣ, отецъ настоятель? Перемѣнивъ тонъ, обратился къ Гаштольду монахъ Антоній.

— Говори, мой братъ, все говори.

— Я знаю, отъ чего ты скучаешь...

— Отъ чего? Быстро спросилъ Гаштольдъ.

— Отъ того, что ты разлюбилъ покойницу жену и полюбилъ красавицу Пояту, отвѣчалъ торжественнымъ тономъ.

Гаштольдъ вскочилъ съ своего мѣста и схватилъ за руку Антонія.

— Ты демонъ или человѣкъ? Спросилъ Гаштольдъ Антонія трясясь какъ въ лихорадкѣ.

— Монахъ, отвѣчалъ Антоній.

— Какой дьяволъ могъ тебѣ сказать, что я полюбилъ Поят[у?] Ни одному человѣку я не открывалъ этой тайны, отъ самого себ[я] удалялъ я эту мысль... отвѣчай же: почему ты знаешь эту тайну? Продолжалъ шепотомъ Гаштольдъ.

— Мнѣ случилось разъ подслушать твой бредъ во снѣ, т[ы] поминалъ Пояту, клялся ей въ своей любви и...

— Тсъ!.. тише говори! Пোята услышитъ, ну что я еще гово[ри]рилъ въ бреду?

— Увѣрялъ ее, что она будетъ твоей женой, продолжал[ъ] Антоній.

— Молчи, молчи... не смѣй дальше говорить! то былъ безумный страшный бредъ сказалъ Гаштольдъ и заходилъ по комнатѣ.

— Но вѣдь ты любишь ее?, Послѣ молчанія, снова началъ Антоній.

— Да люблю; но эта любовь чиста, какъ небесная лазурь.... Поята чиста, какъ Божій ясный день; я никому не позволю, бросить въ нее камнемъ,—сказалъ Гаштольдъ, съ запальчивостью.

— Никто и не думаетъ бросать въ нее камнемъ; я говорю только то, что знаю...

— А что ты знаешь?..

— Да то, что ты любишь ее...

— Ахъ, Антоній! Я очень несчастливъ... во мнѣ сердце не мужское, а дѣвичье... давно ли я плакалъ надъ могилой Анны, давно ли убивался по ней и считалъ себя на вѣки вѣчные ей принадлежащимъ? А теперь что!... Или эта любовь въ наказаніе мнѣ посвяна за то, что не послушался тѣни своей покойной жены?— вѣдь ты не знаешь какъ я мучусь... говорилъ Гаштольдъ.

— Прости мнѣ отецъ настоятель, но я до сихъ поръ не вѣрю, что то была истинная тѣнь надъ могилой твоей жены...

— Нѣтъ, нѣтъ, не говори этого, тѣнь была настоящая и все, что сказала мнѣ, то исполнилось... но будетъ о ней говорить, я боюсь вспоминать ее часто... ты не вѣришь въ тѣнь моей жены, а помнишь ты самъ читалъ повѣствованіе Филострата о древнемъ языческомъ мудрецѣ и философѣ Аполлоніѣ Тіанскомъ...

— Да читалъ, помню...

— Какъ этотъ язычникъ Аполлоній ночью на могилѣ греческаго героя Ахилла видѣлся съ тѣнью его и говорилъ съ нимъ...

— Это дѣло рукъ волшебства, заклинаній и чародѣйства противныхъ Іисусу Христу, а чудомъ признать этого нельзя, потому что чудо посылается съ небесъ, а волшебство изъ ада,—сказалъ монахъ Антоній.

— Но моя жена покойница—христіанка, я тоже христіанинъ, стало быть волшебства здѣсь быть не могло, замѣтилъ Гаштольдъ.

Антоній, молча, развелъ руками.

— Не былъ ли это сонъ? Спросилъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Да сонъ, только на яву, отвѣтилъ разсѣянно Гаштольдъ: а что будетъ, братъ мой Антоній, если я оставлю монастырь?, Спросилъ онъ же,—какъ то особенно таинственно.

Францисканецъ уставилъ на него глаза.

— Ты хочешь удалиться изъ своего монастыря въ чужія земли, что бы тамъ снова поступить въ другой монастырь? Задалъ вопросъ Антоній.

— Нѣтъ, я хочу совсѣмъ покинуть монашество и сдѣлаться міряниномъ, отвѣчалъ Гаштольдъ.

— За чѣмъ?

— За тѣмъ, что я мало жилъ въ семьѣ родной, — съ милой женой Анной... Антоній! ты сѣдъ теперь, а было время, когда ты жилъ въ семейномъ счастіи, и очень долго, я тоже хочу жить... у тебя въ мірѣ есть дѣти, у меня ихъ нѣтъ, а развѣ этого мало?, Продолжалъ Гаштольдъ.

— Такъ ты хочешь сдѣлаться міряниномъ и потомъ жениться?!

— Да... да проститъ меня за это Іисусъ Христосъ.

— Жениться на комъ?

— На Поятѣ...

— А кто же будетъ безъ тебя настоятелемъ монастыря?, Спросилъ Антоній.

Гаштольдъ на минуту задумался.

— Ты, отвѣчалъ онъ, послѣ раздумья.

Наступило долгое молчаніе.

— Я, или другой будетъ настоятелемъ монастыря, — это все равно, но безъ тебя самого великое дѣло—обращенія язычниковъ и иновѣрцевъ — въ католичество не подвинется ни на шагъ.. не забывай, что тебя самъ Господь Іисусъ Христосъ избралъ проповѣдывать слово Его въ языческой землѣ. Кто знаетъ, — быть можетъ Богу угодно было отозвать жену твою Анну въ тотъ міръ для того, что бы ты безъ нее всецѣло отдался Іисусу Христу и былъ бы апостоломъ Его вѣры... А ты что дѣлаешь,—подумай! Не прошло еще и году со смерьти жены твоей, святой мученицы Анны, какъ ты уже готовъ покинуть монастырь, сдѣлаться міряниномъ, забыть все и броситься въ объятія грѣшницы Поятц. Но не ужели въ тебѣ нѣтъ настолько силы, что бы бороться съ демономъ искусителемъ? Вѣдь это навѣты дьявола.... и сама тѣнь жены твоей, явившаяся на могилѣ,—была никто иной какъ дьяволъ—искуситель. Властителю ада захотѣлось снова уничтожить первыя сѣмена католической вѣры въ здѣшней землѣ, — и вотъ онъ является тебѣ въ видѣ жены твоей, что бы красотой Поятн

сперва завладѣть тобой, а потомъ тебя же перваго поставить въ ряды враговъ святой, католической вѣры... отецъ настоятель! Теперь еще есть время, укрѣпись духомъ и не отдавайся волѣ дьявола... безъ тебя все погибнетъ и самъ монастырь язычники разнесутъ по бревнушку. Что скажутъ язычники и ихъ жрецы, когда узнаютъ что самъ настоятель единственнаго католическаго монастыря въ этой странѣ—бросилъ монастырь и женился. Что жъ, скажутъ литовцы, за вѣра католическая, когда ей измѣняютъ тѣ, кто такъ глубоко изучилъ ее, наша вѣра и такъ имѣетъ враговъ во всей землѣ литовской за то, что тевтонскіе рыцари ее навязываютъ мечемъ и огнемъ; а что же будетъ тогда, когда ты измѣнишь нашему ордену? Католичество погибнетъ и восторжествуетъ одна греческая—русская вѣра; ты посмотри какіе она успѣхи сдѣлала въ здѣшнемъ краѣ, —церквей и монастырей греческихъ завелось на Литвѣ многое множество, каждый день во всякой изъ нихъ крестятъ язычниковъ...

Гаштольдъ перебилъ монаха Антонія.

— Русскіе съ давнихъ временъ живутъ съ литовцами душа въ душу; нѣсколько вѣковъ назадъ русскіе и литовцы были одной кривичанской языческой вѣры; потомъ первые сдѣлались христіанами по греческому обряду русскіе, а за ними начинаютъ принимать и литовцы,—сказалъ онъ.

— Отецъ настоятель! молю тебя и заклинаю не оставляй насъ!.. Молись Богу, а Поэту отправь туда откуда взялъ, — подальше отъ соблазна, отъ демонскихъ навѣтовъ...

— Довольно, братъ Антоній! ты поднялъ во мнѣ цѣлую бурю... ступай, оставь меня, пора спать.... завтра обо всемъ переговоримъ, а теперь я хочу побесѣдовать съ самимъ собою.

— Да укрѣпитъ тебя въ духѣ разума Іисусъ Христосъ, сказалъ монахъ Антоній, прощаясь съ Гаштольдомъ.

По уходѣ монаха Антонія, Гаштольдъ прошелся нѣсколько разъ по покою и потомъ направился въ сосѣднію комнату, въ которой была заключена Поэта.

Въ комнатѣ было темно: лишь блескъ далекой молніи по временамъ на нѣсколько секундъ освѣщалъ ее.

Гаштольдъ возвратился назадъ, взялъ ночникъ и снова пошелъ къ Поэтѣ. Она спала на лежанкѣ, ей что-то грезилось чудное, потому что лице ея то оживлялось, то смѣялось, то блѣднѣло....

— Демонъ, демонъ... не ужели это демонъ?! шепталъ Гаштольдъ, любуясь на спящую Пояту.

Долго онъ молча смотрѣлъ на нее; въ душѣ его поднялся цѣлый ураганъ; между сердцемъ и разсудкомъ завязался бой. Одно влекло въ объятія Пояты, другой удерживалъ его отъ этого и нашептывалъ о высокомъ значеніи ратника Христа.

Въ этомъ бореніи ума съ сердцемъ Гаштольдъ не слыхалъ шума, происходившаго на дворѣ и какъ ворвались въ его покои татары, предводительствуемые Лисицей и гусляромъ, и перебили его приближенныхъ слугъ.

Не найдя въ первыхъ комнатахъ Гаштольда, Лисица, а за нимъ гусляръ, бросились въ ту самую гдѣ была Поята. Татары же начали грабить все мало-мальски цѣнное.

— А! вотъ гдѣ хищный ястребъ!.. хочетъворковать съ плѣненной голубкой по голубиному, ну нѣтъ не удастся,... заревѣлъ Лисица, узнавъ Гаштольда и поворачивая его лицемъ къ себѣ.

Тутъ только Петръ Гаштольдъ вышелъ изъ раздумья. Увидавъ вооруженныхъ людей сначала онъ думалъ, что это сонъ, но въ это время до него донеслись съ монастырскаго двора — вопли и крики раздирающіе душу.

У Гаштольда засверкали глаза бѣшенствомъ.

— Кто смѣлъ нарушить святой покой моего монастыря? Грозно спросилъ онъ.

— Я... Лисица—дружинникъ... пришелъ расплатиться съ тобою за смерть своей невѣсты, отвѣчалъ также грозно Лисица, ударя кулакомъ по виску Гаштольда; послѣдній потерявъ равновѣсіе, упалъ на полъ.

— Скорѣе съ нимъ кончай, шепнулъ гусляръ Лисицѣ, унося сонную Пояту изъ покоя.

Гаштольдъ, увидѣвъ это, ринулся къ Поятѣ, но Лисица снова толкнулъ его и придавилъ одной ногою.

— Люди! люди! закричалъ Гаштольдъ, задыхаясь подъ пятой Лисицы.

— Люди твои всѣ перебиты, монахи тоже, монастырь твой грабятъ татары... Это судъ Божій надъ тобою за неповинно пролитую кровь виленскихъ горожанъ... Говори, кровожадный воронъ, чего ты хочешь отъ меня? спросилъ Лисица.

— Смерти, прошепталъ хриплымъ голосомъ Гаштольдъ.

— Изволь я благословлю тебя, сказалъ Лисица и однимъ ударомъ меча обезглавилъ Гаштольда: бей человѣка теперь на томъ свѣтѣ моей невѣстѣ Эльжбундѣ, когда встрѣтишься съ нею, заключилъ Лисица съ особенныхъ злорадствомъ, продолжая наносить удары по трупу Гаштольда.

Наконецъ мщеніе было кончено, трупъ Гаштольда разрубленный по частямъ плавалъ въ собственной крови. Лисица былъ удовлетворенъ; но запахъ дымящійся человѣческой крови, опьянилъ его, онъ началъ искать новыхъ жертвъ, вбѣжавшіе въ этотъ покой татары поочередно пали подъ ударами его мѣча.

Глаза его сверкали, стучали зубы, весь онъ былъ точно въ лихорадкѣ.

Въ слѣдующихъ покояхъ Гаштольда онъ встрѣтилъ еще нѣсколькихъ татаръ и всѣхъ ихъ перерубилъ съ удивительною силою и ловкостью.

— Выбѣжавъ на монастырскій дворъ, который горѣлъ во многихъ мѣстахъ, Лисица замѣтилъ большую толпу татаръ, дѣлившихъ награбленное имущество и навьючивающихъ на лошадей. Въ одно мгновеніе онъ бросился на нихъ, какъ ястребъ на голубей. Сначала татары были ошеломлены нападеніемъ Лисицы и многіе изъ нихъ пали; но потомъ оправились, сплотились и всей массой ударили на Лисицу. Завязался жестокой бой. Отъ меча Лисицы валились грудами татары, въ свою очередь послѣдніе наносили тоже удары противнику, стальные доспѣхи котораго недопускали ранить его. Самый сильный татарскій ударъ причинялъ только боль и если приходилось по шлему, то на нѣсколько секундъ голова Лисицы туманилась, иногда онъ пошатывался, но снова оправлялся и снова громилъ татаръ.

Наконецъ силы Лисицы начали измѣнять, рука его устала, мечь уже скользилъ иногда по врагамъ, не причиняя имъ вреда. Тутъ только онъ вспомнилъ о гуслярѣ и объ уговорѣ съ нимъ ударить въ колоколъ.

Что же онъ не ударяетъ? Задаетъ себѣ мысленный вопросъ Лисица, отражая удары татаръ.

А гусляръ уже далеко отъ ночной человѣческой бойни. Выбѣжавъ съ Поятой на рукахъ изъ покоевъ Гаштольда, онъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ татаръ, вынесъ Поягу изъ монастыря и прямо направился къ Виліи.

Поята скоро проснулась.

— Кто меня несетъ? Спросила она поспѣшно и пугливо.

— Я... я... слуга князя Ягайла, отвѣчалъ мнимый гусляръ.

— Куда ты меня несешь, къ нему? Радостно спросила она.

— Къ нему, къ нему, къ князю...

— Якову?

— Да...

— Такъ побѣжимъ скорѣй, сказала Поята, вырываясь изъ рукъ гусляра и пускаясь что есть силы впередъ.

Прибѣжавъ на берегъ Виліи, Поята и гусляръ остановились.

— Гдѣ же онъ?... Гдѣ мой милый Ягайло? Спросила Поята у гусляра.

Въ это время къ берегу причалила лодка, изъ которой выскочили нѣсколько человѣкъ и, схвативъ Пояту, съ быстротою молніи связали ей сперва руки, а потомъ ноги и, втащивъ на лодку, зажали плѣнницѣ ротъ.

Гусляръ тоже сѣлъ въ лодку, которая сейчасъ же отчалила отъ берега.

— Ну—что Гаштольдъ? Спросилъ у гусляра политовски криве-кривейто Гонтвидъ, сидя на кормѣ лодки и правя весломъ.

— Лисица отправилъ его на калнасъ вѣчнаго счастія, отвѣчалъ гусляръ также политовски.

— А монахи?

— Всѣ перебиты, а если еще нѣтъ, то остальныхъ перебьютъ. Слышишь, отецъ Гонтвидъ, какой шумъ стоитъ надъ монастыремъ?!?

Въ это время до нихъ долетѣли звуки монастырскаго колокола.

— Ну—вотъ когда свалка-то начнется, сказалъ Гонтвидъ.

— Когда они вышли на берегъ, имъ были видны всѣ окрестности монастыря, освѣщенные пожаромъ. Многочисленныя толпы горожанъ и отрядъ дружинниковъ, услышавъ звукъ колокола, со всѣхъ сторонъ спѣшили къ монастырю.

Въ монастырскій колоколъ ударилъ нечаянно самъ татаринъ, вообравшійся на колокольню для того, что бы оттуда поразить большимъ камнемъ храбреца-Лисицу, который прижавшись къ зданію колокольни отражалъ удары противниковъ, но уже не наносилъ ихъ.

Звуки колокола пробудили въ немъ энергію, собравъ всѣ свои силы онъ бился до тѣхъ поръ, пока не подоспѣли къ нему на помощь дружинники велико-княжескіе, а вслѣдъ за ними горожане. Человѣческая бойня снова возобновилась: ни одинъ татаринъ не вышелъ изъ монастыря, всѣ до одного легли тамъ.

Вскорѣ послѣ этого побоища розразилась гроза, сильный дождь прекратилъ монастырскій пожаръ. Восходящее солнце освѣтило ужасную картину смерти и пожарища. Въ монастырѣ на каждомъ шагу стояли лужи дождевой воды, которая отъ смѣшенія съ человѣческой кровью сдѣлалась красною; повсюду лежали груды тѣлъ татаръ, монаховъ, служителей монастырскихъ и частію горожанъ. Со всѣхъ сторонъ сбѣгались собаки и слетались хищныя птицы, почуявъ добычу.

Утромъ Войдыйло и Лисица долго искали между трупами мертвыхъ гусляра и Пояту, но не нашли ихъ.

Возвратился великій князь Ольгердъ изъ своего похода и, узнавъ о случившемся, позвалъ всѣхъ горожанъ на судъ къ себѣ.

Въ то время посады и всякія пригородныя селенія охранялись самими горожанами; дружинники же только оберегали замки велико-княжескіе; поэтому къ отвѣту притянули только горожанъ. Послѣдніе оправдались тѣмъ, что не знали о нападеніи татаръ, что оно было неожиданно; но что все таки горожане всѣхъ татаръ перебили.

Возвратился и Ягайло съ отцемъ своимъ.

— А гдѣ жъ Поята? Спросилъ онъ у Войдыйлы и Лисицы.

— Не знаемъ, куда дѣлась, отвѣчали оба.

— А гдѣ гусляръ? Продолжалъ князь Яковъ Ольгердовичъ.

Лисица и Войдыйло, молча, развели руками: ни одинъ изъ нихъ не могъ отвѣчать удовлетворительно на послѣдній вопросъ.

Въ 1377 году, въ одинъ изъ первыхъ дней ноября мѣсяца, по всей Вильнѣ то и дѣло, что раздавался звонъ церковныхъ колоколовъ. Звонили на всѣхъ церквахъ, съ ранняго утра до поздняго вечера;—съ небольшими промежутками. Звонъ этотъ не былъ праздничнымъ трезвономъ, потому что былъ будній день, да и бла-

говѣстили только въ одинъ большой колоколъ; не былъ онъ также и набатомъ,—ни пожаръ, ни непріятель Вильнѣ не угрожали. Дѣло въ томъ, что великій князь Ольгердъ (Андрей) Гедиминовичь сильно занѣмогъ, поэтому придворнымъ духовникомъ—Архимандритомъ Давидомъ отдано было приказаніе во всѣмъ виленскимъ церквамъ служить молебны о здравіи больнаго князя. Со всѣхъ сторонъ Вильны горожане обоего пола и разныхъ лѣтъ стекались къ церквамъ. Между русинами были литовцы, принявшіе христіанство по греческому обряду. Въ то время 3 части населенія Вильны состояло изъ христіанъ греческаго закона и только одну часть состояли язычники, нѣмцы и отчасти евреи.

Въ виленскомъ языческомъ Ромновѣ, въ храмѣ Перкунеса тоже шли молебствія о здравіи Ольгерда и приносились безкровныя жертвы, состоящіе изъ сотовъ меда, разныхъ плодовъ, хлѣба и аллуса. Но это молебствіе было дѣломъ оффиціальной необходимости и только. Криве-Кривейто и всѣ жрецы знали что Ольгердъ давнымъ давно сдѣлался христіаниномъ и потому не только не любили, но даже ненавидѣли его; хотя боялись и угождали ему чѣмъ только возможно было.

Въ этотъ день—общаго молебствія, не задолго передъ сумерьками, по улицѣ ведущей къ троицкому монастырю—шелъ спотыкаясь шутъ Ѳомка. Отъ старости онъ едва передвигалъ ноги и зачастую останавливался и переводилъ духъ.

— А Ѳомушка здравствуй, какъ живешъ можешъ?

Спрашивали его встречные и поперечные на всемъ пути.

— Ничего живу, что мнѣ дѣлается,—видите какимъ молодцомъ выгляжу, хотъ сейчасъ въ дружинники. Однимъ кулакомъ сотню нѣмцевъ перебью, а ужъ какъ до меча доберусь такъ и говорить нечего. Отвѣчалъ серьезно шутъ, закашливаясь и покачиваясь отъ старческой слабости.

Подобная острота вызывала у многихъ громкій смѣхъ, а у иныхъ сдержанную улыбку.

— Ну а самъ то нашъ батюшка, красное солнушко, великій князь Андрей Гедиминовичь что,—легчели ему? Продолжали распрашивать шута.

— Скоро ему легче будетъ. Отвѣчалъ шутъ.

— Да какъ скоро? Осыпали вопросами Ѳомку.

— А вотъ дай срокъ... на тотъ свѣтъ уберется, грѣхи вамъ оставитъ на поживу, а самъ въ могилу юркнетъ, ну безъ грѣховъ извѣстное дѣло, сырая землица на могилкѣ не давитъ. Ужъ такъ легко ему будетъ тамъ, что легче ничего на свѣтѣ не бываетъ. Продолжалъ шутъ.

— Вотъ мы за великаго князя Андрея молиться въ церковь идемъ говорили одни: а мы сейчасъ молились за него, говорили другіе.

— Молитесь дѣтушки, молитесь. Говорилъ Ѳома, подъ конецъ измѣняя шутовскому тону: я самъ иду молиться къ святымъ мученикамъ въ Троицкій монастырь, о своихъ великихъ грѣхахъ, что бы молитвами ихъ пробраться туда, гдѣ нѣтъ ни плача, ни рыданій но жизнь безконечная... Сдается мнѣ что мы вмѣстѣ оба съ великимъ то княземъ на тотъ свѣтъ уберемся... Онъ меня здѣсь не остановитъ, да й тамъ безъ меня соскучится... Съ нимъ выросъ, съ нимъ и умру. Такъ вотъ на послѣдкахъ то хочу угодникамъ Божіимъ порадѣть, помолиться...

Въ это время, мимо шута поспѣшно проходилъ босоногій юродивый Алеша, знакомый читателю по введенію въ романъ. Время и надъ нимъ сдѣлало свое дѣло, онъ также сдѣлался дряхлымъ старикомъ.

— Молись Ѳомушка, молись... Тебѣ нужно молиться, ты цѣлый вѣкъ свой скоморохомъ былъ, дьявола ублажалъ, людей тѣшилъ... Но Богъ милосердъ,—молись ему, онъ проститъ тебя... Я знаю, я вѣдаю... Пойдемъ молиться вмѣстѣ, пойдемъ говорилъ Алеша.

— Пойдемъ святой человѣкъ. Сказалъ растроганный Ѳома, слѣдуя за юродивымъ.

— Постой Алеша, остановилъ его одинъ горожанинъ: ты Божій человѣкъ, твоими устами самъ Богъ глаголѣтъ... Скажи намъ, будетъ ли здравъ нашъ великій князь Андрей Гедиминовичь?

— Не минетъ этотъ мѣсяцъ, какъ его отзоветъ къ себѣ Господь Богъ нашъ, я знаю, я вѣдаю... Сказалъ Алеша и перекрестившись пошелъ вмѣстѣ съ Ѳомой.

По уходѣ ихъ собралась большая толпа горожанъ, всѣ судили, рядили о томъ что говорили шутъ Ѳома и юродивый Алеша.

— Да ужъ живому не быть, коли молебны пѣть о его здравіи во весь день приказано. Рѣшилъ одинъ русинъ—гостинодворецъ.

— Вотъ и великій князь, а все умирать приходится. Замѣтилъ другой.

— Отъ смерти братъ не убѣжишь, ни спрячешься, вездѣ найдетъ. Сказалъ третій.

— Для смерти все равно, великій князь или рабъ. Пощади никому не даетъ. Вмѣшался четвертый.

— Ну этого ты не говори; внушительнымъ тономъ замѣтилъ старикъ русинъ, въ великолѣпной собольей шубѣ:—цари и князи людскіе есть власть, а всякая власть отъ Бога посылается... Безъ власти мы пропадемъ какъ черви ничтожные. Вотъ отъ того то великіе князья и живутъ до тѣхъ поръ, пока не угодно будетъ Всевышнему позвать ихъ къ себѣ...

— Ну да, вѣдь не отвертится, умретъ же. Заключилъ очень толстый мужчина, тоже въ длинной русинской шубѣ. Это былъ переодѣтый войделотъ, тотъ самый котораго читатель видѣлъ гусляромъ.

— Ты потише о смерти то, молись пока о здравіи, а не за упокой. Замѣтилъ одинъ изъ толпы.

— Закаркалъ коршунъ, видно кровь почуялъ!? сказалъ другой.

— Что тебѣ жизнь что ли не мила нашего великаго князя? Подступилъ къ нему старикъ, потряхивая своей бородой.

— Ну вотъ что выдумалъ, эхъ старина! до сѣдыхъ волосъ дожилъ, а людей распознавать не умѣешь... Да я за великаго князя Ольгерда...

— Андрея. Поправивши его несколько голосовъ.

— За великаго князя Андрея, продолжалъ переодѣтый войделотъ:—голову радъ сложить всегда... Я только о томъ, что жаль мнѣ его, что умирать ему приходится; послѣ него худо будетъ намъ...

— Кому намъ? Спросилъ старикъ, пристально всматриваясь въ переодѣтаго войделота.

— Намъ, русинамъ христіанамъ. Отвѣчалъ агентъ криве-кривейти.

— Отъ чего?...

— Да отъ того, что вокняжится пожалуй князь Ягайло...

— Князь Яковъ Андреевичъ, что ты все по литовски называешь князей, зови по русински, мы вѣдь русины не литовцы. Снова поправилъ его кто то изъ толпы.

— Князь Яковъ Андреевичъ, а онъ не словамъ только любитъ насъ, а на дѣлѣ въ сторону воротитъ свою клинообразную голову, отъ всего русинскаго и вѣрой нашей гнушается. Продолжалъ переодѣтый Войделотъ.

— Ну ты не издѣвайся надъ княземъ Яковомъ, онъ тебѣ такой клинъ вколотитъ въ голову, когда вокняжится, что ты отца роднаго не узнаешъ. Замѣтилъ ему кто то изъ толпы.

— Оставьте его братцы, пусть его говоритъ, что хочетъ, собака лаѣтъ, вѣтеръ носитъ...

— И то правда...

— Ну молодецъ честной, обратился старикъ къ переодѣтому Войделоту: ты тученъ тѣломъ, а худъ умомъ. Зря и на простаго человѣка говорить нельзя, а не только что на князя, на голубя нашего, на надежу нашу... Я тебя вижу въ Вильнѣ, въ первой разъ, Богъ тебя знаетъ кто ты такой, но мы не дадимъ тебѣ неправду взводить на князя Якова... Мы всѣ до подлинно знаемъ, что князь Яковъ радѣльщикъ нашей православный вѣры, что набоженъ онъ какъ мать его великая княгиня Ульянія, что душа его чисто русинская, нѣтъ въ ней ни одной крохотки латинской и языческой. Всѣмъ онъ намъ любъ, всѣ мы будемъ рады коли онъ вокняжиться...

— Хорошъ великій князь! грамотѣ не знаетъ. Какъ же онъ будетъ законы то для васъ писать? Насмѣшливо спросилъ толпу агентъ криве-кривейты.

— Какъ онъ будетъ законы писать, насъ съ тобой не спросятъ, про то князья вѣдаютъ... А что онъ не грамотѣнъ, такъ это еще не бѣда. Господь вразумляетъ слѣпцы... Только врядъ ли онъ не грамотѣнъ. Всѣ сыновья и дочери Андрея Гедиминовича воспитаны на святомъ писаніи. Такъ останется ли не грамотнымъ любимый сынъ великой княгини?! Отвѣчалъ старикъ Войделотку.

— Да и въ выборѣ князей на великое княженіе насъ не спросятъ, здѣсь *веча* нѣтъ. Сказалъ кто то изъ толпы.

— Ну а кому бы по твоему нужно вокняжиться послѣ смерти великаго князя Андрея Гедиминовича? Спросилъ старикъ у Войделота.

— По моему слѣдуетъ вокняжиться князю трокскому Кейстуту Гедиминовичу... Въ грамотѣйствѣ онъ рыцарямъ не уступаетъ,

умомъ же и ратнымъ дѣломъ онъ выше всѣхъ князей удѣльныхъ, ему значитъ и княжить. Отвѣчалъ агитаторъ криве-кривейты.

— Язычникъ то будетъ нашимъ великимъ княземъ, вишь что выдумалъ...

— Знать дурману объѣлся...

Переодѣтый Вайделота, съ жаромъ началъ превозносить доблести князя Кейстута и всячески унижать Ягайлу.

Посмотримъ, для чего это дѣлалось.

Къ концу царствованія Ольгерда православная вѣра въ Литвѣ окончательно восторжествовала. Шла она путемъ слова и убѣжденія, безъ малѣйшаго насилія и проникала уже въ дремучію жмудь.

Въ верхней Литвѣ половина населѣнія, черезъ посредство родства, связей и сосѣдства съ русинами отпало отъ язычества и сдѣлалась христіанской, по правиламъ греческо-восточной церкви.

Власть и значеніе криве-кривейты съ каждымъ днемъ падали. За совѣтомъ и благоговѣніемъ къ нему Ольгердъ не обращался болѣе, къ себѣ въ замокъ никогда не приглашалъ и въ Ромновэ болѣе не бывалъ. Женившись на второй супругѣ, тверской княжнѣ Ульяніей Александровнѣ Ольгердъ сдѣлался явнымъ христіаниномъ и построилъ церковь Пречистыя Богоматери.

Верховный жрецъ, судія судій былъ оставлѣнъ въ забвеніи, какъ старый продуктъ негодный ни для чего болѣе, какъ для уничтоженія или саморазложенія.

Одна жмудь, съ небольшой частію литовцевъ во главѣ съ Кейстутомъ подчинялась и благоговѣла передъ криве-кривейтомъ, да и то только въ дѣлахъ религіозныхъ.

Что бы затормозить дѣло распространенія православной вѣры въ самой Литвѣ и преградить ей путь въ жмудь, криве-кривейто прибѣгалъ ко многимъ средствамъ, но всѣ онѣ оказались безсильными.

Услышавъ о тяжкой болѣзни В. К. Ольгерда криве-кривейто рѣшился въ случаѣ смерти великаго князя возвести на литовско-русское княженіе трокскаго князя Кейстута, который былъ заклятымъ язычникомъ. Для этого онъ наполнилъ *русскую лавицу*, *смоленскую улицу* и всѣ русинскія посады своими агентами. Этимъ агитаторамъ было поручено уронить Ягайлу во мнѣніи виленскихъ русиновъ, поколебавъ ихъ довѣріе и любовь къ нему, чрезъ что въ случаѣ спора о престонаслѣдіи между князьями Кей-

стутомъ и Ягайломъ сдѣлать ихъ нейтральными, а между тѣмъ именемъ боговъ заставить Кейстута овладѣть престоломъ, хотя бы силою и объявить себя великимъ княземъ. Въ ратной силѣ у Кейстута недостатка не было, онъ былъ любимъ литовцами и жмудинами, достаточно было одного его слова что бы поднять всю жмудь и литву на его призывъ. Но ошибся криве-кривейто въ своихъ мечтаніяхъ. Князя Якова (Ягайло) русины любили болѣе всѣхъ другихъ князей за его набожность и ни въ какомъ случаѣ не были бы нейтральными, въ спорѣ Кейстута съ Ягайломъ. Силою Кейстутъ тоже не выигралъ бы; потому что уже по одному численному превосходству русины имѣли перевѣсъ надъ литовцами и жмудинами. А въ открытой борьбѣ русины всѣ поголовно стали бы за князя Якова и на оборотъ литовцы и жмудины за Кейстута, но послѣднихъ нужно было собирать, тогда какъ первые были подъ бокомъ. Да и наконецъ Кейстутъ не только что не зналъ о подобныхъ замыслахъ криве-кривейты, но даже былъ далекъ отъ всего этаго.

Конечно для генія Кейстута, закаленнаго въ бояхъ разныхъ и испытаннаго въ дипломатіи, захватъ престола былъ возможенъ, этотъ князь зачастую съ горстью жмудиновъ овладѣвалъ громадными замками тевтонскихъ рыцарей и вездѣ показывалъ чудеса храбрости, но въ престонаслѣдіи онъ покорялся брату своему Ольгерду, котораго любилъ безгранично.

А удайся планъ криве-кривейты—тогда бы не пришлось въ настоящее время поднимать намъ вопроса о способѣ обрусѣнія всего сѣверо-западнаго края. Все было бы теперь въ немъ русское. Криве-кривейто сдѣлалъ бы медвѣжью услугу язычеству черезъ исполненіе своихъ замысловъ. Ненавистный католицизмъ литовцамъ и жмудинамъ не нашелъ бы себѣ поклонниковъ въ средѣ ихъ, а эти два близко родственныя племени добровольно слились бы съ русью,—какъ по вѣрѣ, такъ и по языку.

Но будемъ продолжать нашъ романъ.

Переодѣтый войделотъ продолжалъ агитировать въ пользу Кейстута съ большимъ смысломъ и тактомъ.

Толпа молчала, но въ этомъ молчаніи слышалась близкая буря.

— Братцы! что вы его слушаете, вѣдь это переодѣтый войделотъ, гляди подосланный отъ криве-кривейты, что бы мутить насъ. Крикнулъ одинъ изъ толпы.

— Я его третій день вижу, все ходить да за Кейстута стоитъ. Замѣтилъ другой.

Народъ зашумѣлъ, войделотъ немного смутился.

— А вотъ постой, мы сейчасъ доподлинно узнаемъ сказалъ старикъ, взявъ за воротъ агента криве-кривейты:—ну братъ, показывай намъ, есть-ли у тебя крестъ на шеѣ.

— Разумѣется есть сказалъ переодѣтый войделотъ, пятясь отъ старика.

— А есть, такъ показывай...

— Да что съ нимъ торговаться, осмотрите его сами братцы. Крикнулъ кто то.

Толпа мгновенно бросилась на войделота и не найдя креста на шеѣ повалила его на землю.

— Бейте его братцы, да хорошенько. Сказалъ кто то изъ толпы.

Посыпались не войделота побои, а вслѣдъ за ними послышались стоны и крики его.

Въ это время, мимо волнуещей толпы проходилъ дружинникъ Лисица и узнавъ въ чемъ дѣло росчистилъ себѣ путь своими богатырскими плечами до самого войделота.

— Стойте братцы, будетъ вамъ бить его. Закричалъ Лисица на толпу.

Она остановилась.

Лице войделота было окровавлено.

— Спаси меня господинѣ... я русинъ, видитъ Богъ русинъ... крестъ стащили у меня мои не други. Съ отчаяннымъ воплемъ обратился войделотъ къ Лисицѣ.

Толпа снова зашумѣла и снова готова была броситься на несчастнаго агитатора.

Дружинникъ Лисица снова остановилъ ее. Онъ узналъ въ несчастномъ,—бывшаго гусляра.

— Отойдите братцы къ сторонкѣ, я съ нимъ глазъ на глазъ поговорю порасправлюсь, все вывѣдаю, кто онъ такой, а опосля выдамъ вамъ его. Сказалъ Лисица толпѣ.

Противъ желанія дружинника никто не возразилъ, всѣ молча отошли къ сторонкѣ, смотря съ любопытствомъ на свою жертву и на Лисицу.

— Говори гдѣ Поята? куда ты пропалъ съ ней изъ монасты-

ря Гантольда? Спросилъ дружинникъ, наклонясь къ переодѣтому войделоту.

Избитый агентъ верховнаго жреца не ожидалъ подобнаго вопроса. Моля о заступничествѣ дружинника онъ находился въ страшномъ испугѣ и потому не узналъ того кого молилъ. Тутъ только онъ вздрогнулъ и осмыслилъ, что попалъ изъ одной крайности въ другую.

— Я не знаю никакой Поятты, прошепталъ онъ, мѣняя голосъ и гримасничая.

— Слушай, говори всю правду, лучше будетъ, вѣдь я тебя узналъ... а не скажешь не пѣняй на меня, въ одинъ мигъ нестанетъ тебя на землѣ. Продолжалъ Лисица.

Преодѣтый войделотъ колебался.

— Скажешь по правдѣ и укажешь гдѣ Поята на волю тебя отпущу, а не скажешь отдамъ этой толпѣ...

— Не знаю я,—видитъ Богъ не знаю... гдѣ Поята. Процедилъ сквозь зубы агентъ криве-кривейты, трясясь какъ въ лихорадкѣ.

— Кто ты такой?

— Я... я... русинъ изъ Новгорода...

Лисица розразился хохотомъ.

— Съ тобой видно браги не сваришь. Сказалъ онъ и обратившись къ толпѣ крикнулъ: — бейте его братцы до смерти и впредь онъ подосланный отъ криве-кривейты...

Толпа бросилась къ своей жертвѣ.

— Скажу, все скажу, только спаси меня. Бросаясь въ ноги къ Лисицѣ закричалъ бывшій гусляръ.

— Ну говори. Сказалъ дружинникъ, остановивъ бѣгущую толпу.

— Поята умерла... видитъ Богъ умерла...

— Давно ли?

— Прошлое лѣто... видитъ Богъ, прошлое лѣто...

— Гдѣ?..

— Тамъ... въ лѣсу возлѣ Полунги...

— Зачѣмъ она туда попала?

— По приказанію кривейты Гонтвида. Проговорился переодѣтый войделотъ.

— Давно ли умерла Поята. Умышленно спросилъ снова Лисица о смерти Пояты.

— Нынѣ лѣтомъ. Отвѣчалъ переодѣтый войделотъ, забывая, что на этотъ вопросъ онъ уже далъ отвѣтъ.

— А прежде говорилъ что прошлое лѣто... ну съ тобой я растанусь только, тогда когда ты укажешъ мнѣ на живую или мертвую Пояту. Сказалъ дружинникъ и поднявъ на ноги избитаго войделота приказалъ слѣдовать за нимъ въ замокъ великокняжескій.

Толпа зашумѣла и потребовала отъ Лисицы войделота.

— Онъ мой; закричалъ грозно на толпу Лисица:—а я дружинникъ великаго князя, коли въ чемъ виноватъ я,—жалуйтесь великому князю. Сказавъ это Лисица, взявъ рукою за воротъ бывшаго гусляра, повелъ по улицѣ къ замку.

Придя въ замокъ Лисица послалъ за Войдыйломъ и когда тотъ явился представилъ ему переодѣтого войделота.

Войдыйло безъ затрудненія и съ радостью узналъ въ немъ знакомаго гусляра.

— Поди позови князя Якова (Ягайлу), пусть самъ допроситъ и расправится съ этимъ пройдохой. Обратился Лисица къ Войдыйлѣ.

— Теперь князю Якову нельзя; въ покояхъ своего отца находится... отвѣчалъ Войдыйло.

— Что онъ тамъ дѣлаетъ?..

— Сейчасъ всѣ князья и бояре будутъ ему присягать въ вѣрности... великій князь Андрей Гедиминовичъ объявилъ его своимъ наслѣдникомъ...

— Ну слава Богу, пойдемъ и мы присягать, а теперь давай спрячемъ пока до времени за желѣзныя двери вотъ этаго ежа. Сказалъ Лисица.

— Посадимъ его въ волчью башню...

— И то ладно...

Повели въ волчью башню бывшаго гусляра и, несмотря на его вопли и обѣщанія указать гдѣ Поята, заперли на крѣпкій замокъ.

Теперь читатель посмотримъ, что дѣлается въ покояхъ в. к. Ольгерда.

С. Калугинъ.

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ ЕВРЕЙСКАГО БЫТА.

(Очерки).

I.

(Трубкинъ).

I.

Пробило четыре часа по полуночи; вокругъ меня всѣ спятъ: я одинъ мучусь въ постели, ворочаясь съ боку на бокъ .. Томительная безсонница не даетъ мнѣ покою... Тангесы, треугольники, насосы, машины безпрестанно роятся въ моей головѣ и представляются живыми существами... я внѣ себя отъ злости на этихъ злыхъ духовъ, которые не даютъ мнѣ сомкнуть глазъ... О, Господи! восклицаю я, въ припадкѣ бѣшенства, не выспавшись, какъ же мнѣ завтра явиться на экзаменъ?!.. Я не вытерпѣлъ и залился горючими слезами. Долго я плакалъ и молился, пока не началъ дремать... Около четверти часа провелъ я въ сладкой дремотѣ, какъ вдругъ, какой то стукъ принудилъ меня невольно раскрыть глаза, и, представьте себѣ мой ужасъ, когда глазамъ моимъ представилась огромная масса, движущаяся по направленію ко мнѣ... Это Атвудова машина, мелкнула въ моей разстроенной головѣ, и мнѣ казалось, будто она хочетъ раздавить меня за то, что я не изучилъ ее... Страхъ отнялъ у меня языкъ, и я не могъ крикнуть, а привидѣніе, безъ шуму, все болѣе и болѣе приближалось... Вотъ она стоитъ у моего изголовья... Отъ страху я закрылъ глаза и закутался въ одѣяло... Но вотъ еще большій ужасъ обхватилъ меня: вмѣсто одной Атвудовой машины, мнѣ представились страшныя физіономіи всѣхъ видовъ треугольниковъ: равнобедренныхъ, косоугольныхъ, подобныхъ и т. д. и надъ всѣми этими фигурами учитель математики стоитъ со спискомъ въ одной рукѣ, перомъ омоченнымъ въ чернилы въ другой и хладнокровно произноситъ свою обычную фразу: „ступайте на мѣсто,—единицу!...“ я затрепеталъ... Долгое время я не могъ рѣшиться раскрыть ли глаза или нѣтъ; наконецъ я ихъ раскрылъ—и, о ужасъ!... Атвудова машина запустила свою руку подъ мою подушку... „Не губи меня,“ закричалъ я въ ужасѣ и закрылъ глаза... Услышавъ мой крикъ, машина пустилась бѣжать, но, зацѣпившись о мою кровать,

съ шумомъ рухнула на полъ. Отъ стука ея паденія пробудилось нѣсколько учениковъ и бросились къ моей постели съ крикомъ: „что случилось?!“ Я притворился спящимъ и не отвѣчалъ имъ, потому что въ эту ночь все пугало меня, даже мои сотоварищи, которыхъ я узналъ по голосу. Не получивъ отъ меня отвѣта, товарищи мои пустились назадъ; только одинъ изъ нихъ, случайно толкнувшись о что то, упалъ, съ крикомъ: „воръ, воръ!... Огня! подайте.. скорѣе, скорѣе!...“ Зажгли спичку и, представьте себѣ мое удивленіе, когда въ Атвудовой машинѣ, я узналъ моего сотоварища Трубкина, который лежалъ растянувшись на полу и, держа булку въ обѣихъ рукахъ, грызъ ее, какъ собака. Поднялся шумъ и гамъ, вся спальня пробудилась и всѣ начали распрашивать другъ друга о случившемся, но некому было удовлетворить ихъ любопытству, пока я, собравшись съ мыслями, не разсказалъ имъ, что Трубкинъ укралъ изъ подъ моего изголовья булку, оставленную мною вчера отъ ужина, и что, когда Трубкинъ запустилъ руку подъ мою подушку, я закричалъ отъ страха. Тутъ начали колотить Трубкина, который еще продолжалъ лежать на полу и доѣдать остатокъ булки. „Ну довольно!“ закричалъ Трубкинъ, послѣ первыхъ трехъ порядочныхъ ударовъ, и, между тѣмъ, окончивъ свою трапезу. „Довольно, довольно, говоришь ты? отозвались всѣ ученики въ одинъ голосъ, и всѣ, не исключая даже и меня, изъ головы котораго эта сцена прогнала всѣ призраки, бросились на Трубкина еще съ большимъ ожесточеніемъ. Трубкинъ, отбросивъ всѣхъ насъ, очень хладнокровно, одною рукою, въ сторону, всталъ и выпрямился какъ ни въ чемъ не бывало. „Ну, господа, сказалъ онъ, разгорячившись, вы хотите драться сомною? Пожалуй, я не прочь.“ Говоря это, онъ схватилъ ближайшую къ нему кровать обѣими руками и, поднявъ ее выше головы своей, продолжалъ: „кому угодно быть завтра къ экзамену съ разбитою головою?“ Мы всѣ, хотя насъ было тридцать, зная его силу и отвагу, отступили назадъ съ крикомъ: „разбудить дежурнаго.“ Услыхавъ это, Трубкинъ опустилъ кровать на свое мѣсто и, загородивъ намъ выходъ изъ спальни, важно проговорилъ: “развѣ вы забыли, что сегодня экзаменъ математики и что билеты дѣлаю я. Разбудите дежурнаго, но знайте, что на меня ужъ вамъ надѣяться нечего; ну теперь что? Прибавилъ онъ, разсмѣявшись, и, давъ намъ свободный выходъ изъ

спальни. Господа, ступайте теперь будить дежурнаго." Никто изъ насъ не тронулся съ мѣста. Тогда Трубкинъ, видя, что его внушеніе сильно подѣйствовало на насъ, проговорилъ громовымъ басомъ: „молодцы вы у меня, ей Богу, люблю я васъ! за то да будетъ миръ между нами и подалъ каждому изъ насъ свою мускулистую руку. Всѣ ученики были въ восхищеніи, что все это кончилось такъ благополучно, и хотѣли уже разойтись спать. Куда же вы? Спросилъ Трубкинъ, замѣтивъ наше намѣреніе."— „Спать", отвѣчали мы.—„Какъ же это спросилъ Трубкинъ, удивленный нашимъ намѣреніемъ,—вѣдь завтра, кажется, у насъ экзаменъ, не лучшели было бы, если бы переспросили другъ друга физику, пока не наступила роковая минута, потомъ приготовимъ и обозначимъ билеты съобща, чтобы каждый изъ насъ могъ выбрать извѣстный вопросъ." „Хорошо" отвѣчали мы. „А, а! разсмѣялся Трубкинъ, я хотѣлъ, чтобы вы рано встали и приготовились къ экзамену; но зная, что васъ не поднимешь, устроилъ вотъ эту шутку. Теперь, небось, ни одинъ изъ нашихъ сотоварищей не спитъ... Не малодецъ ли я?" окончилъ онъ вопросомъ и залился громкимъ хохотомъ.

Наконецъ все утихло: мы сѣли заниматься. Но всѣ мы, исключая Трубкина, были очень слабы по математикѣ, а Трубкинъ, не будучи расположенъ объяснить намъ въ сотый ра ъ замысловатый рычагъ, началъ разсказывать свои безконечныя и невѣроятныя похожденія.

Пробило восемь часовъ, звонокъ позвалъ къ утренней молитвѣ. Теперь-то мы начали раскаеваться, что поддались болтовнѣ Трубкина и не повторили ничего къ экзамену. Одинаковое чувство страха овладѣло всѣми нами. Единственная надежда наша была на неустрашимаго Трубкина, съ которымъ мы хотѣли условиться насчетъ приготовленія билетовъ; но лишь только раздался звонокъ, какъ онъ выбѣжалъ изъ спальни. Вошелъ дежурный надзиратель напомнить намъ звонокъ. Всѣ мы послѣдовали за нимъ. На дворѣ мы увидѣли Трубкина, который разговаривалъ съ сторожами; всѣ бросились къ нему, устремивъ на него умоляющіе взгляды, чтобы выручилъ насъ изъ грозившей бѣды. Трубкинъ сразу понялъ насъ и проговорилъ: „только, господа, булки за мной!" Мы, въ знакъ согласія, кивнули головами и вошли въ молитвенный домъ.

На этотъ разъ, во время молитвы, мы, противъ обыкновенія, не разговаривали между собою и каждый изъ насъ велъ тихую интимную бесѣду съ Богомъ; одинъ только Трубкинъ подходилъ то къ одному, то къ другому, то къ третьему изъ молящихся и, пришепнувъ на ухо: „помни, булка за мной, удалялся.“ Молитва кончилась, мы вошли въ столовую. Каждый, получивъ отъ эконома булку, поднесъ ее Трубкину, который сладко ухмылялся и потрепалъ каждаго изъ насъ по плечу съ покровительственною важностью. Исполнилъ ли Трубкинъ свое обѣщаніе или нѣтъ, это мы увидимъ послѣ, а пока познакомимъ читателя съ самимъ Трубкинымъ.

II.

Трубкинъ, какъ онъ самъ выражался, родился отъ „камня;“ даже имена его родителей ему не были извѣстны. До шести лѣтъ онъ находился въ бѣдномъ еврейскомъ семействѣ, гдѣ всѣ надъ нимъ глумились, всѣ повелѣвали имъ, начиная отъ самаго главы семейства до маленькой двухлѣтней дѣвчонки, которую онъ долженъ былъ носить на своихъ рукахъ. За каждое ослушаніе онъ долженъ былъ претерпѣвать множество побоевъ и постоянно слышать титулъ „незаконорожденнаго“ (мамзеръ). Не будучи въ состояніи истить за себя ни хозяину, ни хозяйкѣ, онъ всю злость свою вымѣщалъ на двухлѣтней дѣвчонкѣ, когда родители ея были въ отсутствіи и оставляли ее на его попеченіе. Однажды, оставшись съ маленькою дѣвчонкою наединѣ, онъ началъ ее бить изо всѣхъ силъ, но дверь съ шумомъ отворилась и, вооруженная большою палкою, хозяйка очутилась въ комнатѣ. Она вся дрожала отъ бѣшенства и пискливымъ голосомъ прокричала: „незаконорожденный!“ Трубкинъ, понявъ всю опасность своего положенія, бросилъ малютку на полъ и самъ, выпрыгнувъ черезъ отворенное окно, пустился бѣжать. Пробѣжавъ съ полчаса безъ оглядки, Трубкинъ оглянулся и увидѣлъ, что онъ находится на большой дорогѣ и что никто за нимъ не гонится; онъ немного отдохнулъ, потомъ шелъ уже медленѣе, пока не наткнулся на корчму. Онъ хотѣлъ уже войдти въ нее, чтобы попросить чего нибудь поѣсть, но не успѣлъ еще переступить порога, какъ услыхалъ тамъ знакомый голосъ своего прежняго хозяина и бросился назадъ. Къ счастію, онъ замѣтилъ на одной изъ мужицкихъ телѣгъ, стоявшихъ

при корчмѣ, порядочный ломоть черного хлѣба; съ жадностью схватилъ бѣглецъ этотъ драгоцѣнный для него кладъ и пустился въ лѣсъ. Утоливъ голодъ, онъ крѣпко заснулъ и, какъ ему помнилось проспалъ около двѣнадцати часовъ; ибо когда проснулся уже поднялась утренняя заря.

Послѣ двухневнаго путешествія, Трубкинъ прибылъ въ маленькій городокъ, гдѣ, самъ не помнитъ какими судьбами, попалъ въ талмудъ-тору. Пробывъ въ ней года три и оказавъ блестящіе успѣхи, онъ на четвертомъ году былъ перемѣщенъ своими покровителями, старымъ шамесомъ (служителемъ) и двумя меламдами талмудъ-торы въ главный эшиботъ этого городка. Пробывъ въ немъ два года и обративъ на себя вниманіе всѣхъ ламденовъ (ученыхъ талмудистовъ) этого городка, которые были внѣ себя отъ его богатыхъ способностей, онъ чуть-чуть не сдѣлался мужемъ слѣпой, чорной и одноглазой дочери одного изъ нихъ, не смотря на то, что ему пошелъ всего только тринадцатый годъ. Вдругъ одна маленькая неожиданность принудила Трубкина, въ одно прекрасное утро, оставить этотъ городокъ вмѣстѣ съ его именитыми талмудистами. Дѣло было вотъ въ чемъ:

Въ сосѣднемъ домѣ отъ эшибота, въ которомъ учился Трубкинъ, жилъ старый дьячокъ, дѣти котораго хорошо умѣли говорить на разговорномъ еврейскомъ жаргонѣ. Трубкинъ до того съ ними подружился, что они дѣлили съ нимъ и свои игры и лакомства. Разъ они принесли ему кусокъ колбасы, которую Трубкинъ съ жадностью началъ пожирать, какъ вдругъ одинъ изъ сотоварищей его по эшиботу замѣтилъ это и разгласилъ по городу, такъ что наконецъ преступленіе дошло до свѣдѣнія самаго габе (хозяина эшибота). Трубкинъ, видя себя въ большой опасности, задумалъ устроить прежнюю шутку и убѣжалъ изъ эшибота.

На этотъ разъ ему пришлось уже цѣлый день голодать; такъ какъ всѣ корчмы, встрѣчаемыя имъ на дорогѣ, были заселены христіанами, на гостепріимство которыхъ онъ не разсчитывалъ. Къ ночи Трубкинъ, физически истощенный, едва добрелъ до вѣтряной мельницы. Отъ утомленія, онъ крѣпко заснулъ и только на разсвѣтѣ былъ разбуженъ старикомъ евреемъ, который спросилъ его: „кто онъ и по какому случаю ночевалъ на открытомъ воздухѣ?“ Трубкинъ, сообразивъ, что тутъ очень кстати прикинуться страдальцемъ, предъ сострадательнымъ старикомъ, прибѣгнулъ къ давно

извѣстной уловкѣ и сказалъ, что онъ круглый сирота, что три дня тому назадъ у него умеръ отецъ, а мать его уже давно умерла, и что ему жить теперь негдѣ, и заключилъ трогательный разсказъ свой горькими слезами. „Не плачь, сынъ мой, сказалъ старикъ, Богъ отецъ всѣхъ сиротъ, не оставитъ и тебя бѣднаго" и, взявъ его за руку, повелъ въ свое жилище, на полверсты разстоянія отъ мельницы. „Гинда!" закричалъ старикъ, съ восторгомъ ступивъ на порогъ избы и увидѣвъ свою закутанную съ головою сгорбленную половину,—„Богъ на старости лѣтъ послалъ намъ сына наслѣдника; на, вотъ, накорми его бѣднаго." Старушка испустила глубокій вздохъ, и хриплымъ голосомъ спросила мужа: „гдѣ же ты нашелъ его?", „я нашелъ его спящимъ при нашей мельницѣ," отвѣчалъ старикъ и, присѣвъ немножко, передалъ ей выдуманную Трубкинымъ басню. Старушка искренно сожалѣла о несчастномъ сиротѣ и обильныя слезы показались на ея изрытомъ морщинами лицѣ. Старуха ласково подала ему порядочный ломоть изъ оставшихся отъ субботы пироговъ и немного молока.

Прошло два мѣсяца. Трубкинъ все еще жилъ въ домѣ мельника, который содержалъ его, какъ родного сына. Сначала Трубкинъ былъ доволенъ своимъ положеніемъ и не желалъ перемѣны къ лучшему, но одиночество скоро надоѣло нашему авантюристу; ему сдѣлалось невыразимо грустно между этими добродушными существами, и онъ рѣшился, во что бы то ни стало, освободиться отъ нихъ и вырваться изъ этой глуши. Во время своего пребыванія у мельника, Трубкинъ замѣтилъ, что старикъ откладываетъ по каждымъ пятницамъ не много денегъ въ небольшой ящикъ, стоявшій возлѣ печки, и онъ рѣшился захватить его съ собою и бѣжать.

III.

Съ украденными у мельника деньгами Трубкинъ пріѣхалъ въ Вильну, гдѣ выдавалъ себя за эшиба-бахура, и поступилъ въ одинъ изъ эшиботовъ этого города. Пробывъ года два въ этомъ эшиботѣ, Трубкинъ имѣлъ случай познакомиться съ нѣкоторыми учениками раввинскаго училища и самъ захотѣлъ сдѣлаться его ученикомъ.

Но что дѣлать?... Какъ поступить въ рав. училище? Нужно же имѣть какой нибудь видъ, или свидѣтельство о происхожденіи;

безъ этого въ раввинское училище не принимаютъ. А Трубкинъ или совершенно не записанъ въ ревизскія сказки, а если и записанъ, то гдѣ именно? Въ какомъ городѣ? Къ какому обществу причисленъ?... Вотъ препятствія, которыя мѣшали исполненію его плана! но Трубкинъ не робѣлъ; онъ твердо былъ увѣренъ, что для него не существуетъ никакихъ преградъ. И въ самомъ дѣлѣ, скоро Трубкинъ нашелъ средство добыть себѣ видъ.

Между его товарищами въ эшиботѣ находился преглупенькій, однихъ съ нимъ лѣтъ, мальчикъ, который не далекъ былъ въ еврейской письменности, и получивъ письма изъ дому, давалъ читать ихъ Трубкину, съ которымъ былъ очень друженъ. Такимъ образомъ Трубкинъ узнавалъ домашнія тайны этого мальчика прежде его самаго. Разъ мальчикъ получилъ письмо, въ которомъ отецъ писалъ ему, что посредствомъ какой-то продѣлки, ему удалось обратить въ свою пользу нѣсколько сотъ рублей казенныхъ денегъ. Прочитавъ это письмо, Трубкинъ вздумалъ сдѣлать его орудіемъ для достиженія своей цѣли и не возвратилъ письма адресанту, думая промѣнять его на видъ. Мальчикъ сначала не хотѣлъ исполнить это опасное предложеніе, но когда Трубкинъ пригрозилъ ему представить это письмо начальству, которое, по его словамъ, всѣхъ ихъ упрячетъ въ Сибирь, мальчикъ не на шутку испугался и передалъ ему свой видъ 1).

Спустя пять мѣсяцевъ послѣ этого происшествія, между новопоступающими въ виленское раввинское училище былъ Смерка-Фавія Гдаліовичъ Трубкинъ.

IV.

При самомъ вступленіи своемъ въ училище, Трубкинъ имѣлъ всего семь рублей; этимъ ограничивались всѣ его средства, что же

1) Нужнымъ считаемъ замѣтить, что нашъ разсказъ имѣетъ дѣло съ давно минувшимъ временемъ, когда раввинское училище, вмѣстѣ съ своимъ назначеніемъ, играло жалкую роль: приманить евреевъ къ образованію; и само начальство, понимая это, заботилось больше о вербовкѣ учениковъ, не обращая вниманія на формальности. Въ настоящее же время, особенно со вступленіемъ на должность директора г. Собчакова, подобныя укрывательства искоренились совершенно, такъ что время пребыванія г. Собчакова въ училищѣ положило особенную печать на физіономію его и трубкинскія свидѣтельства уже не могутъ имѣть ходу. (Авторъ).

будетъ потомъ, если эти деньги улетятъ? Такого вопроса Трубкинъ не задавалъ себѣ; онъ жилъ однимъ настоящимъ, до будущаго ни какого дѣла ему не было... Что будетъ, то будетъ, твердилъ онъ постоянно; Трубкинъ не пропадетъ!... И въ самомъ дѣлѣ, не успѣлъ онъ израсходовать и трехъ рублей, какъ началъ уже получать еженедѣльно двѣнадцать фунтовъ хлѣба изъ ученической кассы: „для воспомоществованія бѣднымъ ученикамъ.“

Прошла первая треть, и сумма балловъ Трубкина превышала суммы всѣхъ прочихъ учениковъ; репутація его быстро возростала въ глазахъ учителей и учениковъ. Трубкинъ началъ уже зарабатывать восемь или десять копѣекъ ежедневно за то, что репетировалъ съ своими товарищами заданные уроки. Для этой же цѣли Трубкинъ поселился наконецъ въ домѣ одного изъ своихъ плохенькихъ товарищей, гдѣ имѣлъ квартиру, столъ и еще рубль въ мѣсяцъ чистаганомъ. Такъ или почти такъ Трубкинъ пробился первые два класса. Поступивъ въ третій, онъ началъ думать о томъ, чтобы попасть на казенное содержаніе и, зная, что для этого слѣдуетъ только прослыть хорошимъ ученикомъ, былъ увѣренъ, что и этого достигнетъ. И потому, онъ отказался отъ своей даровой квартирры и нанялъ въ какомъ то глухомъ переулкѣ маленькую комнатку, гдѣ думалъ заниматься денно и нощно. Но случилось не такъ: прошла первая треть въ третьемъ классѣ и сумма балловъ Трубкина была далеко не блестяща. Это произошло вотъ отъ чего.

Нанимая квартиру, Трубкинъ расчитывалъ получить отъ кого то деньги и этими деньгами думалъ платить за нее, но вышло такъ, что онъ ничего не получилъ, и, слѣдовательно платить ему было нечѣмъ. Видя себя въ крайности, Трубкинъ хотѣлъ было опять перейти на квартиру къ своему прежнему ученику, но мѣсто его было занято уже другимъ. Поэтому Трубкинъ отыскалъ себѣ новый источникъ на покрытіе своихъ расходовъ по содержанію отдѣльнаго хозяйства и объявилъ всѣмъ ученикамъ о содержаніи имъ особой квартиры въ глухомъ переулкѣ и просилъ пожаловать къ нему: курить папиросы; время классовъ проводить въ играхъ: въ шашки, въ шахматы и даже въ карты. Не прошло и недѣли, какъ маленькая комнатка Трубкина превратилась въ курительную залу—по субботамъ,—въ игорный домъ во время классныхъ занятій.

Въ матеріальномъ отношеніи Трубкинъ былъ до того обезпеченъ, что отказался даже отъ двѣнадцати фунтовъ хлѣба, получаемыхъ имъ изъ кассы для воспомоществованія бѣднымъ ученикамъ, ибо никто изъ посѣтителей не выходилъ изъ его квартиры, не оставивъ ему кое-чего, смотря потому, какой родъ запрещеннаго плода посѣтитель вкусилъ въ этомъ маленькомъ клубѣ. Но за то Трубкинъ почти забылъ, что считается ученикомъ... мало посѣщалъ классъ и, наконецъ, пересталъ совершенно заниматься ученьемъ.

Учителя удивлялись его нерадѣнію и никакъ не могли помириться съ тѣмъ страннымъ явленіемъ, что самый прилежный и способный ученикъ пересталъ заниматься. Если случалось, что Трубкинъ разъ въ недѣлю являлся въ классъ и былъ вызываемъ какимъ нибудь учителемъ, то получалъ единицу. Учителя, привыкнувъ видѣть въ Трубкинѣ перваго ученика, старались разгадать, что съ нимъ сдѣлалось, читали ему наставленія и дѣлали выговоры, отъ которыхъ Трубкинъ постоянно отдѣлывался разными выдумками въ родѣ того; что обстоятельства де плохи, жить ему нечѣмъ; что братъ его болѣнъ и тому подобными изобрѣтеніями. Время шло себѣ, а Трубкинъ все меньше и меньше думалъ объ училищѣ.

Что же заставило Трубкина забыть свои обязанности?... Какими дѣлами онъ былъ занятъ?... Въ чемъ причина его нравственнаго упадка? спроситъ читатель. А вотъ въ чемъ: по цѣлымъ ночамъ Трубкинъ не спалъ. Ложился обыкновенно въ четыре часа ночи, или съ пѣтухомъ. Утромъ въ восемъ часовъ, когда онъ еще спалъ, къ нему на квартиру начинали собираться ученики одного съ Трубкинымъ поля—ягоды, которые, во избѣжаніе единицъ по тѣмъ предметамъ, которыхъ они не знали, а учить было не въ ихъ правилахъ, рѣдко посѣщали классъ. Въ десять часовъ одни уходили въ классъ, а другіе оставались здѣсь на все время классовъ. Въ одинадцать обыкновенно вставалъ самъ хозяинъ и тогда начинали играть въ разныя игры. Каждый выигравшій долженъ былъ дать часть выигрыша въ пользу хозяина и разгульной пирушки, слѣдующей обыкновенно послѣ игры. Если у кого не доставало денегъ, то онъ получалъ ихъ у Трубкина, разумѣется за хорошіе проценты и не безъ заклада, который, не будучи выкупаемъ въ срокъ, оставался собственностью Трубкина. Трубкинъ не былъ раз-

борчивъ въ средствахъ: если кто нибудь изъ его кліентовъ проигрывался до чиста, а заложить было нечего, то изобрѣтательный Трубкинъ училъ его красть что нибудь дома: серебрянную ложку, вилку, сестрины серги, кольца и т. д. словомъ все, что подвернется подъ руку, приносить ему, а онъ все это сбывалъ съ рукъ и концы въ воду. Въ три часа квартира Трубкина пустѣла; всѣ бывшіе тамъ дебоширы отправлялись по домамъ и хвастались предъ родителями, что получили сегодня хорошіе баллы.

Къ пяти часамъ по полудни гости собирались опять, и оставались тамъ до поздной ночи. Часа въ 12 ночи, а иногда и позже, гости очищали квартиру хозяина. Тогда Трубкинъ, сосчитавъ свои дневныя барыши, ложился спать, ожидая повторенія предыдущаго на слѣдующій день.

V.

Такъ прошелъ уже цѣлый учебный годъ; товарищи Трубкина перешли въ четвертый классъ; Трубкину стало совѣстно считаться товарищемъ учениковъ низшаго класса и потому онъ рѣшился совершенно оставить училище. Но, будучи постоянно занятъ разными нечистыми дѣлами въ своей трущобѣ, ему некогда было думать о вытребованіи своихъ документовъ изъ дирекціи и онъ отлагалъ это дѣло на завтра.

Однажды ночью часа въ четыре, когда квартира Трубкина отдыхала отъ дневныхъ отправленій и онъ самъ, утомленный грошовыми хлопотами и дневными похожденіями, готовился было лечь спать, кто то сильно постучалъ въ дверь и, когда онъ отворилъ ее, нѣсколько человѣкъ разомъ бросились на него и, закутавъ его въ большую сермягу, унесли за городъ на своихъ рукахъ. Тамъ бросили его въ какую то ветхую избу и, заперевъ ее крѣпко на замокъ, ушли.

Дѣло было вотъ въ чемъ. Вы помните, читатель, что Трубкинъ, при поступленіи своемъ въ училище, хитростью выманилъ свидѣтельство у одного изъ своихъ сотоварищей по эшиботу. Во время пребыванія Трубкина въ раввинскомъ училищѣ, обманутый мальчикъ отправился на тотъ свѣтъ и предъ смертью передалъ отцу своему всю продѣлку Трубкина. Гедалія (такъ называли его отца), помощникъ депутата, присутствовалъ однажды на кагальномъ засѣданіи, гдѣ толковали о предстоящемъ наборѣ

и о томъ, что некого отдать въ рекруты, ибо тѣ, очередь которыхъ настала, успѣли скрыться и потому слѣдуетъ заблаговременно начать денежный сборъ, чтобы купить рекрутъ. Отецъ покойника разсказалъ кагальнымъ членамъ, что въ Вильнѣ кто то проживаетъ документами его покойника сына, и по этому предложилъ имъ, за хорошую плату, свою готовность назвать этого лже-Трубкина своимъ сыномъ и отдать его добровольно, за весь кагалъ, въ солдаты. Тузы города обѣщали ему двѣсти рублей.

И вотъ мы видѣли теперь Трубкина, захваченнаго ловчими рекрутъ того общества, къ которому мнимо принадлежалъ Трубкинъ.

Оставшись одинъ въ стѣнахъ лачужки, Трубкинъ никакъ не могъ сообразить, что съ нимъ происходило и всѣми силами старался убѣдить себя будто все это мерещится ему во снѣ; но, собравшись съ мыслями и видя себя замкнутымъ, одинокимъ, пришелъ къ тому убѣжденію, что это не сонъ, а горькая дѣйствительность. Онъ мысленно сталъ провѣрять всѣ свои продѣлки въ послѣднее время и пришелъ къ тому выводу, что причина его внезапнаго ареста—не что иное, какъ краденые часы, которые тайно перешли къ нему отъ одного изъ его кліентовъ, и которые онъ старался продать. „А! а! произнесъ онъ, трясясь всѣмъ тѣломъ, какъ въ лихорадкѣ, такъ это открылось!... И мысль о Сибири прошла по его головѣ. Но, продолжалъ думать Трубкинъ, если даже сдѣлка съ часами и открылась, то зачѣмъ такъ тайно, такъ неожиданно напали на меня?... Вѣдь могли же схватить меня въ любое время и днемъ?... И почему же бросили меня въ эту кануру?... И почему наконецъ не производили у меня обыска?... Но кто знаетъ, продолжалъ онъ думатъ, авось производятъ его у меня теперь, безъ моего вѣдома и эта мысль пригвоздилась къ головѣ его.“ Мучимый такими тревожными мыслями, онъ заснулъ. Черезъ три часа онъ былъ разбуженъ тѣми же вербовщиками, которые взяли его подъ руки, взвалили на большой фургонъ и одинъ изъ нихъ, взобравшись на козлы, закричалъ: „пошелъ“! Телѣга тронулась.

Лишь только фура отъѣхала нѣсколько верстъ отъ города, вербовщики начали толковать между собою о томъ, какъ имъ легко удалось ихъ предпріятіе и, осмотрѣвъ безцеремонно Трубкина съ головы до пятокъ, развеселились, видя въ немъ здороваго дѣтину, который сойдетъ съ рукъ безъ всякихъ затрудненій, и одинъ изъ нихъ, обратившись къ Трубкину, со сладкою улыбкою, спросилъ

его ухмыляясь: „будетъ ли онъ вѣрно служить Государю?“ Тогда Трубкинъ понялъ въ чемъ дѣло и горько заплакалъ. Ловцы утѣшали его, что плакать ему нечего, что онъ еще молодъ, а срокъ службы теперь короче, что послѣ этого срока ему ужъ нечего будетъ бояться попасть въ солдаты, что у него будетъ послѣ этого чистая отставка и тогда ему можно будетъ жениться и вести спокойную семейную жизнь, дѣти его будутъ свободны отъ рекрутства, и много еще утѣшительнаго наговорили они ему въ подобномъ тонѣ. Но плѣнникъ ихъ не слушалъ и продолжалъ плакать. Наконецъ вербовщики отвернулись отъ него и начали шептат между собою о счастіи Гедаліи, который безъ труда зарабатываетъ нѣсколько сотъ рублей, и что имъ слѣдуетъ не отставать отъ него, пока не удѣлитъ имъ кое-чего. Трубкинъ во все это время не проронилъ ни одного слова изъ ихъ шопота, и потому онъ успѣлъ уже совершенно распознать это смутное, непонятное для него дѣло.

Ночью они прибыли въ уѣздный городъ; караулившіе нашего Трубкина ловцы вытащили его изъ телѣги и, надѣвъ на ноги ему колодки, впустили въ грязную комнату немалой величины и плотно затворили за нимъ тяжелую дверь. Трубкинъ очутился въ сообществѣ подобныхъ ему кандидатовъ на военную службу, изъ которыхъ одни, при маленькомъ огаркѣ сальной свѣчи, играли въ карты; другіе, понабожнѣе первыхъ, читали на распѣвъ псалтырь и грустно молились Богу, чтобы Онъ избавилъ ихъ отъ предстоящей участи, а если ужъ имъ такъ на роду написанно, то чтобы Богъ помогалъ ихъ женамъ и дѣтямъ, которыя останутся безъ всякихъ средствъ къ жизни.

VI.

Трубкинъ, попавъ, такъ сказать, между своими, немного оживился и, присоединясь къ играющимъ, скоро забылъ все случившееся съ нимъ, тѣмъ болѣе, что конурка, въ которую онъ попалъ, имѣла много сходнаго съ его собственною квартирою. Но не прошло и часа времени, какъ свѣчной огарокъ истощился, а другой свѣчки между узниками не нашлось и поэтому игра должна была прекратиться. Всѣ рекруты, какъ игравшіе, такъ и не принимавшіе участія въ игрѣ, уснули и дружно храпѣли на своихъ нарахъ. Одинъ только Трубкинъ не могъ уснуть и, предавшись своимъ тревожнымъ думамъ о случившемся съ нимъ, пріискивалъ средства,

какъ бы скорѣе освободиться отъ постигшаго его бѣдствія. Внезапный ночной сюрпризъ и неожиданная атака ловцовъ такъ озадачили нашего героя, что онъ совсѣмъ забылъ о дарованной ученикамъ раввинскаго училища привиллегіи, освобождавшей ихъ отъ рекрутской повинности; теперь только блеснулъ предъ нимъ этотъ милостивый законъ, и онъ невольно вскрикнулъ: „нѣтъ, они не вправѣ отдать меня въ солдаты!“ Но что, подумалъ онъ, если меня исключили изъ училища за нехожденіе?.. Отъ этой мысли у него зарябило въ глазахъ и голова закружилась. Но нѣтъ, продолжалъ онъ, успокоиваясь, — я не исключенъ: вѣдь, третьяго дня только училищный надзиратель справлялся у меня, почему я не посѣщаю класса, и я его убѣдилъ, что страдаю подагрою... Но, во всякомъ случаѣ, прибавилъ онъ, я солдатомъ ни за что не буду... я считаюсь ученикомъ, меня освободятъ даже послѣ сдачи въ рекруты; если же нѣтъ, тогда,—заскрежетавъ зубами,—злобно прибавилъ, скорѣе пойду закованнымъ въ кандалахъ въ Сибирь, но и кагалъ свой потащу съ собой тудаже... Глаза его запылали огнемъ... Никогда, продолжалъ онъ, не будетъ поздно открыть начальству сдѣлку его съ отцомъ того мальчика, у котораго я выманилъ видъ. Послѣ долгихъ думъ, онъ рѣшился отправить на слѣдующій день прошеніе къ директору раввинскаго училища, чтобы выручилъ его изъ грозящей бѣды.

На слѣдующій день, Трубкинъ, несмотря на то, что всю ночь не спалъ, всталъ очень рано и, при помощи старика — еврея, который прислуживалъ рекрутамъ, досталъ всѣ письменныя принадлежности, написалъ прошеніе и черезъ него же отправилъ это прошеніе въ Вильну съ нарочнымъ, которому обѣщался дать 5 р., если прошеніе дойдетъ по назначенію. Служитель—еврей, никогда въ жизни своей на заработывавшій за одинъ разъ цѣлыхъ пять рублей, изумился, когда Трубкинъ предложилъ ему такую огромную въ глазахъ его сумму и, не смотря на то, что по обязанностямъ честнаго служителя, онъ долженъ былъ представить такое прошеніе своему кагалу, которому всегда служилъ вѣрно и честно за четыре злотыхъ въ недѣлю, прельщенный на этотъ разъ такою значительной цифрой, онъ нарушилъ долгъ службы и тайно отправилъ одного изъ членовъ своего семейства пѣшкомъ въ Вильну и такимъ образомъ удержалъ себѣ еще трехрублевую, данную ему Трубкинымъ для нанятія нарочнаго.

Узнавъ отъ старика, что прошеніе его отправлено уже въ Вильну, Трубкинъ мало по малу успокоился. Онъ началъ упрекать себя за свою трусость; особенно онъ не могъ примириться съ мыслью, что его исключили изъ заведенія за то единственно, что онъ въ теченіи учебнаго года пропустилъ мѣсяцевъ пять. „Вѣдь случается же и то, разсуждалъ онъ, что ученики уѣзжаютъ на нѣсколько мѣсяцевъ безъ прошенія, однакожъ ихъ не исключаютъ; а я, какъ бы то ни было, все таки являлся каждыя двѣ недѣли въ классъ... Эхъ! полно грустить, заключилъ онъ вслухъ," и обратившись къ рекрутамъ, сказалъ: „хевре! поиграемъ-те въ карты." Тѣ согласились, и черезъ минуту весь скудный капиталъ рекрутъ перешолъ въ руки нашего искуснаго игрока — Трубкина.

Скучно стало Трубкину по прекращеніи игры. Онъ сдѣлался мраченъ, глаза его грустно бѣгали въ своихъ рамкахъ; онъ готовъ былъ въ эту минуту убить находившихся съ нимъ рекрутъ, какъ будто они были причиною его скуки.

Болѣе благочестивые рекруты, не зная характера Трубкина, думали, что онъ грустить по родныхъ или родственникахъ, съ которыми его разлучили, а потому подошли къ нему, съ намѣреніемъ утѣшить его тѣмъ, что Богъ милостивъ, что онъ не оставляетъ никого, тѣмъ болѣе, солдата, и, что имъ больше бы нужно отчаяваться, потому что каждый изъ нихъ имѣетъ жену и дѣтей. Сначала Трубкинъ не слушалъ ихъ и былъ занятъ своими мрачными мыслями; но, видя, что они не отступаютъ и все повторяютъ: „Богъ не оставитъ тебя сироту," онъ очнулся и, дрогнувъ всѣмъ тѣломъ, какъ въ лихорадкѣ, закричалъ страшнымъ голосомъ: „Прочь, прочь отъ меня, мерзавцы!!!... Что вы пристали ко мнѣ и толкуете мнѣ о Богѣ... нѣтъ его!.. Убирайтесь къ чо—р..." Рекруты, не давъ ему договорить, бросились на него съ крикомъ: „еретикъ, богоотступникъ, коферь-беикеръ" (отрекающійся)!!... съ намѣреніемъ растерзать его въ клочки. На крикъ вбѣжали стражи и служители, которымъ не безъ усилій удалось вырвать отъ разъяренныхъ рекрутъ искалеченнаго Трубкина; когда драка была окончена, а брань и угрозы, обращенные къ Трубкину, утихли, рекруты потребовали къ себѣ депутата и объявили ему, что съ такимъ богоотступникомъ какъ Трубкинъ, они вмѣстѣ жить не могутъ и потому желаютъ, чтобы перемѣстили его въ другое мѣсто; въ противномъ случаѣ, они не могутъ отвѣчать за себя. Депутатъ но-

нялъ, что рекруты не шутятъ, и перемѣстилъ Трубкина въ подвалъ, находившійся подъ той комнатой, въ которой содержались рекруты.

VII.

Прошло нѣсколько дней съ того времени, какъ нашего героя перемѣстили въ подвалъ вмѣстѣ съ служителями. Онъ тамъ едва не сошелъ съ ума, всѣ отъ него отвернулись, никто съ нимъ не говорилъ ни слова, каждый по возможности избѣгалъ его. Даже тотъ старикъ — служитель, который принялся доставить его прошеніе въ Вильну, за что и получилъ пять рублей, отвернулся отъ него и всячески старался избѣгать его вопросовъ, которыми Трубкинъ осыпалъ его, и когда сынъ его прибылъ обратно изъ Вильны, не извѣстилъ даже его объ этомъ. Дѣло въ томъ, что какой то невидимый глазъ разглядѣлъ его тайныя отношенія съ Трубкинымъ и подсказалъ это депутату, впрочемъ не изъ любви къ фискальству, а изъ желанія втюрить въ эту должность собственнаго своего зятя, который уже давно претендовалъ на нее. Депутатъ принялъ это предупрежденіе во вниманіе, но сказалъ, что кагалъ теперь не можетъ удалить предателя—старика, посвященнаго во всѣ тайны его механизма, но, что онъ сдѣлаетъ это по окончаніи рекрутскаго набора. Дѣйствительно, лишь только наборъ кончился, какъ нашъ шамешъ былъ смѣненъ.

Прошло нѣсколько дней. Насталъ пріемный день. Наканунѣ этого дня всѣхъ рекрутъ, въ томъ числѣ и Трубкина, повели въ баню, прогулка немного оживила его. Встрѣтившись съ рекрутами, Трубкинъ пытался было заговорить съ ними, но они съ отвращеніемъ отвернулись отъ него. Когда онъ воротился изъ бани и приготовился было лечь спать, дверь подвала отворилась настежь и нѣсколько человѣкъ очутились въ подвалѣ. Это были еврейскій депутатъ, державшій всѣхъ евреевъ этого городка въ ежевыхъ рукавицахъ, его помощникъ Гедалія, — мнимый отецъ Трубкина, и становой.

Послѣдній, присутствовалъ въ этотъ вечеръ на кагальномъ засѣданіи и, по просьбѣ депутатовъ, согласился навѣсить Трубкина.

Ребъ Герцеле, такъ звали депутата, хотѣлъ было взять Трубкина за руку, но Трубкинъ весьма ловко уклонялся отъ этой чести и рука его, сдѣлавъ полукругъ въ воздухѣ, такъ плотно при

льнула къ шеѣ представителя общества, что тотъ зашатался и чуть чуть не упалъ. Тогда Гедалія, отойдя на значительное разстояніе отъ Трубкина, началъ говорить плачевнымъ голосомъ: „Сынъ мой! отъ чего ты такъ печаленъ?.. Что дѣлать, противъ теченія не пойдешь и судьбы своей не минешь!... Богъ дастъ мы еще увидимся... Ты возьми примѣръ съ твоей дряхлой матери: ты у ная мизинецъ и любезлѣйшій сынъ; однакожъ она съ кроткимъ смиреніемъ переноситъ этотъ тяжелый ударъ... И, развѣ я, думаешь ты, изъ камня и могу оставаться равнодушнымъ, когда мой мизинецъ, данный мнѣ Богомъ въ утѣшеніе на старости, пойдетъ въ солдаты... Нѣтъ!, продолжалъ онъ со слезами на глазахъ,—этотъ ударъ слишкомъ тяжелъ и для меня!... Но я набожный еврей, которому грѣшно жаловаться на Провидѣніе и слезы не должны орошать моихъ старческихъ глазъ, заключилъ онъ,—отирая рукавомъ свои мнимыя слезы“...

„Прочь, подлецы!“ закричалъ имъ Трубкинъ по русски, не давая даже оратору кончить свою рѣчь, — прочь отъ меня мерзавцы!... Или я убью тебя, обратился онъ къ Гедалію, вмѣстѣ съ становымъ и воромъ депутатомъ.“

Не успѣлъ еще Трубкинъ произнести послѣднихъ словъ, какъ оба еврея схватили становаго подъ руки и выбѣжали изъ подвала.

Причина, побудившая кагалъ пригласить становаго, заключалась въ томъ, чтобы показать Трубкину, что становой—де, а слѣдовательно и все начальство, на ихъ сторонѣ, и что, слѣдовательно, борьба съ ними безполезна. Они были твердо увѣрены, что если даже Трубкинъ проговорится, то это будетъ одинъ лишь ударъ ихъ карману, что какіе нибудь пятдесятъ рублей слетятъ, въ такомъ случаѣ, въ чей нибудь карманъ.

А! а! злобно заревѣлъ Трубкинъ, когда они ушли, теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь я не хочу быть солдатомъ!... Вишь какъ этотъ старый плутъ искусно играетъ роль отца моего!... Онъ думаетъ удастся... ничуть не бывало!... посмотримъ, что будетъ завтра... когда... когда я заварю такую кашу предъ начальствомъ, которою кагалъ подавится... Но, что, подумалъ онъ, если никто даже не обратитъ вниманія на мой разсказъ?!... О! тогда, тогда, думалъ онъ, я, сдѣлавшись солдатомъ, убѣгу въ Петербургъ и прямо обращусь къ Государю, тогда они всѣ пойдутъ у меня въ Сибирь, а меня Государь помилуетъ; ибо чѣмъ я виноватъ,

если родители мои, которыхъ я не зналъ никогда, не записали меня въ ревизскую скаку?-.. Развѣ меня можно обвинить, что я хитростью выманилъ у Трубкина видъ и подъ его именемъ посѣщалъ училище, развѣ?"... Такъ разсуждая, нашъ герой крѣпко заснулъ.

VIII.

На слѣдующій день Трубкинъ всталъ очень спокойно, ибо во все время своего заключенія ему не удалось спать такъ долго, какъ въ эту ночь. На этотъ разъ, противъ обыкновенія, одолжилъ онъ у кого-то тефилимъ (филактеріи) и, надѣвъ ихъ одну на голову, другую на лѣвую руку, сталъ громко и усердно читать утреннія молитвы, которыя заключилъ вслухъ чтеніемъ нѣкоторыхъ псалмовъ - Давида. Послѣ этого ему стало несравненно легче на сердцѣ: задушевною своею молитвою онъ даже примирилъ съ собою какъ стражей, такъ и прочихъ, его возненавидѣвшихъ, и они начали обмѣниваться съ нимъ словами. Предчувствіе заговорило въ немъ, что скоро онъ будетъ освобожденъ!..

Пробило десять часовъ. Рекрутское присутствіе уѣзднаго городка мало—по-малу наполнялось всякимъ людомъ. Пришелъ сдатчикъ рекрутъ со свитою. Много стоновъ и вздоховъ вырвалось изъ рекрутскихъ сердецъ; одинъ лишь Трубкинъ спокойно и хладнокровно слѣдовалъ за сдатчикомъ съ своимъ провожатымъ, нюхавшимъ табакъ и глухимъ на правое ухо 60 лѣтнимъ отставнымъ солдатомъ, который держалъ его подъ руку, чтобъ не улизнулъ. На дорогѣ Трубкинъ равнодушно смотрѣлъ, какъ толпы заплаканныхъ бабъ, дѣтей, братьевъ, сестеръ и родителей рекрутъ ожидали ихъ шествія и какъ они бросались къ своимъ отцамъ, мужьямъ, братьямъ, сыновьямъ, съ раздирающими сердце криками... Подавленный своими думами, Трубкинъ этого не замѣтилъ; только разъ какая то злобная улыбка пробѣжала по его искривленнымъ губамъ и противъ его воли у него вырвались слова: „чертъ побери! почему обо мнѣ никто не плачетъ?... Впрочемъ, мнѣ все равно," заключилъ онъ, послѣ малаго промежутка времени,—и пошелъ далѣе, ни на что не обращая вниманія.

Скоро всю партію рекрутъ привели уже въ переднюю рекрутскаго присутствія, гдѣ докторъ предварительно осмотрѣлъ всѣхъ рекрутъ. Находя одного изъ нихъ больнымъ, докторъ приказалъ

отпустить его. Всѣ остальные, въ томъ числѣ и Трубкинъ, оказались годными. Между тѣмъ, все было готово, чтобы вписать ихъ въ число солдатъ; ждали только городничаго.

Наконецъ двери залы отворились и сначала показалась въ нихъ голова городничаго, а вслѣдъ за тѣмъ и весь городничій. Кивнувъ слегка головою присутствующимъ, городничій вперилъ свои глаза въ партію рекрутъ, будто-бы искалъ кого-то между ними. Еврейскій депутатъ и сдатчикъ Гедалія, мнимый отецъ Трубкина, затрепетали: какое-то темное предчувствіе тяготило ихъ сердце и они инстинктивно поняли, что дѣло кончится для нихъ чѣмъ-то непріятнымъ... Въ самомъ дѣлѣ, когда городничій осмотрѣлъ всѣхъ рекрутъ и не нашелъ между ними того, кто, повидимому, интересовалъ его, то обратившись къ Гедалію спросилъ: „Гедалія, который между ними твой сынъ?" Тотъ съ трепетомъ указалъ ему на нашего героя, къ которому городничій обратился съ вопросомъ: „Ты учишься въ виленскомъ раввинскомъ училищѣ?"— „Точно такъ, ваше высокородіе," отвѣчалъ Трубкинъ.—„А въ какомъ ты классѣ?" предложилъ городничій другой вопросъ.— „Въ третьемъ," отвѣчалъ Трубкинъ, и радостный лучъ надежды засіялъ на его лицѣ.

Городничій обратился по направленію къ Гедаліи. Гедалія съ нетерпѣніемъ ждалъ, что-то будетъ... Наконецъ уста городничаго распахнулись и онъ произнесъ: „Ну счастливъ ты, что твой сынъ учится въ раввин. училищѣ, а то какъ разъ попалъ бы въ солдаты, и обратившись за тѣмъ къ самому Трубкину, докончилъ: „Ты свободенъ, поѣзжай въ Вильну и поблагодари директора, что выручилъ тебя," и, давъ ему бумагу, прибавилъ: „вотъ тебѣ билетъ на вольный проѣздъ въ Вильну, ибо директоръ пишетъ мнѣ, что ты при себѣ не имѣешь никакихъ документовъ."

Въ эту минуту Трубкинъ какъ будто переродился и первымъ его дѣломъ было броситься Гедалію на шею съ крикомъ: „папенька, какъ мы счастливы!" и, наклонившись ему на ухо, добавилъ шопотомъ: „мы оба хороши... Помнишь вчера предъ становымъ, ты назвалъ меня своимъ сыномъ, а я отказался отъ тебя, теперь наоборотъ, я горжусь моимъ отцемъ, а онъ не признаетъ своего сына!!.." и, толкнувъ Гедалію въ спину такъ, чтобы никто не замѣтилъ, презрительно кивнулъ головою и отошелъ.

„Что съ тобою, Гедалія" спросилъ городичій, когда Трубкинъ

отошелъ отъ него, „ты поблѣднѣлъ какъ мертвецъ? развѣ тебя не радуетъ свобода сына?“—„это отъ ра-до-сти ваше благородіе“, съ усиліемъ и чуть слышно проборматалъ Гедалія.

Гедалія съизмала былъ подверженъ припадкамъ падучей болѣзни; эти припадки, случавшіеся съ нимъ почти три раза въ недѣлю, довели его до того, что онъ съ трудомъ могъ теперь держаться на ногахъ. Но неожиданный монологъ псевдо-сына и финалъ потрясъ его и безъ того растроенный организмъ такъ, что, по уходѣ городничаго изъ пріемной залы, Гедалія съ шумомъ грохнулся на полъ. Служители вынесли и положили его на дворѣ присутствія. Евреи, толпившіеся на улицѣ поглядѣть, какъ будутъ весть новобранцевъ, взялись привести его въ чувство. Но не успѣли переступить и порогъ, какъ Гедалію начали мучить предсмертныя судороги и когда принесли его домой, чрезъ нѣсколько часовъ онъ испустилъ духъ.

IX.

Трубкинъ, присутствовавшій при смерти своего мнимаго отца, вздумалъ воспользоваться этимъ случаемъ и рѣшилъ не ѣхать прямо въ Вильну, а остаться здѣсь до поры,—до времени, чтобы въ глазахъ здѣшняго начальства и общества искусно играть роль сына покойника. Слѣдуя за трупомъ Гедалія, котораго несли въ его домъ, Трубкинъ уговорилъ его семейство, не захотѣвшее его впустить къ себѣ, что такимъ образомъ все преступленіе Гедалія, равно какъ и наказаніе его, могутъ обрушиться на ихъ головы и что онъ съ своей стороны хочетъ выручить и спасти ихъ.

Чрезъ часъ Трубкинъ увидѣлъ чрезъ окно городничаго, становаго съ городскимъ докторомъ, хотѣвшимъ анатомировать трупъ, и съ быстротою молніи бросился на него съ громкими рыданіями, такъ что пришедшіе были глубоко тронуты сыновней любовью Трубкина, котораго съ большими только усиліями оторвали отъ трупа.

Семь дней Трубкинъ вмѣстѣ съ семействомъ Гдаліи, по еврейскому обычаю, отправлялъ трауръ. По окончаніи его, Трубкинъ объявилъ себя наслѣдникомъ наравнѣ съ прочими дѣтьми покойнаго. Сначала его никто не понялъ, нѣкоторые даже думали, что онъ сошелъ съ ума... Но когда Трубкинъ доказалъ имъ, что онъ не сумашедшій, а признанный самимъ покойникомъ и начальствомъ

сынъ Гедаліи, тогда еврейское общество дало Трубкину нѣсколько десятковъ рублей и отослало его въ Вильну.

Прибывъ въ Вильну, Трубкинъ отказался отъ своей квартиры и прежняго образа жизни и началъ аккуратно посѣщать классъ, боясь быть исключеннымъ изъ училища и вторично попасть въ когти кагала, съ которымъ тогда не такъ легко будетъ справиться.

Прошелъ годъ, Трубкинъ блистательно выдержалъ экзаменъ и былъ принятъ на казенное содержаніе.

Поступивъ на казенное содержаніе, Трубкинъ сначала велъ себя довольно хорошо; но едва прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онъ все болѣе и болѣе сталъ выказываться: никто изъ его товарищей не смѣлъ оставить отъ ужина или завтрака булку, потому что, гдѣ бы онъ ни спряталъ ее, Трубкинъ всегда добирался до нея; а при нуждѣ онъ прибѣгалъ къ болѣе серьезнымъ мѣрамъ: продавалъ казенные учебники свои и своихъ товарищей.

Всякій другой на его мѣстѣ былъ бы давно уже выгнанъ изъ училища, но Трубкинъ такъ ловко умѣлъ выпутываться изъ бѣды, что его продѣлки никогда не доходили до ушей высшаго начальства: никто изъ его товарищей не хотѣлъ имѣть врага въ немъ,— самомъ лучшемъ ученикѣ въ классѣ, котораго всѣ учителя глубоко уважали.

Теперь, кажется, понятно читателю, почему Трубкинъ вышелъ побѣдителемъ даже и тогда, когда кралъ у меня булки, и я могу уже прямо перейти къ экзамену. *Ш. Э—нъ.*

ХРОНИКА ГОРОДА МИНСКА.

Вл. Сырокомли.

Перевели А. Чернышевъ и Миноръ.

Историческій очеркъ города Минска.

Періодъ первый.

Господство Руси и Литвы.

*(Продолженіе *).*

Володарь безъ сопротивленія уступилъ старшему брату княженіе надъ Минскомъ, а самъ отправился въ назначенный ему

*) См. кн. 8 Вѣстн. зап. Россіи.

удѣлъ, Городокъ. Минскъ, должно быть, былъ тогда уже очень укрѣпленъ, такъ какъ, спустя 2 года послѣ первой осады, мы снова видимъ, въ 1160 году, подъ его стѣнами войско Рогвольда, который не въ состояніи будучи взять его приступомъ, только продолжительною осадою вынудилъ у Ростислава новыя условія столько-кратъ запечатлеваемаго присягою и столько же кратъ нарушаемаго мира. Но не долго длился этотъ миръ: въ 1166 году Рогвольдъ снова является подъ Минскомъ, снова тщетно старается цѣлыхъ шесть недѣль завладѣть этимъ городомъ, и только путемъ переговоровъ успѣваетъ освободить своихъ родственниковъ, князей Васильковичей, которые овладѣли было Заславлемъ, но которыхъ Ростиславъ съ Володаремъ заковали въ кандалы. Мстя за неуспѣхъ подъ Минскомъ, Рогвольдъ напалъ на Городокъ, желая вырвать его у Володаря; но онъ принужденъ былъ отступить, получивъ вѣсть объ измѣнѣ Полочанъ, пригласившихъ на свой столъ Святослава Васильковича 1).

Съ этого времени затемняется въ исторіи участь Минска и его владѣтелей. Хотя ихъ кровавые раздоры съ Рогвольдомъ 2) не прекращались, но мы не знаемъ стройной ихъ послѣдовательности. Не знаемъ, когда умеръ Ростиславъ; только въ 1170 и 1183 гг. мы видимъ на минскомъ столѣ его брата Володаря, а въ 1186 г. въ Логойскѣ, слѣдовательно, быть можетъ, и въ Минскѣ, сына Володаря, Василька, о которомъ встрѣчается въ лѣтописяхъ бѣглая замѣтка еще въ 1195 году.

Теперь спросимъ: какъ это произошла, что цѣлыя династіи исчезаютъ съ историческаго поприща? Вотъ какъ: ихъ вѣчно однообразные раздоры теряютъ наконецъ свой историческій интересъ и уступаютъ мѣсто другимъ явленіямъ историческимъ. И дѣйствительно, съ половины XII вѣка, обращаетъ на себя вниманіе особое племя, которое ни языкомъ, ни вѣрою, ни физіономіею не походитъ ни на славянъ, ни на германцевъ, ни на финовъ, съ которыми живетъ въ сосѣдствѣ. Это племя является съ береговъ

1) И. Г. Р. Т. II стр. 182.

2) Къ временамъ Рогвольда и войнамъ, о которыхъ мы разсказываемъ, Карамзинъ относитъ камень, найденный въ 12 верстахъ отъ Орши съ изображеніемъ креста и съ надписью: „Въ лѣто 6670 (1171) мая въ 7 день, доспетъ крестъ сей. Господи помози рабу своему Васплію, въ крещеніи именемъ Рогволода сына Борисова."

Балтійскаго моря и устья Нѣмана, выходитъ изъ глубины недоступныхъ лѣсовъ и, одѣтое въ медвѣжьи шкуры, трубитъ въ безобразно-обдѣланный рогъ лѣснаго зубра, и, вооруженное дубовыми палицами, и каменными топорами, разсыпается на малорослыхъ лошадяхъ по Польшѣ, Ятвяжинѣ, Руси и Нѣмечинѣ. Не почитаетъ оно ни Христа, ни славянскаго Іессе; ибо имѣетъ другихъ боговъ. Не сливается оно ни съ могучими жизненными элементами Славянщины, ни съ элементами Германизма; потому что настало время ихъ самобытнаго существованія, время завоевать для себя землю, и своеобразное общественное устройство. Оно именуетъ себя Литвою; а бѣдные монахи, пишущіе въ монастыряхъ свои лѣтописи, трудятся надъ рѣшеніемъ мудренаго вопроса: что это за народъ и откуда онъ явился? На скоро выводятъ его генеалогію отъ какихъ то моремъ прибывшихъ римскихъ выходцевъ, не умѣя съ точностью опредѣлить ни ихъ имени, ни времени ихъ появленія.

Естественно, что первою задачею подобнаго народа было завоеваніе: Польша и Россія представляли ему въ этомъ отношеніи широкое поле. Первая отъ временъ Кривоустаго, а вторая еще отъ Владиміра великаго, раздробленныя на тысячи удѣловъ, убивая себя руками собственныхъ дѣтей, представляли открытое поле для нападеній. Какъ литовцы очутились въ землѣ Кривичей, какъ подчинили себѣ княжество Минское и Полоцкое, какъ поочередно, то побѣдители мечемъ, то побѣжденные крестомъ, не теряя своей народности, допустили они наконецъ поглотить себя болѣе жизненнымъ элементамъ, трудно съ точностью прослѣдить. Это дѣло вѣковъ.

Цѣлый XIII вѣкъ прошелъ въ этихъ смертоносныхъ войнахъ, исчисленіе которыхъ, отдаляя насъ отъ предмета, не выражало бы ясно перехода надъ Минскомъ господства князей того, или другаго имени. Еще въ 1195 году находимъ, какъ мы уже и замѣтили, въ лѣтописяхъ воспоминаніе о Володарѣ, сынѣ Василька, князя минскаго, и почти одновременно съ нимъ выступаетъ на сцену Мингайло, одинъ изъ князей литовскихъ, который княжилъ тоже въ Минскѣ, сынъ его Гинвилло и внукъ Борисъ, управлявшій будто бы княжествомъ Полоцкимъ. Еще предъ 1220 годомъ находимъ у лѣтописцевъ довольно темное мѣсто, въ которомъ говорится, что Минскъ принадлежалъ къ владѣніямъ Эрдзивилла, князя литовскаго, племянника извѣстнаго Миндовга. Въ 1235 году

великій князь литовскій Рингольдъ присоединилъ окончательно всю нынѣшнюю бѣлую и черную Русь къ Литовскому княжеству. Славная битва, выигранная имъ въ томъ же году подъ могильною, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Минска, у Святослава Кіевскаго съ союзниками: Дмитріемъ Друцкимъ, Львомъ Владимирскимъ и др. кн. Руси, утвердила окончательно здѣсь владычество Литвы. Такой же успѣхъ и значеніе имѣла битва 1236 г. подъ каменемъ (тоже недалеко отъ Минска) со псковичами и ихъ союзниками инфляндскими рыцарями, гдѣ палъ ихъ старый магистръ Вольквинъ 1).

Разъединенныя на востокѣ и западѣ русскія княжества не могли противостать грозной силѣ литовцевъ, тѣмъ болѣе, что изъ глубины азіатскихъ степей хлынуло новое разбойничье племя, до сихъ поръ неизвѣстное въ исторіи, племя алкавшее завоеваній, кочевое, какъ кентавръ сросшееся съ своимъ конемъ, терпѣливо переносившее зной, голодъ и жажду и гонимое неистовымъ желаніемъ добычи все далѣе и далѣе, далеко за черту своего первобытнаго гнѣзда. Въ началѣ XIII вѣка татаринъ съ огнемъ и мечемъ явился во владѣніяхъ князей кіевскихъ, ихъ союзниковъ и вассаловъ. Безчисленныя толпы туземцевъ, разсѣянныя по полямъ и лѣсамъ, въ испугѣ побѣжали предъ нимъ. Переяславль, Черниговъ, Глуховъ, сдѣлались добычею пламени, разведеннаго войсками Батыя и Мангу; ту же участь испытали города Рязань и Владиміръ; наконецъ несмѣтныя ихъ полчища въ 1240 году, появились и подъ стѣнами Кіева.

Весьма выразительно старый лѣтописецъ описываетъ это нашествіе: „Ужасная сила Батыева, какъ густая туча, съ разныхъ сторонъ облегла Кіевъ. Скрыпъ безчисленныхъ телегъ, ревъ верблюдовъ и воловъ, ржаніе коней и свирѣпый крикъ неприятелей едва дозволяли жителямъ слышать другъ друга въ разговорахъ 2). Большая часть полководцевъ, долженствовавшихъ защищать древній Кіевъ, спаслась бѣгствомъ; одинъ только князь Димитрій, съ горстью отчаянныхъ жителей, осмѣлился дать отпоръ наѣздникамъ. Начался бой ужасный: „стрѣлы омрачили воздухъ; копья трещали и ломались;“ мертвыхъ, издыхающихъ попирали ногами. Долго

1) Иные называютъ его Walginus. Kronika X. Muriniusa Bibl. star. pis. polsk. str. 60.

2) И. Г. Р. Т. IV стр. 9, изд. Эйнерл.

остервенѣніе не уступало силѣ; но татары ввечеру овладѣли стѣною. Бой съ ужасными послѣдствіями для жителей продолжался; грабежъ не пощадилъ ни частныхъ, ни церковныхъ имуществъ. Гробъ Ольги, кости Владиміра Св., примѣчательная въ отношеніи искуства, десятинная церковь и старинная Лавра Печерская, всѣ подверглись разоренію. „Дарую тебѣ жизнь!“ сказалъ Батый къ плѣнному защитнику Кіева, Димитрію, очень хорошо чувствуя, какъ постыденъ былъ этотъ даръ.

Взятіе Кіева уничтожило послѣдній оплотъ между славянскими землями и страшной татарщиной. Князья, радуясь возможности удержаться въ своихъ удѣлахъ, не только сгибали шею подъ ярмо и подписывали обязательства платить постыдную дань, но даже, побуждаемые страхомъ, становились въ ряды татаръ противъ единоплеменныхъ братьевъ Литвы. Для примѣра приводимъ здѣсь одинъ случай, который находится въ связи съ судьбами Минска. Князья галицкіе, Даніилъ и Васильво, съобща съ татарскими ордами, вторгнулись во владѣнія Кривичей, тогда безусловно уже подчиненныхъ владычеству Литвы. Слѣдствіемъ этого нападенія было кровавое пораженіе татаръ подъ Койдановымъ въ 1249 году. Грозный и славный въ исторіи Миндовгъ защищалъ этотъ край, какъ уже свое владѣніе. 8-ю годами раньше, въ 1241 (какъ утверждаетъ Стрыйковскій, а за нимъ авторы „Старинной Польши“), Скирмундъ князь жмудскій, одержалъ тоже въ этихъ мѣстахъ, подъ Койдановымъ, рѣшительную побѣду надъ татарами.

Трудно допустить, чтобы Минскъ, лежащій въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Койданова, и стоящій именно на дорогѣ татарскихъ набѣговъ, довольно тогда уже извѣстный и слишкомъ беззащитный, не испыталъ кровавыхъ послѣдствій, причиненныхъ войсками хана татарскаго, Гаюка, и страшнаго его намѣстника въ этихъ странахъ, Койдгана. Этотъ фактъ съ нѣкорою достовѣрностью мы записываемъ въ лѣтописяхъ города.

Остановимся еще на минуту передъ этими событіями и окончательнымъ включеніемъ кривичской земли въ составъ Литвы. Мы имѣемъ доказательства, что Минскъ въ это время оставался еще подъ властью природныхъ князей, а жители его пользовались правами общественнаго самоуправленія, свойственнаго всѣмъ древнимъ славянамъ: они могли посредствомъ депутатовъ выражать свою симпатію. Въ 1243 году, великій князь московскій Ярославъ

воротился изъ орды татарской, снабженный ярлыкомъ на дальнѣйшее княженіе. По этому случаю прибыли къ нему для выраженія своего радостнаго сочувствія представители разныхъ земель, между прочимъ и *жители Минска*. Степенная книга такъ говоритъ объ этомъ событьи: „и прихождаху къ нему (Ярославу) въ Суждальскую землю отъ славныя рѣки Днѣпра и отъ всѣхъ странъ, Галичане Волынскіи, Черниговцы, Переяславцы и славніи Кіяне, Торопчане, *Моняне* (жители Минска), Мещижане (изъ Мещовска), Смоляне, Полочане, Рязанцы 1).“

И снова наступаетъ въ исторіи долгое, почти полувѣковое, молчаніе о Минскѣ. Только въ 1307 г., когда Витенесъ, основатель новой династіи литовской, присоединилъ къ Литвѣ цѣлую западную Русь, мы можемъ предполагать, что и Минскъ, испытавши участь общую со всѣми окольными городами и западнымъ княжествомъ, сталъ составлять частичку Гедеминовыхъ владѣній. Но и Литва, какъ нѣкогда Русь, послѣ подчиненія своему господству земель кривичанъ, нѣкоторымъ образомъ уважала права ея мѣстныхъ владѣтелей. Соединенные съ Литвою политическими расчетами и испытывая вмѣстѣ съ нею счастіе и несчастіе, удѣльные князья западной Руси оставались при прежнихъ своихъ правахъ. Потомками старой княжеской отрасли мы должны признать Василія, князя полоцкаго, и Ѳедора Святославича, князя минскаго, которые въ 1326 г. отъ имени князя всей литвы Гедимина, и въ частности отъ имени своихъ удѣловъ, заключили мирный договоръ съ новымъ-городомъ и инфляндскими рыцарями 2).

И это есть послѣднее воспоминаніе о Минскѣ, какъ объ отдѣльномъ княжествѣ со временъ русскихъ и чисто литовскихъ. Съ этого времени Минскъ теряетъ свое историческое значеніе; русскія лѣтописи перестаютъ слѣдить за судьбами этихъ странъ, а для глазъ польскихъ и нѣмецкихъ историковъ слишкомъ большая отдаленность закрыла эту страну; дикій и непроходимый лѣсъ не позволилъ имъ видѣть ее.

Когда Ольгердъ съ Кейстутомъ, послѣ смерти отца, въ 1341 году, лишили брата своего Явтута великокняжескаго удѣла на Литвѣ, осадивъ его въ близлежащемъ отъ Минска Заславѣ, когда

1) И. Г. Р. Т. IV прим. 57.
2) Ibid. прим. 132.

впослѣдствіи сосѣдния съ минскимъ княжествомъ города: Борисовъ, Пинскъ, Слуцкъ, Туровъ сдѣлались удѣлами Ольгердовыхъ дѣтей, въ то время не находимъ въ лѣтописяхъ ничего о Минскѣ. Мы даже не знаемъ, принадлежалъ ли онъ впослѣдствіи Андрею, брату Ягайлы, долго княжившему въ Полоцкѣ, хотя и слѣдуетъ это предполагать, принимая въ соображеніе то обстоятельство, что эти княжества столько разъ находились въ однихъ рукахъ и составляли въ извѣстномъ отношеніи какъ бы одно цѣлое. Въ 1387 году *Минскъ, лежащій на русской сторонѣ великаго княжества литовскаго*, привиллегіею отъ 28 апрѣля того же года, былъ уступленъ со всѣмъ населеніемъ, доходами и *подчиненными князьями* Скиргайлѣ. Таже запись обнимала слѣдующіе города и волости: княжество Троцкое, Свислочь, Бобруйскъ, Рѣчицу, Игуменъ, Логойскъ, Лебелевъ, Меречь и многіе 1). Въ 1392 году все это перешло въ руки Витовта.

Въ такомъ состояніи находился г. Минскъ въ первые годы княженія великаго князя литовскаго и вмѣстѣ короля польскаго Ягайлы. При этомъ королѣ вся Литва съ окрестностями возродилась отъ воды и Духа Святаго. Владѣнія полоцко-минскія подчинены были въ іерархическомъ отношеніи вѣдомству виленской епархіи, на каѳедральный столъ которой первый сѣлъ епископъ Василонъ, поставленный въ эту должность папою чрезъ посредство Доброгоста, епископа познанскаго. Новый епископъ виленскій лично отправился въ Русь для просвѣщенія свѣтомъ христіанскаго ученія туземныхъ жителей, которыхъ большая часть оставалась въ язычествѣ, а другая исповѣдывала христіанскую вѣру по восточному обряду. Здѣсь стоитъ замѣтить объ открытомъ приказѣ князя Витовта тіунамъ и княжескимъ намѣстникамъ, который свидѣтельствуетъ о высокой вѣротерпимости князей литовскихъ. „Да будетъ вамъ извѣстно, пишетъ Витовтъ, что когда придетъ къ вамъ епископъ съ этимъ письмомъ, моею печатью скрѣпленнымъ, тогда вы, мои тіуны, собирайте къ нему Литву, которая еще не крестилась,—этихъ крестить епископъ воленъ; а кто изъ русиновъ захочетъ креститься, пусть крестится; а кто незахочетъ, пусть

1) Narbut: Pomniejsze pisma historyczne (Вильна 1856 года) стр. 103 и слѣд.

остается при своей вѣрѣ. А самому епископу давать ѣсть и пить довольно и его конямъ съ проводникомъ“ 1).

Ягайло съ своей стороны, уполномочивая епископа распоряжаться по своему усмотрѣнію въ дѣлѣ распространенія христіанства, разрѣшилъ ему, гдѣ покажется нужнымъ 2), строить костелы, и самъ воздвигалъ святыни въ Вильнѣ, Трокахъ, Кревѣ, и около 1390 года основалъ костелъ въ Минскѣ 3). Но такъ какъ Ягайлѣ, среди многочисленныхъ трудовъ, въ первыю годы его царствованія, нельзя было заботиться о каждомъ костелѣ въ частности, то онъ постарался обезпечить быть духовенства особенною привиллегіею, данною въ Лидѣ, въ 1389 году. Въ силу этой привиллегіи всякій приходской священникъ имѣлъ право взимать:

a) Съ каждаго тіуна по шести тогдашнихъ рублей разомъ, или въ четыре срока ежегодно;

b) Съ прихожанъ обычную десятину;

c) Подобную же десятину съ имѣній королевскихъ, а также по двѣ сохи пахатной земли съ каждаго фольварка королевскаго, съ соотвѣтственнымъ тому количествомъ луговъ;

d) При каждомъ костелѣ 3 строенія;

e) Имѣлъ право ловить рыбу въ озерахъ;

f) Наконецъ, право содержать одну корчму 4).

На подобныхъ основаніяхъ сталъ, какъ мы сказали, около 1390 г. и приходской костелъ въ Минскѣ; а два года спустя, т. е. въ 1392 году, Минскъ со всею Литвою перешелъ отъ Скиргайлы во власть Витовта. Но въ этомъ ли году онъ достался Свидригайлѣ, который завладѣлъ Витебскомъ, и потомъ, побѣжденный Витовтомъ, былъ отвезенъ, какъ плѣнникъ, къ Ягайлѣ,— это требуетъ еще объясненія. Извѣстно только, что нѣсколько лѣтъ позже онъ принадлежалъ Свидригайлѣ; потому что въ 1408 году, когда этотъ пріѣзжалъ въ Москву просить у великаго князя Василія Дмитріевича помощи противъ Витовта, въ свитѣ литовскаго владыки находился нѣкто Урустай, князь или намѣстникъ мин-

---

1) Письмо это напечатано въ т. XIV, 1840 г. Wizerunkow i roztrzonsan naukowych, стр. 134, съ копіи хранящейся въ актахъ Виленскаго капитула.

2) Ibid. стр. 130.

3) Балинская старая Польша т. III, стр. 418.

4) См. w Wizerunkach привиллегію влад. Ягеллы.

скій 1). Странно только то, что въ славной битвѣ подъ Грюнвальдомъ, происходившей два года позже, одно только княжество минское не выставило своего знамени, тогда какъ всѣ польскія и литовскія силы выступили на смертный бой съ меченосцами.

Съ сеймомъ Городельскимъ наступаетъ для Минска новый періодъ политическаго бытія, который мы не преминемъ развить ниже. На достопамятныхъ актахъ о принятіи литовскимъ дворянствомъ польскихъ гербовъ и о подчиненіи Литвы Польшѣ и Владиславу Ягайлѣ, мы не находимъ ни старостъ, ни намѣстниковъ, ни депутовъ минскихъ: доказательство, что Минскъ въ эту эпоху считался городомъ второстепеннымъ 2).

Закончивъ первую, четыре съ половиною вѣка обнимающую, эру города, о которомъ говоримъ, мы позволимъ себѣ сдѣлать краткій обзоръ разсмотрѣнной нами эпохи. Содержаніе разсказаннаго нами можно выразить въ нѣсколькихъ словахъ. Въ продолженіе періода владычества Руси, Минскъ шесть разъ обливался кровью и выдержалъ 6 осадъ; два раза разграбили его татары,—и нельзя не допустить, чтобы онъ не палъ жертвою Литвы, если не въ древнѣйшія времена, то, по крайней мѣрѣ, во время вооруженныхъ столкновеній Свидригайлы, Ягеллы и Витовта; наконецъ онъ пріобрѣлъ одну христіанскую святыню,—и вотъ вся исторія перваго періода Минска. Во все продолженіе описаннаго періода на первомъ планѣ стояли воюющіе между собою князья. Владѣтели полоцко-минскіе, потомки Владиміра великаго, какъ представители старшей линіи, чувствовали свои права на велико-княжескій кіевскій столъ, чѣмъ и объясняются ихъ стремленія къ расширенію своего господства, столь опаснаго, что младшая линія принуждена была не разъ брать ихъ въ плѣнъ и даже высылать за-море. Съ другой стороны, они сознавали, что въ жилахъ ихъ течетъ кровь Рогнѣды, которой Владиміръ великій торжественно возвратилъ наслѣдіе ея родителя, господство надъ кривичанами. Такимъ образомъ въ родѣ Рогнѣды сохранился дальнѣйшій рядъ кривичской династіи, и этимъ объясняется то уваженіе, которое кіевскіе князья оказывали минскимъ князьямъ. Мстиславъ попралъ было ихъ, но сынъ его Изяславъ воздалъ имъ должное уваженіе и возвратилъ

---

1) И. Г. Р. т. IV, стр. 109.

2) См. оба акта въ Zbior ze praw Дзялинскаго, Познанъ 1841 г.,

нить все то, чего лишилъ ихъ его отецъ. И до завоеваній литовцевъ, и даже гораздо позже, потомки Рогнѣды все еще не теряли своихъ правъ, потому что этимъ именемъ лѣтописцы постоянно обозначаютъ владѣтелей нынѣшней минской губерніи.

Родъ полоцкихъ князей угасъ, должно быть, раньше, потому что мы не находимъ въ геральдикахъ, чтобы какіе либо изъ литовскихъ или русскихъ фамилій вели отъ нихъ свою родословною. Повторимъ рядъ владѣтелей Минска, отъ начала нашего разсказа до сейма Городельскаго.

I. Передъ первымъ извѣстіемъ о Минскѣ: Рогнѣда; Изяславъ, сынъ великаго князя Кіевскаго Владиміра (святаго) и Рогнѣды; Брячиславъ Изяславовичъ.

II. Послѣ перваго о немъ воспоминанія (рядъ точно означенный).
Всеславъ Брячиславовичъ.
Глѣбъ Всеславовичъ.
Изяславъ Мстиславовичъ, великій князь кіевскій.
Ростиславъ Глѣбовичъ.
Володарь Глѣбовичъ, братъ Ростислава.
Василько Володаровичъ.

III. Господство литвы (по отрывочнымъ воспоминаніямъ лѣтописей).
Мингайло.
Гинвиллъ.
Эрдзивиллъ.
Ѳедоръ Святославовичъ.
Гедиминъ.
Явнутъ.
Ольгердъ.
Ягелло.
Скиргайло.
Витовтъ.
Свидригайло.

(Гедиминъ — Свидригайло:) Великіе князья литовскіе.

II.

Изслѣдованіе о древнихъ Кривичахъ.

Довольно о книгахъ; поговоримъ теперь о народѣ, раскинутомъ на широкомъ пространствѣ отъ Двины до Припети, отъ Днѣпра до истоковъ Нѣмана. Народъ этотъ носилъ названіе дре-

говичей и Кривичей, говорилъ нарѣчіемъ русскимъ, драгоцѣнный памятникъ котораго сохранился въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ и въ извѣстной пѣсни о полку Игоревѣ. Это нарѣчіе немногимъ отличается отъ языка теперешнихъ здѣшнихъ крестьянъ; оно образуетъ переходъ отъ рѣчи великорусской къ рѣчи малорусской Украйны и извѣстно подъ именемъ бѣлорусскаго нарѣчія. Дреговичи и кривичи, смѣло можно сказать, оставались въ язычествѣ, въ продолженіи всего описаннаго нами періода. Хотя Изяславъ Владиміровичъ и принялъ вмѣстѣ съ отцомъ св. крещеніе по восточному обряду, хотя древнѣйшіе минскіе князья строили церкви въ Новгородѣ и отправляли благочестивыя приношенія въ Кіевъ и Іерусалимъ, хотя вѣротерпимость литовскихъ князей и позволяла тамъ и сямъ утверждаться православному или латинскому христіанству; однако народъ все-таки былъ слишкомъ разсѣянъ, слишкомъ много жилъ подъ таинственнымъ покровомъ вѣры своихъ предковъ, чтобы ревностно могъ спѣшить въ церкви и костелы, построенные въ городахъ князьями, которыхъ большая степень образованности сравнительно съ народомъ обнаружила уже имъ всю нравственную и политическую силу христіанства. По крайней мѣрѣ мы не находимъ доказательствъ поголовнаго крещенія Руси и Литвы предъ Ягеллою. Предразсудки древнихъ языческихъ вѣрованій, которые слишкомъ сильны и въ настоящее время, доказываютъ, что непросвѣщенный народъ не легко и вовсе не добровольно оставлялъ вѣру своихъ праотцевъ и мало заботился тогда о ея нравственной сторонѣ. Его религія, не замкнутая еще въ форму и букву, носила на себѣ выразительную печать характера ея послѣдователей. Мы постараемся сдѣлать краткое изслѣдованіе объ этомъ предметѣ, не повторяя впрочемъ сказаннаго уже другими о древней вѣрѣ славянъ и не основываясь на вырытыхъ тамъ и сямъ остаткахъ древней славянщины; потому что, какъ одно, такъ и другое могло бы вовсе не идти къ предмету вѣрованій народа въ окрестностяхъ Минска. Держась болѣе нравственной, чѣмъ догматической стороны древней вѣры Кривичей, и возсозидая эту нравственную ея цѣлость изъ преданій, оставшихся предразсудковъ, обычаевъ и пѣсней, до сихъ поръ еще сохраняющихся среди народа, мы скажемъ, быть можетъ, менѣе, но за то вѣрнѣе, потому что будемъ основываться на вѣрныхъ матеріалахъ.

Основною мыслью вѣры Кривичей былъ дуализмъ, т. е. обо-

готвореніе силъ добра и зла. Источникомъ добра былъ *бѣлый богъ*, отецъ солнца и свѣта. Силу отрицательную и вредную человѣчеству они называли *чернобогомъ*, по сокращенію, *чортомъ* (чартъ, сатана), назначивъ ему сѣдалище въ мрачныхъ лѣсахъ и болотахъ. Тотъ же богъ, или какая либо другая, второстепенная злостная личность, носила названіе *бѣса*. Бѣсовыми дѣтьми называли сильныхъ воиновъ, такъ какъ война означаетъ тоже самое, что совокупность всевозможныхъ жестокостей 1). Перунъ, въ томъ же значеніи, какъ и литовскій Перкунасъ, только менѣе грозный, принадлежалъ къ царству чернобога. *Дажбогъ* значитъ тоже, что промыслъ или надежда. *Доля* богиня (добрый жребій), была внучкою Дажбога 2). *Недоля*, противница доли, была божествомъ неизвѣстнымъ въ странѣ внуковъ Дажбога 3). *Ладо*, богъ лада, домашняго и нравственнаго порядка, былъ призываемъ на пирахъ и войнахъ. *Святовидъ*, божество съ нѣсколькими лицами, былъ символомъ солнца, которое все видитъ,—всезнанія, духъ вѣщій, который глубоко прозрѣваетъ въ прошлое и будущее и знаетъ настоящее. Изъ этого главнаго очерка славянской миѳологіи мы видимъ, что она не обременена баснями, отъ которыхъ не свободно даже болѣе развитое язычество древнихъ грековъ и римлянъ, напротивъ вездѣ въ ней проглядываетъ нравственная и философская мысль, приспособленная къ понятіямъ народа, который не въ состояніи еще понимать отвлеченностей. Извращенныя мистическія понятія получили здѣсь, какъ и вездѣ, свое начало отъ жрецовъ, безъ которыхъ не могла обойтись кривичская славянщина. Люди болѣе близкіе къ природѣ, посвященные въ ея тайны, начали оказывать свое вліяніе на народъ, исключительно обоготворявшій природу. Явились *знахари* (знатоки сверхъ-естественныхъ вещей), *чародѣи*, *вѣдьмы*, старыя бабы, одаренныя глубокимъ вѣдѣніемъ вещей, недоступныхъ прочимъ; свойства растеній и другихъ силъ природы, служили въ пользу этимъ чародѣйкамъ. Дудари, лирники, гусляры, сладостью музыкальныхъ звуковъ и прелестью старыхъ пѣсенъ, вліяя на народъ, превращались въ гуслярей, присвоивали себѣ при помощи гуслей какой то сверхъ естественный характеръ. Старцы, обыкновенно нищіе, пользуясь духомъ време-

1) Слово о полку Игоревѣ.
2) Ibid.
3) Ibid.

ни, опытностью и почестью, которая ихъ окружала, также облекались въ извѣстную таинственность. И эти знахари, гусляры, старцы и вѣдьмы образуютъ въ кривичской славянщинѣ, какъ бы касту жрецовъ, и первоначально чистую, логическую и философскую вѣру народа, облекаютъ въ догматы и заключаютъ въ формы. Но чтобы дѣйствовать на умы народа, эти догматы и формы должны быть приспособлены къ главной основѣ вѣрованій и строго соотвѣтствовать характеру ихъ послѣдователей. И вотъ наступаетъ религія обрядовъ съ ихъ таинствами. Ворожба наполнила воображеніе народа грезами и воодушевила въ его глазахъ существа и предметы изъ чисто чувственнаго міра. И птицу и растеніе и камень онъ призвалъ къ себѣ на помощь для того, чтобы плотнѣе и таинственнѣе опутать головы и сердца народа. *Воронъ*, 1) прорицатель бѣдствій, летая надъ войскомъ, считался уже роковымъ посланникомъ Чернобога. *Кукушка* 2), съ своимъ таинственнымъ кукованіемъ, обратилась въ предсказательницу судебъ. *Аистъ*, своенравный въ выборѣ мѣста для гнѣзда своего, сдѣлался провозвѣстникомъ счастія для той хаты, надъ которою онъ свилъ себѣ гнѣздо. *Ласточка*, какъ болтливая хозяйка, начала заботиться о домѣ; *пугачъ* принялъ на себя страшную обязанность пророчить смерть; *сорока* утѣшала гостепріимный людъ, возвѣщая ему гостей; *конь*, товарищъ славянина въ бою, получилъ даръ предугадывать успѣхъ боя; онъ, по словамъ пѣсни, съ поникшей головою стоитъ надъ могилою павшаго героя и шлетъ вѣсть матери о кончинѣ ея сына; *соколъ* 3) и *голубь* 4) сдѣлались какими то неизъяснимыми символами *любовной нѣжности*. Менѣе находимъ божествъ изъ царства растительнаго, но это не потому, чтобы кривичанинъ не угадывалъ всемощной силы природы, разлитой въ деревѣ, травѣ и цвѣткѣ, но потому, что жреческая каста знахарей и ворожеекъ, скрывая ключь къ этимъ таинственнымъ силамъ, сама давала народу предметы для обоготворенія не иначе, какъ облекая ихъ въ неизъяснимую прелесть. *Осина* считалась деревомъ заклятымъ; забить хату осиновымъ коломъ значило обречь ее на

---

1) См. piosnki Krewickie z nad Niemana i Dzwiny, p. s. Czeczota Вильно 1846 г. пѣснь XXXIII.

2) Ibid.—пѣснь XXV и XXXIV.

3) Ibid.—пѣснь XVIII и XXXII, XLVI и XLIX.

4) Ibid.—пѣснь XLI.

гибель; *папоротникъ* обладалъ свойствомъ одарять кладами и вѣдѣніемъ; *рута* представляла собою эмблему дѣвственности; *калина* 1), такъ часто упоминаемая въ народныхъ пѣсняхъ, имѣла, должно быть, значеніе торжественности; *яворъ* 2), не менѣе символическій, считался деревомъ счастливѣе калины; грушевыя деревья и огромные камни жрецы выдавали, должно быть, за сѣдалища боговъ, такъ какъ народъ, принявшій христіанство, охотно находитъ въ подобныхъ мѣстахъ явленія чудотворныхъ иконъ и статуй. Ключи и рѣки обладали такъ же целебною и прорицательною силою: рѣка обращается къ Святославу въ пѣснѣ о полку Игоревѣ; рѣка Дунай считалась чѣмъ то святымъ, потому что по всей обширной славянской землѣ, тамъ даже, гдѣ народъ и не видалъ Дуная, осталось о немъ столько воспоминаній въ сказкахъ и пѣсняхъ. Но чего еще не дѣлали чародѣи для пріобрѣтенія вліянія на народъ и чего не выдумывалъ на ихъ счетъ самъ народъ?! Они умѣли лишить корову молока, заломать хлѣбъ на полѣ, посмотрѣть злымъ глазомъ, наводить чары; умѣли тѣ же чары снова снимать, тѣ же бѣдствія снова удалять, возбудить безпредѣльную любовь, выгадать будущее,—однимъ словомъ сдѣлаться полезными, столько же и ужасными. Здѣсь уже, независимо отъ понятій религіозныхъ ясно выражаются преднамѣренныя цѣли жреческой касты: истолковывать, отуманивать, украшать догматы первобытной религіи, это было уже дѣломъ гусляреи, вѣдьмъ и знахарей. Иногда въ этихъ толкованіяхъ мы находимъ чистую басню, иногда высокую философскую или моральную истину, иногда чудную поэзію. Приведемъ здѣсь одну изъ такихъ пѣсень несомненно дошедшую до насъ отъ временъ язычниковъ—кривичанъ 3).

„Потеряла заря свои ключи, болтая съ луной и забавляясь съ солнцемъ. Взойдите ясныя зори, найдите мнѣ брянчащіе ключи. Время отворить землю, время выпустить росу, одну росу ледяную, другую медовую.“

(Продолженіе будетъ).

---

1) Ibid.—пѣснь XXI и XXXII.
2) Ibid.—пѣснь XXXII.
3) Смотр. Чечота, пѣснь LXXIX.

Замѣтка о латинскомъ ксендзѣ, незаконнорожденномъ сынѣ, крестьянки православнаго исповѣданія *).

Прибывъ въ концѣ 1863-го года во ввѣренный мнѣ епархіальнымъ начальствомъ, возсоединенный изъ уніи, Сѣнненскаго уѣзда, Могилевской губерніи, села Урца, тавловскій приходъ, я, къ немалому огорченію, нашелъ въ этой своей первоначальной паствѣ много совратившихся изъ православія въ латинство. Но, при помощи Божіей, чрезъ частыя съ ними бесѣды и обличенія ихъ заблужденій, я успѣлъ многихъ возвратить въ лоно св. нашей матери православной церкви.

Самое большее и непреклонное упорство встрѣтилъ я въ одной самой меньшей деревнѣ, Цитрѣ, гдѣ во всѣхъ 3-хъ домахъ изъ шестнадцати душъ, десять оказалось совратившихся въ латинизмъ и всѣ они между собою родственники, по фамиліи Денисевичи. Мнѣ весьма интересно, и необходимо было узнать главную причину совращенія и фанатическаго упорства и коснѣнія въ заблужденіи Денисевичей. При всемъ моемъ усиліи узнать это, прошло болѣе полугода пока нечаянный случай не вывелъ меня изъ невѣрныхъ предположеній и не разменилъ загадки.

Въ іюнѣ 1864-го года пріѣзжаетъ въ деревеньку Цитру изъ г. Могилева какой то молодой (лѣтъ 27-ми) ксендзъ Денисевичь и помѣщается въ избѣ крестьянина (совратившагося), Стефана, по фамиліи тоже Денисевича, у котораго живетъ и родственица его, крестьянка-дѣвица, по отцу и матери православная, лѣтъ 47-ми Анна, тоже Денисевичева. Такой странный визитъ сходство фамилій и наконецъ долгое пребываніе молодаго, не приходскаго ксендза въ деревнѣ Цитрѣ (онъ прожилъ около полтора мѣсяца) сильно возбудили мое и любопытство и мои опасенія. На разспросы мои о семъ интересномъ, а для меня какъ для пастыря духовнаго стада, среди котораго пріютился хищный волкъ, и объ опасномъ пришельцѣ сначала никто не давалъ мнѣ положительнаго отвѣта. Самъ я, какъ пастырь, отыскивающій своихъ заблудшихъ овецъ, нѣсколько разъ заходилъ въ эту избу (отъ церкви и отъ

*) Объ этомъ ксендзѣ, еще въ 1865 году заведено дѣло по епархіальному и гражданскому вѣдомствамъ.

избы эта деревня всего въ полъ верстѣ); но ни одного разу не могъ видѣть таинственнаго ея посѣтителя. Наконецъ болѣе откровенные и добрые люди удовлетворили моему любопытству и открыли тайну безпокоившаго меня недоразумѣнія.

Двадцать семь лѣтъ тому назадъ, помянутая крестьянка Анна Денисевичъ родила въ домѣ пани Слижановской, у которой была въ то время въ услуженіи, незаконнаго сына, который, по достовѣреннымъ, забраннымъ мною справкамъ, былъ окрещенъ при урецкой церкви, моимъ предмѣстникомъ, православнымъ священникомъ и записанъ въ метрическія рождающихся книги, подъ именемъ Стефана, по матери Денисевича. Таинственный посѣтитель, ксендзъ, тоже Стефанъ Денисевичъ. Еще въ то время, узналъ я,—а теперь и сама Анна Денисевичъ на слѣдствіи, назначенномъ по распоряженію епархіальнаго начальства, при допросахъ показала, что ксендзъ Денисевичъ есть незаконнорожденный ея сынъ — Стефанъ, и что онъ ежегодно пріѣзжаетъ въ деревню Цитру для свиданія съ нею, какъ своею матерью. Какимъ же образомъ онъ незаконнорожденный сынъ православной матери, окрещенный правосвавн. священникомъ является латинскимъ ксендзомъ? Это какъ оказалось произошло такимъ образомъ:

Пани Стефановская, въ домѣ которой крестьянка ея Анна Денисевичъ родила незаконнаго сына, будучи конечно, фанатичкою паписткою и ревностною поборницею латинопольской пропаганды, стала сама воспитывать, въ духѣ латинизма, незаконно-рожденнаго Денисевича и по достиженіи имъ десяти лѣтняго возраста, пріобрѣвши какимъ то, ей одной извѣстнымъ, путемъ фальшивые метрическіе документы, помѣстила его въ Р. К. Д. Виленскую Семинарію, откуда семинаристъ Денисевичъ, за хорошіе успѣхи въ наукахъ, отправленъ въ С.-Петербургскую Р. К. Д. Академію. Здѣсь, по выслушаніи полнаго курса, удостоенъ степени магистра и назначенъ младшимъ священникомъ въ могилевскій римско-каѳолическій каѳедральный костелъ.

Въ настоящее время трудно повѣрить такому явленію; а между тѣмъ это истинное и недавнее-настоящее событіе. Да и чего польскіе паны и пани, во время своего владычества надъ бѣднымъ православнымъ людомъ,—своими крестьянами, не дѣлали?! Все было для нихъ возможно и все было въ ихъ власти, не только религія, но часто и самая жизнь ихъ. Здѣсь я представилъ только одинъ

разительный примѣръ, похищенія изъ православія въ латинство; а такихъ примѣровъ можно было бы найдти сотни и тысячи на нашей Бѣлой святой Руси.

Священникъ Лавръ Конопацкій.

1869 г. іюля 7-го. Могил. губ. Сѣннен. у. с. Урецъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Высочайшій рескриптъ,

данный кіевской духовной академіи.

Кіевская академія, славная и древностію въ ряду училищъ Россіи, и особенными заслугами для церкви и отечества, въ два первые вѣка своей исторической жизни, явилась достойною славы своей и въ послѣдній пятидесятилѣтній періодъ.

Преобразованная въ 1819 году, она воспитала многихъ просвѣщенныхъ пастырей, съ особенною пользою и честію подвизающихся на поприщѣ своего высокаго служенія, и многихъ достойнѣйшихъ наставниковъ для учебныхъ заведеній не только духовныхъ, но и свѣтскихъ. Она можетъ указать своихъ питомцевъ съ честію трудящихся и на разныхъ ступеняхъ гражданской службы, и на поприщѣ литературы. И между тѣмъ какъ, въ стѣнахъ академіи скромно, но всегда основательно и въ духѣ строгаго православія разработывались науки, два періодическія изданія академіи, непрерывно выходящія въ продолженіе многихъ лѣтъ, и нѣкоторыя отдѣльныя изданія ученыхъ и литературныхъ трудовъ ея профессоровъ и воспитанниковъ далеко разливали свѣтъ духовной науки и просвѣщенія въ предѣлахъ отечества и оказывали благодѣтельное вліяніе на религіозное воспитаніе всего русскаго народа.

Въ виду такихъ заслугъ старѣйшей духовной академіи въ Россіи, Я призналъ справедливымъ изъявить ей, въ настоящій торжественный для нея день пятидесятилѣтняго юбилея, Мое совершенное благоволеніе и признательность.

Не сомнѣваюсь, что осѣняемая молитвеннымъ покровомъ святыхъ угодниковъ кіевскихъ, одушевляемая сознаніемъ своего славнаго прошедшаго и своего высокаго долга, подъ руководствомъ просвѣщенныхъ архипастырей кіевскихъ, академія не перестанетъ и впредь трудиться со всею ревностію въ своемъ святомъ дѣлѣ, и при новыхъ, лучшихъ условіяхъ, какія нынѣ даны ей вмѣстѣ съ другими духовными академіями, начнетъ приносить еще болѣе обильные плоды для церкви православной и дорогаго отечества.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«*АЛЕКСАНДРЪ.*»

Въ Ливадіи.
28-го сентября 1869 года.

---

50 лѣтній юбилей въ кіевской духовной академіи.

28 сентября, въ воскресенье, въ кіевской духовной академіи происходило торжество 50 лѣтняго ея юбилея. 1819 года кіевская академія была преобразована какъ разъ въ этотъ мѣсяцъ и день, и курсъ наукъ въ ней, подходившій болѣе къ курсу среднихъ учебныхъ заведеній, замѣненъ былъ программою свойственною высшимъ учебнымъ заведеніямъ. Съ тѣхъ поръ протекло 50 лѣтъ, и вотъ юбилей ея совершился какъ разъ въ ту пору, когда она снова вступаетъ на новый путь, получая новый распорядокъ предметовъ и новую програму; замѣчательное совпаденіе.

Торжество было въ высшей степени величественное. За нѣсколько дней начали съѣзжаться преосвященные, воспитанники этой академіи, депутаты отъ академій духовныхъ и свѣтскихъ, университетовъ, различныхъ обществъ, отъ духовенства различныхъ епархій и отъ семинарій. Кіевъ конечно въ первые видѣлъ вдругъ въ священнослуженіи 12 іерарховъ, и въ числѣ ихъ митрополита сербской церкви, какъ представителя славянскаго православія.

На канунѣ 28 числа, послѣ литургіи, совершенной высокопреосвященнымъ митрополитомъ Арсеніемъ, въ сослуженіи двухъ другихъ іерарховъ, въ главной церкви братскаго училищнаго, какъ издревле оно называлось, монастыря, началась панихида. На возвышеніи, нарочито устроенномъ по среди церкви, кіевляне увидѣли

12 іерарховъ и многочисленное духовенство, ставшее двумя рядами отъ мѣста, занятаго іерархами, до самаго алтаря и престола. Тѣснившійся къ мѣсту служенія народъ молился усердно, потому что зналъ о комъ молился не потому одному, что слышалъ имена, возглашавшіяся на панихидѣ поочередно служащими іерархами, а и слышалъ на литургіи прекрасное слово, между прочимъ и о почившихъ дѣятеляхъ академіи, сказанное инспекторомъ ея архимандритомъ Сильвестромъ.

28 числа, въ самый день юбилея, литургія совершена была высокопреосвящ. митрополитомъ Арсеніемъ, въ сослуженіи сербскаго митрополита Михаила, арх. казанскаго Антонія, и архіепископа херсонскаго Димитрія. Не тѣсная церковь переполнена была народомъ. Послѣ литургіи онъ опять увидѣлъ всѣхъ преосвященныхъ на возвышенія для совершенія благодарственнаго молебствія. На многолѣтіи возглашены были Высочайшія имена, свят. Синодъ, имя преосв. митрополита кіевскаго, какъ перваго попечителя академіи, учащіе и учащіеся.

Послѣ молебствія всѣ, кому дано было право билетомъ, вошли въ конгрегаціонную залу. Она представила собраніе людей всѣхъ сословій и состояній, прибывшихъ сюда изъ разныхъ и самыхъ отдаленныхъ губерній представить адресы уваженія и благодарности къ заведенію, въ продолженіи минувшаго 50-тилѣтія непрестававшему высылать во всѣ концы Россіи образованныхъ дѣятелей на пользу церкви общества, и въ залѣ вниманіе всѣхъ обратили на себя многочисленные портреты этихъ дѣятелей, подготовленные дѣятельнымъ ректоромъ академіи, и въ которыхъ на стѣнахъ читалась исторія академіи.— Юбилейный актъ открылся пѣніемъ молитвы: царю небесный. Архипастырь кіевскій прочиталъ, вмѣстѣ съ отношеніемъ къ нему, г. оберъ-прокурора св. Синода, копію Высочайшаго рескрипта Государя Императора. Государемъ Императоромъ въ этомъ рескриптѣ благосклонно признавалось великое значеніе древнѣйшаго учебнаго заведенія въ Россіи въ дѣлѣ ея просвѣщенія, и опредѣлялось въ академіи 10 стипендій по 200 р. на стипендіата. Отвѣтомъ на это Всемилостивѣйшее признаніе и благотвореніе былъ пропѣтый отъ всей души студентами русскій гимнъ за царя.

Послѣдовали адресы. Во главѣ ихъ послышалась живая рѣчь кіевскаго архипастыря, ближайшаго попечителя академіи. Много

и долго говорилъ архипастырь; рѣчь его была полна одушевленія и любви къ академіи: радуясь о славной дѣятельности ея въ прошедшія лѣта, высокопр. митрополитъ отъ всей души благословлялъ этотъ вертоградъ духовныхъ наукъ, желалъ ему дальнѣйшаго преуспѣянія, и объявилъ о своемъ пожертвованіи на пользу академіи 10 тысячъ рублей.

Вотъ это мудрое, исполненное любви къ академіи слово первосвятителя кіевскаго:

„Къ великимъ и необычайнымъ милостямъ и щедротамъ царскимъ, которыхъ кіев. духов. академія имѣла счастіе нынѣ удостоиться, и за которыя всѣ мы смиренно повергаемъ къ подножію августѣйшаго престола Его Величества глубочайшую благодарность нашу и безпредѣльную нашу преданность, я, какъ предстоятель церкви кіевской, и по долгу моего званія, и по глубокому сочувствію къ пользамъ и нуждамъ академическаго образованія для всего здѣшняго края и для всей православной Россіи, дерзаю молитвенно отъ лица имени Божія присовокупить благословеніе Божіе, въ ознаменованіе же сего благословенія подношу академіи сію св. икону пресв. Богородицы Печерскія, да будетъ она для всѣхъ учащихъ и учащихся и памятникомъ настоящаго торжества, столь отраднаго и ободрительнаго, и залогомъ высшей помощи, всегда и для всѣхъ искренно ищущихъ ее готовой и утѣшительной; и напоминательнымъ призывомъ къ молитвенному подвигу, въ исканіи и обрѣтеніи истинной мудрости и образованія дѣйствительнаго, а не призрачнаго и самомнительнаго столь полезному и необходимому.

Вмѣстѣ съ симъ, желая, по возможности содѣйствовать постоянному преуспѣянію академическихъ наукъ и безостановочному движенію мысли образовательной и образуемой, по законамъ строго логическаго мышленія и въ сферѣ предопредѣленной и указанной свыше для ума человѣческаго, прошу академическое начальство принять въ свое полное распоряженіе 10 тысячъ р. сереб. предназначенные мною на премія, при изданіи книгъ и брошуръ богословнаго содержанія, въ духѣ правосл. вѣры и церкви, съ тѣмъ единственнымъ условіемъ, чтобы основный капиталъ, не прерывно обращаясь въ кредитныхъ учрежденіяхъ, никогда не истощался совершенно, а на издательскія нужды академіи употреблялись только накопляющіеся съ него проценты.

За симъ обращая взоръ мой въ наступившее для академіи съ настоящаго дня благопріятное, при новыхъ благопріятныхъ условіяхъ ея внутренняго быта, будущее, я ничего болѣе отъ нея не желаю, и ни о чемъ болѣе не прошу Бога, какъ только о томъ, чтобы она, разумно и предусмотрительно пользуясь своимъ улучшеннымъ положеніемъ, шла неослабно по прежнему, своимъ твердымъ и мѣрнымъ шагомъ къ предназначенной цѣли, постепенно возвышаясь и приближаясь къ наивысшему совершенству небесной мудрости, или какъ говоритъ богомудрый апостолъ: задняя забывая и впредняя простираясь и т. о. преобразуясь непрерывно во внутреннемъ и внѣшнемъ человѣкѣ отъ славы въ славу, якоже отъ Господня Духа.

Кіев. академія съ честію и славою переживъ вѣка и давъ церкви и отечеству многочисленныхъ и просвѣщенныхъ дѣятелей для разнообразныхъ поприщей общественнаго и частнаго служенія, столь же благоуспѣшоо и благоплодно, и въ обновленномъ своемъ видѣ, достигла нынѣ своего 50-лѣтія, не измѣнивъ съ теченіемъ временъ, по самой природѣ своей, измѣнчивыхъ, и не смотря на частые и почти непрерывные, подъ чуждымъ властительствомъ напоръ и давленіе враждебныхъ силъ и прямо противоположныхъ тенденцій, ни своего характера національно-русскаго, ни направленія въ полномъ смыслѣ религіозно-нравственнаго. Заслуга передъ обществомъ и правительствомъ высокая и неоцѣнимая, при тѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ здѣшній край, а съ нимъ и академія такъ долго находились. Заслуга, такъ рѣдко встрѣчаемая въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, даже при лучшихъ жизненныхъ условіяхъ! Заслуга, никакимъ обиліемъ знаній, открытій и блестящихъ теорій не замѣнимая!

Отличительная черта здѣшней академіи состоитъ въ томъ, что она въ своихъ убѣжденіяхъ и вѣрованіяхъ всегда была равна самой себѣ, неувлекаясь заманчивыми новостями иноземнаго происхожденія, или вѣрнѣе сказать, она во всѣ времена и при всѣхъ обстоятельствахъ, нерѣдко тяжкихъ и не выносимыхъ, православіе древнее и православіе русское блюла и хранила, какъ святыню завѣтную и неприкосновенную, стараясь въ данныхъ случаяхъ только освѣщать новымъ свѣтомъ, выяснять и утверждать начала и основы того и другаго чрезъ возведеніе мысли къ началу Бо-

начальному, на которомъ все въ мірѣ стоитъ и держится, живетъ и движется.

А между тѣмъ она въ тоже время нисколько не стѣсняя и не связывая ума истинно и разумно, а не мечтательно и своенравно философствующаго въ предѣлахъ ему свыше назначенныхъ, давала на столько простора, чтобы способности и наклонности воспитанниковъ могли легко и свободно, въ стройномъ гармоническомъ порядкѣ, безъ вреднаго преобладанія однѣхъ надъ другими, развиваться, укрѣпляться и совершенствоваться.

Искуство ея начальниковъ и наставниковъ главнымъ обр. состояло въ томъ, что они умѣли зорко и неослабно слѣдить за движеніемъ молодыхъ умовъ, и всякіе случайно и невѣрно сдѣланные шаги останавливать во время, или что тоже, всякое по апостолу, возношеніе, взимающееся на разумъ Божій, умѣли словомъ истины плѣнять въ послушаніе вѣры. Вѣрнымъ и главнымъ къ тому средствомъ всегда почиталось пріученіе молодыхъ людей къ кротости и смиренію и вообще богобоязливому поведенію и чрезъ то привлеченіе въ юныя сердца ихъ духа благодати Божіей, какъ такой силы, которая наиболѣе всего способна къ расширенію кругозора умственнаго и нравственнаго, къ освѣщенію и разумѣнію таинъ природы и къ благоустроенію жизни земной и къ приготовленію жизни небесной и вѣчной: тайпа но Господня, по свидѣтельству мудреца Богодухновеннаго, боящимся его, и Господь обычно, что утаеваетъ отъ премудрыхъ и разумныхъ, то силою благодати своей открываетъ младенцамъ о Христѣ. И сила эта какъ животворная влага, естественно ліющаяся съ нагорныхъ высотъ въ юдолія земли, лилась неоскудно въ смиренныя и богобоязненныя сердца юношей: и производвла въ нихъ и чрезъ нихъ явленія отрадныя и утѣшительныя. Здѣсь тайна замѣчательныхъ и разнородныхъ успѣховъ просвѣщенія, которыми кіев. академія въ теченіе двухъ сотъ съ половиною лѣтъ постоянно отличалась, тайна для многихъ, къ сожалѣнію, сыновъ вѣка сего, или вовсе невѣдомая, или давно уже и едвали не на всегда, какъ дивный составъ греческаго огня и въ водѣ неугасавшаго, потерянная. Не отъ того ли, можетъ быть, и прежде и нынѣ и было и есть много такъ называемыхъ храмовъ просвѣщенія, которые, подобно воздушнымъ метеорамъ, явившись на мгновеніе, или лежать теперь въ развалинахъ, или продолжаютъ еще жалкое бытіе свое, загре-

можденные изваланые обломками и мусоромъ своихъ собственныхъ системъ и плановъ па перный взглядъ великолѣпныхъ? Если въ нихъ и преподается и достигается что топохожее на премудрость, то это не та премудрость, о которой говоритъ ап. Іаковъ, что она первѣе чиста есть, потомъ же мирна, кротка, благопокорлива, исполнена милости и плодовъ благихъ, несумнѣнна и нелицемѣрна, а какая-то другая, свойствъ діаметрально противоположныхъ: первая испрашивается и подается свыше отъ Бога, а послѣдняя идетъ снизу и влечетъ къ низу; глаголетъ въ высоту, но языкъ ея, вмѣстѣ съ сердцемъ, прейдетъ по земли.

Богъ же всякія благодати всѣмъ намъ возлюбленную и дорогую академію кіевскую, до нынѣ добрѣ подвизавшуюся въ стяжаніи истинной, для земли и для неба благопотребной мудрости, да утвердитъ и укрѣпитъ въ семъ подвигѣ своею благодатію и на грядущее время, и да соблюдетъ и сохранитъ питомцевъ ея своею всемогущею силою отъ всякаго тлетворнаго дыханія сыновъ погибельныхъ и творящихъ развращенная, въ свою и другихъ погибель вѣчную.“

За архипастырскою рѣчью была прочитана проф. Малышевскимъ историческая записка объ академіи въ истекшее 50-лѣтіе. Ректоромъ академіи архим. Филаретомъ прочитаны были поздравительныя письма высокопреосв. митрополитовъ санктъ-петербургскаго Исидора и московскаго Иннокентія. За ними послышались рѣчи присутствующихъ здѣсь архипастырей, и во-первыхъ митрополита сербскаго. Она была русская, потому что русской академіи пришлось послужить ему мѣстомъ воспитанія. Благодарность за воспитаніе, которую въ пламенномъ словѣ къ академіи выражалъ архипастырь Сербіи вызывала у всѣхъ, кому академія не была чужою, благодарность къ нему за его доброе и живое сочувствіе къ мѣсту, гдѣ суждено было ему получить воспитаніе. Всякой понималъ, какъ важно и дорого это сочувствіе къ русскому духовному училищу первосвятителя одной изъ важнѣйшихъ славянскихъ церквей.

За исполненнымъ чувства словомъ митрополита сербскаго послѣдовали благожелательныя привѣтствія преосвященныхъ: экзарха Грузіи архіепископа Евсевія, бывшихъ ректоровъ академіи Димитрія, архіеп. херсонскаго, и Антонія, архіепископа казанскаго, архіепископа Антонія кишиневскаго, епископовъ: Никандра туль-

скаго, Іоанна полтавскаго, Леонтія каменецъ-подольскаго и Іоанникія саратовскаго. Послѣ привѣтствія каждый изъ нихъ приносилъ академіи икону въ благословеніе.

За тѣмъ ближе всего было высказать свое привѣтствіе къ академіи своему, кіевскому, когда то особенно тѣсно соединенному съ академіею, обществу. Представителемъ своимъ оно имѣло градскаго Главу, который въ адресѣ, вмѣстѣ съ благодарностію за воспитаніе кіевлянъ въ минувшее время, выражалъ надежду, что академія не престанетъ приносить добро кіевскому обществу и впредь, особенно теперь, когда государственными реформами рушатся преграды, которыми раздѣлялись сословія.

Изъ привѣтствій отъ духовныхъ академій: петербургской, московской и казанской наибольше общаго вниманія обратила на себя сочувственная рѣчь депутата москов. академіи, ея ректора, прот. Горскаго. Слѣдовали адресныя заявленія университетовъ. Представителями московскаго были ректоръ его Баршевъ и проф. богословія прот. Сергіевскаго: послѣ оживленнаго слова перваго, оба отъ лица университета, въ знакъ его сочувствія къ академіи, почтительно поднесли высокопреосвящ. митрополиту, какъ ближайшему попечителю академіи, дипломъ названіе почетнаго члена московскаго университета.

Петербургскій университетъ не прислалъ депутата: но его сочувствіе къ академіи выражено самымъ дѣятельнымъ образомъ: кромѣ адреса присланы университетомъ дипломы: на званіе почетныхъ членовъ университета высокопреосвящ. митрополиту Арсенію и ректору академіи, архимандриту Филарету, и дипломы на ученую степень доктора истор. наукъ бывшему воспитаннику академіи, архіепископу литовскому Макарію, и доктора греческой словесности викарію кіевской митрополіи Порфирію, епископу чигиринскому, знаменитому своими открытіями и изслѣдованіями въ области греческихъ древностей.

Привѣтствія произнесены отъ университетовъ—кіевскаго ректоромъ, д. ст. сов. Матвѣевымъ, харьковскаго проф. богословія, прот. Василіемъ Ив. Добротворскимъ, казанскаго прот. Владимірскимъ, новороссійскаго ректоромъ его Леонтовичемъ, петровской лѣсной академіи проф. богосл. прот. Я. Д. Головинымъ, нѣжинскаго лицея законоучителемъ свящ. Шиоргуновымъ. За привѣт-

ствіями отъ высшихъ учебныхъ заведеній послѣдовали привѣтственныя поздравленія отъ ученыхъ учрежденій.

1. Отъ императорскаго московскаго общества исторіи и древностей; привѣтствіе говорилъ графъ М. В. Толстой.

2. Отъ императорской публичной библіотеки; библіотекарь ея Ивановскій представилъ высокопреосв. Арсенію дипломъ на званіе почетнаго ея члена.

3. Отъ одесскаго общества исторіи и древностей: говорилъ членъ этого общества одесскій прот. С. А. Серафимовъ.

4. Отъ кіевск. археографической коммиссіи; привѣтствовалъ тайный сов. М. В. Юзефовичъ.

5. Московскаго археологическаго общества — А. А. Мартыновъ.

6. Отъ варшавскаго учебнаго округа — начальникъ холмской учебной дирекціи, Ѳ. Г. Лебединцевъ.

Духовенство православное русское также почтило привѣтомъ свое древнее училище, отъ котораго оно получило столь многихъ просвѣщенныхъ дѣятелей на поприщѣ архипастырства, пастырства и учительства. Изъ числа этихъ привѣтствій прочтены отъ духовенства кіев. епархіи привѣтственное слово каѳедральнымъ протоіереемъ П. Г. Лебединцевымъ, и отъ духовенства херсонской, епархіи ключаремъ одес. каѳед. собора протоіереемъ А. Г. Лебединцевымъ.

Привѣтствіе отъ кіев. епархіи было слѣдующее:

„Празднующая нынѣ 50-лѣтіе, кіевская духовная академія въ теченіи почти 3-хъ вѣковъ, была неразлучной спутницей, спослѣшницей и просвѣтительницей кіевской епархіи; судьбы академіи кіевской епархіи тѣсно связаны: академія, разливая просвѣщеніе во всѣ концы Россіи, была въ особенности свѣтильникомъ горящимъ и свѣтящимъ для кіевской епархіи, обуреваемой то натискомъ иноплеменниковъ, то мглою иновѣрія, то нерѣдко внутренними смутами; академія охраняла здѣсь цѣлость православія, чистоту вѣры и жизни, воодушевляла народъ любовію къ православной церкви и питала любовь къ русскому слову и русскому имени; ея воспитанники были въ семъ краю не только пастырями церкви и защитниками православнаго ученія, но также и ратниками и вождями народа на полѣ брани, за свободу православной вѣры, зо благо русской народности. Вообще кіевская академія и кіев-

ская епархія жили почти три вѣка общею жизнію, дѣля горе, страданія, скорби, борьбу, побѣду, славу и честь.

Побуждаемое этими воспоминаніями, духовенство кіевской епархіи, привѣтствуя кіевскую академію, древнѣйшій разсадникъ духовнаго просвѣщенія, съ 50-лѣтіемъ обновленной ея жизни, молитъ Бога, да благоденствуетъ кіевская академія еще многіе вѣки, да преуспѣваетъ она, преобразуясь отъ силы въ силу, отъ славы въ славу, да разливаетъ еще обильнѣйшій свѣтъ православнаго ученія, да будетъ она всегда славой церкви и нашего отечества!"

Подписали: Каѳедральный протоіерей Петръ Лебединцевъ. Протоіерей Даніилъ Смолодовичъ. Протоіерей Димитрій Ждановъ. Протоіерей Георгій Соловьевъ. Протоіерей Николай Оглоблинъ. Протоіерей Ѳеодоръ Мысловскій. Протоіерей Никита Дашкевичъ. Протоіерей Василій Каменскій. Протоіерей Алексѣй Колосовъ.

По прочтеніи этого адреса слѣдовали многочисленные адресы семинарій. Въ привѣтствіи кіев. семинаріи, представителемъ которой былъ ректоръ архимандритъ Ѳерапонтъ, высказана была тѣсная связь, соединявшая доселѣ семинарію съ академіей.

Время уходило и было уже къ порѣ пятаго часа. Не предвидѣлось никакой возможности выслушать всѣ адресы: потому по прочтеніи адреснаго заявленія харьковской семинаріи, прочіе адресы были приняты ректоромъ академіи. Также были приняты адресы отъ 2-й кіевской гимназіи и фундуклеевскаго женскаго училища. Ректоромъ академіи прочитаны еще вновь полученныя телеграмы отъ нѣкоторыхъ высокихъ лицъ, и между прочимъ краткое поздравленіе литовскаго архіепископа Макарія, вмѣстѣ съ его же отношеніемъ къ ректору академіи, въ которомъ ученый архипастырь заявляетъ, что онъ жертвуетъ академіи 25 т. руб. съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ на нихъ выдавались преміи за лучшія церковно-историческія сочиненія при академіи.

Со вниманіемъ былъ слушанъ адресъ на латинскомъ языкѣ, произнесенный бессарабскимъ архим. Іеронимомъ, бывшимъ воспитанникомъ академіи 10 курса.

Адресы и привѣтствія заключены энергическимъ словомъ старѣйшаго изъ русскихъ ученыхъ М. Н. Погодина; въ немъ горячо высказалъ онъ свое глубокое сочувствіе къ древнѣйшему училищу Россіи и желаніе, чтобы оно процвѣтало и впредь на пользу церкви, вѣры и науки.

По програмѣ торжества публика ожидала услышать рѣчь *объ успѣхахъ Богословской науки въ нашемъ отечествѣ и современныхъ задачахъ ея.*—В. Ѳ. Пѣвницкаго. Но по недостатку времени чтеніе ея оставлено. Торжество кончилось около половины 5-го часа пѣніемъ *Слава въ вышнихъ Богу.*

По окончаніи акта, всѣ присутствовавшіе на немъ перешли въ новый академическій корпусъ и здѣсь въ рекреац. залѣ предложенъ былъ обѣдъ на 200 слишкомъ особъ. Онъ закончился многочисленными заздравными тостами. Первый тостъ за здравіе Государя Императора, встрѣченный громогласнымъ и продолжительнымъ „ура", законченъ гимномъ *Боже царя храни*, пропѣтымъ всею массою обѣдавшихъ. Стройное пѣніе этого гимна лицами всѣхъ сословій, изъ которыхъ половина собралась къ этому дню изъ отдаленныхъ частей Россіи, служило очевиднымъ доказательствомъ единства Русской земли. Тосты за здоровье ревностнаго попечителя академіи кіевскаго первосвятителя, митрополита Арсенія и б. воспитанника ея митрополита сербскаго Михаила сопровождались пѣніемъ «*многая лѣта*»; за послѣднимъ тостомъ пѣніе соединилось съ восклицаніями: «*слава, живіо*». Громкое ура покрывало тосты за благосостояніе и процвѣтаніе кіев. Академіи, за здоровье г. главнаго начальника юго-запад. края, князя А. М. Дундукова-Корсакова, присутствовавшаго на обѣдѣ генералъ-адъютанта Тотлебена, архіепископовъ херсонскаго Димитрія и казанскаго Антонія, экзарха Грузіи и всѣхъ преосвященныхъ, почтившихъ присутствіемъ своимъ академическій праздникъ. Послѣдній тостъ былъ за здоровье депутатовъ, явившихся привѣтствовать академію.

ПРОГРАММА

юбилейнаго акта кіевской духовной академіи 28 сентября 1869 года.

I. Молитва «*Царю небесный*».

II. Высочайшій рескриптъ.

III. *Боже царя храни:* привѣтствіе высокопреосвященнѣйшаго митрополита Арсенія.

IV. Историческая записка о состояніи академіи въ истекшее пятидесятилѣтіе.

V. Привѣтственное письмо высокопреосвященнѣйшаго митрополита Исидора.

VI. Привѣтствіе высокопреосвященнѣйшаго митрополита московскаго Иннокентія.

VII. Привѣтствія отъ преосвященныхъ присутствующихъ.

VIII. Привѣтствія:

1., Отъ кіевскаго общества.

2., отъ духовныхъ академій:

а., Московской.

б., С.-Петербургской.

в., Казанской

3., Отъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній:

а., Московскаго

б., Кіевскаго

в., Харьковскаго

г., Казанскаго

д., Новороссійскаго

е., Петровской лѣсной академіи

ж., Нѣжинскаго лицея

4., Отъ ученыхъ учрежденій:

а., отъ Императорскаго московскаго общества исторіи и древностей

б., Императорскій публичной библіотеки

в., Одесскаго общества исторіи и древностей

г., Кіевской археографической комиссіи

д., Московско археологическаго общества.

5., Отъ духовенства:

а., Кіевской епархіи

б., Херсонской епархіи.

6., Отъ семинарій:

а., Кіевской

б., Харьковской

в., Полтавской

г., Херсонской

д., Литовской

е., Ярославской

ж., Екатеринославской

з., Волынской
и., Воронежской
і., Подольской
к., Орловской
л., Черниговской
м., Иркутской

отъ 2-й кіевской гимназіи и фундуклеевской женской гимназіи.

7., Отъ преосвященныхъ отсутствующихъ и отъ учебныхъ заведеній, неприславшихъ своихъ депутатовъ.

8., Отъ частныхъ лицъ:

а., А Іеронима
б., М. П. Погодина.

IX. Рѣчь объ успѣхахъ богословской науки въ нашемъ отечествѣ и современныхъ задачахъ ея.

X. Объявленіе наградъ.

XI. Славословіе: *слава въ вышнихъ Богу*

Списокъ депутатовъ привѣтствовавшихъ академію.

Моск. акад. ректоръ протоіерей А. В. Горскій.

Спб. акад. инспекторъ, профес. дѣйств. стат. сов. Лучицкій.

Москов. унив. ректоръ, тайный совѣтникъ С. И. Баршевъ и орд. проф. богословія прот. Н. А. Сергіевскій.

Кіев. унив. ректоръ, д. ст. сов. А. П. Матвѣевъ и проректоръ д. ст. сов. К. А. Митюковъ.

Харьк. ун. орд. пр. богосл. прот. В. И. Добротворскій.

Казан. ун. орд. пр. бог. прот. А. П. Владимірскій.

Новорос. унив. рект. Ѳ. И. Леонтовичь и секр. совѣта В. А. Орловъ.

Петровской лѣсной акад. проф. бог. пр. Я. Г. Головинъ.

Нѣжинскаго лицея законоучитель свящ. З. И. Шиоргуновъ.

Импер. Моск. О. Исторіи и древ. графъ М. В. Толстой.

Имп. пуб. библ. библіотекарь А. Д. Ивановскій.

Одесскаго Общ. исторіи и древн. прот. С. А. Серафимовъ.

Кіевской археографич. ком. тайный сов. М. В. Юзефовичъ.

Моск. арх. общества А. А. Мартыновъ.

Варшавскаго учебнаго округа, начальникъ холмской учебной дирекціи, Ѳ. Г. Лебединцевъ,

Семинарій: Кіевской рек. архим. Ѳерапонтъ.
Харьковской — архим. Веніаминъ.
Полтавской — прот. М. Ѳ. Гавриловъ.
Херсонской — прот. М. Ѳ. Чемена.
Литовской — архим. Евгеній.
Ярославской — архим. Іустинъ.
Екатеринослав. — архим. Далматъ.
Волынской учитель А. Ѳ. Артимоновскій.
Воронежской учитель свящ. И. В. Адамовъ.
Подольской инспекторъ А. И. Мартиновскій и учитель прот. Е. С. Струменскій.
Черниговской инспекторъ Л. Д. Бѣлоусовичъ.
Кіевской 2 гимназіи учитель О. И. Пясецкій.
Фундукл. женской гимназіи, д. ст. сов. А. И. Линниченко.
Переяславскаго дух. учил. смотритель прот. Н. А. Терлецкій.
Духовенства кіевской епархіи прот. П. Г. Лебединцевъ.
Духовенства херсонской епархіи прот. А. Г. Лебединцевъ.
Кіевскаго городскаго общ. глава Ѳ. И. Войтенко.

Еще разъ, 29 сентября, собрались на братскую трапезу бывшіе сокашники и однокашники кіевской Академіи въ той самой залѣ (бывшей библіотечной), въ которую они приходили нѣкогда за пищею духовной. Здѣсь были представители всѣхъ почти курсовъ новой Академіи съ 1819 по 1869 годъ: одни убѣленные сѣдинами, другіе въ силѣ мужества, иные еще во цвѣтѣ молодости. Были и представители древней Академіи: 87-ми лѣтній старецъ, протоіерей кіевофлоровскаго монастыря о. Іоакимъ *Игнатовичъ*, б. учителемъ еврейскаго языка съ 1808 по 1817 годъ; заслуженный профессоръ с. петерб. медикохирург. Академикъ П. П. Полехинъ, преподававшій здѣсь до преобразованія академіи въ 1817 году и ученикъ о. Іоакима Игнатовича 76-лѣтній старецъ, архимандритъ *Веніаминъ*. Многіе изъ собравшихся товарищей, свидѣвшіеся впервые, по выпускѣ изъ Академіи, чрезъ 46, 40, 30, 25, 15 лѣтъ и вначалѣ не узнававшіе другъ друга, теперь тщательно всматривались въ нѣкогда хорошо знакомыя черты лица и въ дружеской бесѣдѣ переходили къ воспоминаніямъ времени, проведеннаго въ стѣнахъ кіево-Братской обители. Не видно было здѣсь уже, какъ впервый день праздника, знаковъ удивленія и слезъ радости,

но оживленная рѣчь лилась свободно изъ устъ старыхъ друзей, долгоразлученныхъ мѣстомъ и временемъ, но не охладѣвшихъ чувствами братской приязни и любви къ мѣсту своего воспитанія. Братскій этотъ обѣдъ почтили также своимъ присутствіемъ высокопреосвященный попечитель Академіи, митрополитъ кіевскій Арсеній съ соборомъ святителей, депутаты учебныхъ заведеній, привѣтствовавшіе вчера Академію, и извѣстные ученые: М. А. Максимовичъ и М. П. Погодинъ. При тостѣ за процвѣтаніе Академіи, М. А. *Максимовичъ*, бывшій профессоръ московскаго и кіевскаго университетовъ и первый ректоръ послѣдняго сказалъ слѣдующее, полное чувства, слово:

„Преисполненный впечатлѣній вчерашняго достопамятнаго дня, я вседушевно радуюсь о торжественномъ праздникѣ твоемъ, Академія Кіевская, которымъ достойно почтена твоя долгая, многотрудная жизнь,—твоя великая заслуга для всего русскаго міра, незабвенная и для нашей братіи славяно-дунайской. Какъ уроженецъ кіевской Руси и старый служитель наукъ въ здѣшнемъ краю,—я не могу умолчать о моей глубокой благодарности тебѣ за просвѣщеніе моей родины, нѣкогда разлученной съ Русью восточною, но твоимъ внушеніемъ опять соединившейся съ нею въ общій составъ русскаго міра.—Я не могу не выразить моей благодарности тебѣ и за себя лично,—за то благо душевное, какое часто обрѣталъ я въ здѣшнихъ гостепріимныхъ, кіево-братскихъ стѣнахъ, въ продолженіе 35-ти лѣтъ, и особенно во дни того, кто былъ красою и славою твоею, о комъ всегда вспоминаешь ты, какъ о своемъ любимомъ сынѣ.

Благоденствуй же, досточтимая, добрая матерь русскихъ училищъ, и подвизайся съ новыми силами во благо свято-русской земли!—Да повторится твой нынѣшній праздникъ и чрезъ новые два съ половиною вѣка предстоящей тебѣ жизни! Отъ полноты сердца моего, скажу, наконецъ, словами божественнаго псалмопѣвца: «Буди же миръ въ силѣ твоей и обиліе въ столпостѣнахъ твоихъ! Ради братій моихъ и ближнихъ моихъ, глаголахъ убо миръ о тебѣ!» (121. 7, 8).

Изъ слѣдовавшихъ за тѣмъ тостомъ съ особеннымъ воодушевленіемъ приняты были тосты за здоровье высокопреосвященнаго покровителя духовнаго просвѣщенія митрополита кіевскаго Арсенія, г. оберъ-прокурора св. Синода графа Д. А. Толстаго и высоко-

преосвященнаго Димитрія, архіепископа херсонскаго. Послѣдній тостъ въ особенности долго откликался многозвучнымъ *ура*. Въ промежуткахъ между тостами говорили еще: протоіерей Н. А. *Ѳаворовъ*, г. *Баршевъ*, М. П. *Погодинъ* и протоіерей Н. А. *Сергіевскій*. Изъ нихъ о. Ѳаворовъ высказалъ мысль о необходимости уничтожить розну между университетскою и академическою наукой. Мысль эту признали въ своихъ рѣчахъ Баршевъ и Погодинъ, а протоіерей Сергіевскій, указавши на сочувствіе общее русскихъ университетовъ настоящему торжеству кіев. духов. академіи, прекрасно заявилъ сомнѣніе о самомъ существованіи этой розни.

Когда уже оканчивалась братская трапеза, на средину зала выступилъ ветеранъ-профессоръ кіев. духов. академіи (воспитанникъ 4-го курса) Д. А. Подгурскій и съ юношескимъ воодушевленіемъ перифразировалъ извѣстную студентскую пѣснь:

Gaudeamus, olim qui
Juvenes eramus!
Senium nos tetigit,
Sed nequaquam domuit;
Ergo gaudeamus!

Vivat Academia!
Vivant Professores!
Et qui coaetaneis,
Nobis juncti studiis,
Restant auditores!

Omnis vita est brevis,
Nostra plus quam brevis,
Nimium velocibus
Inopina passibus
Mors adest grandaevis.

Ubi sunt qui, juxta nos
Quondam floruere?
Aegra trahunt corpora,
Aut naturae debita
Ante nos solvere.

Soli Deo gloria!
Nos hucusque stamus:
Senium nos tetigit,
Sed nequaquam domuit,
Ergo gaudeamus! *)

30-го сентября, въ день памяти перваго митрополита кіевскаго Михаила, нетлѣнно почивающаго въ большой церкви кіевопечерской лавры, составилось новое торжество, служившее продолженіемъ взаимнаго утѣшенія б. воспитанниковъ академіи и ея гостей. День этотъ, важный для русской іерархіи, празднованъ въ лаврѣ соборнымъ служеніемъ высокопреосвященныхъ митрополитовъ кіевскаго Арсенія, сербскаго Михаила—тезоименитаго празднуемому начальнику русскихъ архипастырей, и епископа полтавскаго Іоанна. Въ самой каѳедрѣ всероссійскихъ, а нынѣ кіевскихъ, митрополитовъ Софійскомъ соборѣ, совершалъ литургію высокопреосвященный архіепископъ казанскій Антоній съ соборнымъ клиромъ. Къ двумъ часамъ по полудни всѣ преосвященные гости, воспитанники Академіи изъ градскаго духовенства, наставники академіи и семинаріи съ начальствующими въ кіевскихъ духовно учебныхъ заведеніяхъ, академическіе гости и началствующіе лица г. Кіева тѣсно наполнили настоятельскія келліи лавры, будучи созваны сюда на трапезу высокопреосвященнымъ преемникомъ 1-го русскаго іерарха. Въ числѣ гостей Владыки были г. главный начальникъ края, князь А. М. Дундуковъ-Корсаковъ, командующій войсками кіевскаго военнаго округа Н. Ф. Козляниновъ и генералъ-адъютантъ Тотлебенъ. Щедрое гостепріимство, радушіе высокаго по сану и маститаго лѣтами хозяина-первосвятителя, и отеческое его вниманіе,

---

*) Возрадуемся всѣ, бывшіе нѣкогда юношами. Старость насъ коснулась, но не сокрушила. И такъ возрадуемся!

Да живетъ академія! Да живутъ професоры! И всѣ слушатели, соединенные съ нами союзомъ вѣчной науки!

Всякая жизнь—кратка, а наша—тѣмъ болѣе; неумолимая смерть преслѣдуетъ насъ слишкомъ быстрыми шагами своими.

Гдѣ тѣ, которые нѣкогда жили вмѣстѣ съ нами въ цвѣтѣ лѣтъ? Они съ трудомъ влачатъ бренную ношу свою, или предварили насъ, заплативши долгъ природѣ.

Тебѣ одному Богу слава! Мы доселѣ на ногахъ. Старость насъ тревожитъ; но мы все боремся. И такъ возрадуемся!

которое постоянно, въ теченіе дней юбилейнаго торжества академіи, радовало и умиляло иное епархіальныхъ депутатовъ, сами собою невольно вызывали можетъ быть многихъ обратить благодарную рѣчь къ мудрому руководителю всего академическаго праздника; и къ общему удовольствію, чувства глубокой-истинной всѣхъ признательности къ высокопреосвященному владыкѣ кіевскому достойно выражены въ прекрасной рѣчи, сказанной о. протоіереемъ И. А. Сергіевскимъ. Но не здѣсь еще было отданіе этого, славнаго для Кіева, празднества.

Празднество 50 лѣтія кіевской духовной академіи закончилось, 2-го октября, гостепріимнымъ обѣдомъ у кіевскаго генералъ-губернатора кн. А. М. Дундукова-Корсакова. На этомъ обѣдѣ, послѣ тоста въ за августѣйшаго покровителя русской земли и науки, ректоръ москов. университета Баршевъ сказалъ:

„Матерь городовъ русскихъ, колыбель русскаго православія и вслѣдствіе того и первоначальникъ русскаго просвѣщенія, Кіевъ невыразимо дорогъ всякому Русскому и всякій Русскій о томъ только и думаетъ и того только и желаетъ, чтобъ этотъ дорогой для него городъ былъ русскимъ и чтобы въ немъ и во всемъ краѣ хозяйничали Русскіе. Такова и державная воля Вѣнценосдаго устроителя Русской земли. И таковъ и настоящій исполнитель этой воли, что отъ него смѣло можно ожидать самаго точнаго осуществленія ея. Трудны, князь, обязанности, возложенныя на васъ довѣріемъ нашего Всемилостивѣйшаго Государя, но когда идетъ рѣчь о долгѣ, о чести и цѣлости Русской земли, для Русскаго не существуютъ никакія трудности, тѣмъ менѣе онѣ могутъ существовать для васъ. Кому же и болѣть о Русской землѣ, ея чести и цѣлости, какъ не русскому болярину? Уже самыя первыя дѣйствія ваши по управленію краемъ показали ясно, что онъ находится въ добрыхъ рукахъ. Остается только желать, чтобы онъ подолѣе побылъ въ этихъ рукахъ и чтобы съ васъ, князь, началась для него давно съ нетерпѣніемъ ожидаемая всѣми Русскими новая эра полнаго обрусенія его. За здоровье князя и за успѣхъ всѣхъ его благихъ начинаній и дѣлъ на пользу края и объединеніе его со всею остальною, единою и нераздѣльною Русью.“

Затѣмъ митрополитъ Сербіи, высокопреосвященный Михаилъ, пожелалъ отъ имени славянскихъ братій благоденствія нашему краю и его правителю. Академикъ Погодинъ, въ самой строй-

ственности празднованія великаго событія: въ академіи, у высокопреосвященнаго архипастыря кіевской паствы и у главнаго начальника мѣстной администраціи, указалъ на знаменіе тѣснаго союза науки, церкви и государства въ преслѣдованіи великой цѣли благоденствія нашего края, и пожелалъ полнаго осуществленія этого союза и этого благоденствія. Наконецъ М. А. Максимовичъ завершилъ обѣдъ слѣдующими словамы: „Сегодня мы оканчиваемъ юбилейное празднество кіевской академіи, которая обязана своимъ началомъ достопамятной женѣ Аннѣ Гулевичевнѣ-Лозкиной, а вчера положено было нами начало новому благому дѣлу — основанію кіевскаго отдѣла славянскаго благотворительнаго комитета, объ учрежденіи котораго первая мысль принадлежитъ княгинѣ Надеждѣ Андреевнѣ. Позвольте же мм. гг., предложить тостъ за ея здоровье!“

— *Къ юбилею кіев. академіи.* Въ предыдущемъ № (19-мъ) сообщено объ учреждежденіи при кіев. академіи двухъ стипендій на счетъ городскаго общества. Въ настоящее время имѣемъ возможность передать читателямъ нашимъ текстъ адреса, въ которомъ кіевскимъ градскимъ главою Ф. И. Войтенкомъ заявлено объ этомъ на юбилейномъ актѣ академіи.

„Мы считаемъ кіевскую духовную академію своею родною академіею. Заботы нашихъ дѣдовъ создали и возрастили старѣйшее въ Россіи Кіево-Братское училище. Въ тяжелые для него дни они являлись къ нему съ посильною поддержкою; въ его свѣтлые дни они раздѣляли его торжества и радость. Теплое сочувствіе, какимъ окружали древнюю богоявленскую школу наши предки, видя въ ней оплотъ православія и русской народности,—одно изъ самыхъ дорогихъ преданій нашего города. Мы помнимъ много услугъ, оказанныхъ академіею кіевскому гражданству. Въ ней воспитывались дѣти нашихъ гражданъ, и благодаря ей, даровитѣйшіе изъ нихъ являлись славными дѣятелями на поприщѣ служенія церкви, наукѣ и отечеству. Благодаря ей, сынъ кіевскаго мѣщанина Ѳеофанъ Прокоповичъ сдѣлался знаменитымъ сподвижникомъ Петра Великаго, самымъ сильнымъ и вліятельнымъ іерархомъ и богословомъ XVIII вѣка. Благодаря ей, сынъ бѣднаго ремесленнику кіевскаго, Иванъ Васильевичъ Леванда, явился первенствующимъ протоіереемъ нашего города и славнымъ проповѣдникомъ, собиравшимъ вокругъ себя на поученія цѣлый Кіевъ.

Благодаря ей кіевскій гражданинъ Василій Григоровичъ—Барскій записанъ въ лѣтописяхъ литературы, какъ замѣчательнѣйшій изъ путешественниковъ прошлаго столѣтія. Не перечисляемъ другихъ именъ, равно принадлежащихъ и кіевской академіи и кіевскому обществу; а ихъ немало записано въ исторіи."

„Въ новое время академіи указана особая задача,—специальное служеніе высшему богословскому образованію, а для этой цѣли созывалось въ нее, приготовленное и избранное юношество со всей Россіи. Дѣти нашихъ гражданъ уже не являлись въ ея стѣнахъ слушателями высшихъ богословскихъ наукъ, но наши древнія симпатіи и въ новый перріодъ всецѣло оставались за академіею. Братскій монастырь также милъ и дорогъ намъ, какъ милъ и дорогъ былъ онъ нашимъ предкамъ.

Здѣсь мы слышимъ сильное и образцовое слово назиданія, отсюда ждемъ и получаемъ себѣ пастырей и учителей церковныхъ. Близость къ намъ высшаго духовнаго училища не безъ вліянія остается на наше общество, способствуя сохраненію въ немъ религіозныхъ началъ и убѣжденій, такъ важныхъ для нравственнаго преуспѣнія общества. — Связанные съ академіею нравственно, мы своими людьми считаемъ ея дѣятелей, и радуемся, когда ея воспитанники съ успѣхомъ и славою служатъ церкви и отечеству въ разныхъ предѣлахъ нашего широкаго Царства. Нынѣ академія, не отмѣняя преслѣдуемой ею задачи, приглашаетъ къ себѣ людей всѣхъ сословій для высшаго богословскаго образованія.

„Съ сочувствіемъ принимая это приглашеніе и помня ея заслуги, мы учреждаемъ въ ней двѣ стипендіи и просимъ ее зачислять на эти стипендіи дѣтей нашихъ гражданъ, когда будутъ они обращаться къ ней за высшимъ богословскимъ образованіемъ. Мы надѣемся, что она воспитаетъ изъ нихъ намъ и нашему обществу людей подобныхъ Θеофану Прокоповичу и Іоанну Левандѣ."

„Да живетъ и процвѣтаетъ кіевская академія во славу намъ, во благо церкви православной и нашего любезнаго отечества."

(Кіев. Еп. Вѣд.)

Къ юбилею кіевской духовной академіи.

Въ дополненіе къ сообщеннымъ уже нами свѣдѣніямъ о праздновании 50-ти-лѣтія кіевской духовной академіи,

заимствуемъ изъ «Кіевлянина» подробности о рѣчахъ, сказанныхъ на торжественномъ обѣдѣ, данномъ митрополитомъ Арсеніемъ. Въ «Кіевлянинѣ» пишутъ:

«Когда провозглашенъ былъ тостъ за процвѣтаніе академіи, бывшій профессоръ университета св. Владиміра и первый ректоръ его М. А. Максимовичъ сказалъ одушевленное, отъ души вылившееся слово, въ которомъ, какъ уроженецъ кіевской Руси и старый служитель науки въ краѣ, благодарилъ академію за образованіе, насажденное ею на его родинѣ, и за тѣ незабвенныя въ жизни мгновенія, какія онъ провелъ въ духовномъ общеніи съ знаменитымъ воспитанникомъ-ректоромъ академіи Иннокентіемъ. За нимъ говорилъ протоіерей Н. А. Ѳаворовъ (бывшій воспитанникъ и профессоръ академіи, а теперь профессоръ богословія въ университетѣ), проводившій въ своихъ словахъ мысль о необходимости уничтоженія розни между университетскою и академическою наукой. Мысль эту поддержали и развили въ своихъ рѣчахъ ректоръ московскаго университета С. И. Баршевъ и академикъ М. П. Погодинъ; а профессоръ богословія въ московскомъ университетѣ, протоіерей Сергіевскій прекрасно и убѣдительно старался показать, что такая рознь едва-ли была и существуетъ въ дѣйствительности.»

(Совр. Лист.)

Разсказъ о возсоединеніи уніатовъ съ православною церковію 1).

По смерти греко-уніатскаго архипастыря Іосафата Булгака, на мѣсто его въ греко-уніатской духовной коллегіи покойный Государь Николай Павловичъ назначилъ старшаго изъ уніатскаго духовенства, тогда уже епископа литовскаго — Іосифа. Дѣятельности его открылось тогда широкое поприще и благая мысль преосвященнаго, благодаря его неутомимому усердію, быстро зрѣла и распространялась въ средѣ тогдашняго уніатскаго духовенства, такъ что 12-го февраля 1839 года, когда церковь наша праздновала

1) Въ дополненіе къ біографіи высокопреосвященнѣйшаго Іосифа, митрополита литовскаго. См. Вол. Еп. Вѣд. № 1, стр. 21—24.

недѣли православія, то есть, въ первое воскресеніе великаго поста, собрались въ Полоцкѣ всѣ уніатскіе въ Россіи епископы и вмѣстѣ съ прочимъ духовенствомъ подписали актъ (всего 1305 подписей, священниковъ и монашествующей братіи), въ которомъ, изъяснивъ чистосердечное желаніе свое принадлежать къ прародительской церкви своей, положили просить Государя о повелѣніи привести ихъ желаніе въ исполненіе. Актъ этотъ, при всеподданнѣйшемъ прошеніи, они предоставили старшему изъ нихъ, литовскому епископу Іосифу, отвезти въ столицу и представить на Высочайшее воззрѣніе, чрезъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, графа Протасова. Покойный Государь Николай Павловичъ повелѣлъ представленный ему актъ съ приложеніями внести въ Синодъ на разсмотрѣніе и сообразное съ правилами святой Церкви постановленіе. Возблагодаривъ Бога за это радостное событіе, Синодъ опредѣлилъ: „по правиламъ и примѣрамъ святыхъ отецъ принять епископовъ, священство и всю паству бывшей доселѣ греко-уніатской церкви въ полное и совершенное общеніе святой православно-каѳолической восточной церкви и въ нераздѣльный составъ церкви всероссійской и таковое синодальное дѣяніе поднести Государю при всеподданнѣйшемъ докладѣ.“

25 марта, въ праздникъ Благовѣщенія и на канунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенія, Государь утвердилъ докладъ Синода собственноручною резолюціею: „благодарю Бога и принимаю“ — и тихо раздалось благовѣстіе, что многочисленное въ западныхъ губерніяхъ нашихъ духовенство и народъ уніатскаго обряда воскресли къ новой жизни, въ тѣснѣйшемъ духовномъ соединеніи съ древнею вселенскою Церковію Христовою и съ древнимъ своимъ русскимъ отечествомъ.

30 марта, когда въ полномъ собраніи Синода сдѣлано постановленіе о приведеніи Монаршей воли въ исполненіе, оберъ-прокуроръ ввелъ въ засѣданіе преосвященнаго литовскаго Іосифа. Первенствующій членъ Синода, тогдашній митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій Серафимъ, отъ имени всероссійской церкви, привѣтствовалъ представителя возсоединеннаго духовенства съ вожделѣннымъ событіемъ и вручилъ ему синодальную грамоту къ возсоединеннымъ епископамъ и духовенству, а митрополитъ московскій и коломенскій Филаретъ прочелъ Высочайше утвержденныя положенія Синода о переименованіи греко-уніатской духовной кол-

логии въ бѣлорусско-литовскую и о бытіи ему, Іосифу, предсѣдателемъ оной, съ возведеніемъ его въ санъ архіепископа. Преосвященный Іосифъ съ своей стороны принесъ святѣйшему Синоду благодареніе отъ лица возсоединенныхъ, и, по взаимномъ цѣлованіи, всѣ совокупно отправились въ синодальную церковь, гдѣ совершено благодарственное Господу Богу молебное пѣніе, въ которомъ участвовали архипастыри: Новгорода, Кіева, Москвы, Казани, Пскова, Литвы... Подобныя же торжественныя богослуженія повторялись и среди возсоединенныхъ епархій, съ тою разницею, что въ нихъ приняли участіе громадныя массы возсоединеннаго изъ уніи народа; такъ въ величественномъ сослуженіи обоего духовенства, собиравшагося въ числѣ 50 и 80 и даже 150 однихъ священниковъ, совершены молебствія въ Витебскѣ, Полоцкѣ, Велижѣ, Суражѣ, Оршѣ, Минскѣ, Вильнѣ, Жировицахъ и другихъ мѣстностяхъ. Вездѣ возсоединенная паства тѣснилась принимать благословеніе отъ сослужащихъ архипастырей, которые должны были, выходя изъ церквей, иногда по цѣлому часу идти пѣшкомъ, чтобы удовлетворять ея умилительному усердію.

(Мин. Губ. Вѣд.)

Празднованіе памяти Гусса въ С.-Петербургѣ.

По словамъ „Биржевыхъ Вѣдомостей,“ въ субботу, 23 авг., въ день пятисотъ-лѣтняго юбилея чешскаго мученика Яна Гусса, вечеромъ, въ гостиницѣ „Сербія,“ собрались проживающіе въ Петербургѣ чехи, моравяне, галицкіе и угорскіе (венгерскіе) русскіе, сербы и черногорцы, чтобы отпраздновать вмѣстѣ этотъ вечеръ, когда въ Прагѣ и Гусинцѣ происходило торжественное празднество, на которомъ участвовали представители всѣхъ славянскихъ народовъ: русскіе, чехи, сербы, болгары, словаки, хорваты и даже поляки. Это скромное общество проживающихъ здѣсь славянъ пѣло чешскія, русскія и сербскія патріотическія и народныя пѣсни, между прочимъ: „*Гдѣ домувъ муй*“ и „Гуситскую пѣсню.“ Не задолго до полуночи появилась чаша (kalich — по чешски) съ краснымъ виномъ, и самый старшій лѣтами изъ собравшихся, г. Шрамекъ, произнесъ по поводу празднества прекрасную рѣчь о значеніи Гусса и *калиха* (чаши), полученнаго чехами отъ св. Кирилла и Меѳодія, и въ заключеніе предложилъ,

во славу и память чешскаго мученика и общеславянскаго дѣятеля, всѣмъ присутствующимъ, по гуситскому обычаю, пить поочереди изъ принесенной чаши въ доказательство братства и единства. Во время перехода чаши изъ рукъ въ руки, гости пѣли „многая лѣта," и даже произносились различные тосты въ родѣ „Калихомъ къ единству!" или „Калихомъ къ объединенію всѣхъ словянъ!" и проч. Это былъ трогательный моментъ! Умилительно было видѣть, какъ братья-славяне изъ разныхъ земель славянскаго міра: изъ гористой Черногоріи, изъ Чехіи и Моравіи, изъ Угорщины, изъ Галичины и съ Балканскаго-Полуострова, собравшіеся въ одномъ мѣстѣ, всѣ пили гуситскимъ обычаемъ изъ одной и той же чаши. Послѣ того были посланы телеграммы: одна отъ чеховъ и моравянъ, другая отъ русскихъ изъ Галичины и Угорщины и третья отъ сербовъ—въ Прагу, на имя комитета, учрежденнаго по случаю гусова юбилея. Затѣмъ немночисленное общество славянъ, собравшееся въ гостиницѣ „Сергія," спѣло гуситскій хоралъ временъ XV вѣка; и все это импровизированное празднество заключилось въ полночь пѣснею: „Гей славяне!", которую гости пропѣли хоромъ. *(Кіев. Вѣст.)*

Новости изъ Рима.

Приготовленіе къ вселенскому собору, поглощающія все вниманіе Рима.—Стремленіе папства покрѣпче стянуть узду, которою оно такъ долго управляло судьбами міра.—Движеніе въ средѣ либеральныхъ католиковъ и франкъ-масоновъ.—Интересная статистика папъ.

Стукъ молотковъ и пилъ раздается въ соборѣ св. Петра и ясно говоритъ всякому входящему о томъ усердіи, съ какимъ ведутся работы въ большой залѣ, предназначаемой для пріема отцевъ церкви, имѣющихъ собраться на вселенскій соборъ. Деревянныя доски, покрытыя парусиною, скрываютъ отъ глазъ боковыя капеллы, посвященныя св. Михаилу и Благовѣщенію Пресвятой Маріи и предназначаемыя для частныхъ совѣщаній. Около гробницы св. Петра отверстіе во временной перегородкѣ позволяетъ видѣть главную залу засѣданій, занимающую всю сѣверную часть главнаго корпуса зданія. Въ глубинѣ ея уже возвышаются широкія ступени лѣстницы, ведущей на платформу, на которой будутъ устроены полукругомъ мѣста для кардиналовъ и въ срединѣ тронъ папы. Почтенная коллегія съ папою займетъ всю эстраду. По сторо-

немъ ея около стѣнъ стоятъ лѣса, закрывающіе епископскія мѣста, которыя будутъ возвышаться амфитеатромъ въ 7 ступеней. Широкія удобныя лѣстницы ведутъ къ этимъ мѣстамъ и раздѣляютъ весь амфитеатръ, возвышающійся футовъ на 7 или 8, на 6 отдѣленій. Четыре сѣверныя уже почти отдѣланы. Въ высокихъ боковыхъ придѣлахъ, которые изъ главнаго зданія ведутъ въ вышеупомянутыя капеллы, возвыщаются съ каждой стороны до самаго потолка по три громадныя колонны, состоящія изъ четырехугольныхъ балокъ и покрытыя досками. Онѣ, по видимому, предназначаются для поддержки украшеній, состоящихъ изъ ковровъ и картинъ, которыя далѣе пойдутъ вдоль стѣнъ и примирятъ оффиціальный характеръ залы засѣданій съ требованіями ея архитектоническихъ формъ. Пустое пространство посрединѣ представляетъ еще полнѣйшій хаосъ: бревна, доски, огромные лѣса, плотничьи инструменты, стружки—все это покрываетъ то мѣсто, въ сѣверной части котораго будетъ возвышаться ораторская трибуна, а ближе къ куполу, между папскимъ трономъ и исповѣдальнею, предполагается поставить высокій жертвенникъ. Мѣсто, назначаемое для епископскихъ теологовъ, для стенографовъ и прочихъ лицъ, скромно скрывается отъ глазъ въ темнотѣ боковыхъ придѣловъ. Къ сожалѣнію, опытъ доказалъ, что стенографы оттуда ничего не услышатъ, что будетъ говориться на ораторской трибунѣ.

Но папа, по видимому, весь поглощенъ мыслію о наружномъ великолѣпіи залы засѣданій, которая будетъ разукрашена роскошнѣе, чѣмъ бывали когда либо подобныя залы. Не говоря уже о шелковыхъ матеріяхъ всевозможныхъ цвѣтовъ, благочестивыя барыни изготовляютъ самыя изящныя работы, преимущественно шитье золотомъ, такъ что обойщики затрудняются, куда все это помѣстить. Пій IX имѣетъ слабость обращать во всемъ вниманіе преимущественно на наружный блескъ. Ватиканская библіотека сильно пострадала отъ его страсти къ роскоши и гоньбѣ за модою; онъ велѣлъ настлать холоднымъ мраморомъ ея древній полъ и замѣнилъ пестрыя книгохранилища временъ Пія V шкапами краснаго дерева, потому что зимою въ солнечные дни любитъ тамъ прогуливаться. Всѣ реставрированныя имъ церкви напоминаютъ громадныя уборныя залы. Римляне не могутъ простить ему метаморфо-

зу Ватикана и называютъ ее варварствомъ. Жандармы бдительно охраняютъ stalli, оффиціальное названіе сѣдалищъ епископовъ собора, противъ злонамѣренныхъ ковъ. Они пытливо слѣдятъ глазами за каждымъ, входящимъ въ церковь; бдительность эта, само собою разумѣется, обращена противъ своихъ соотчичей, потому что иностранцамъ, конечно, не могутъ придти въ голову никакіе злые умыслы. Каждый изъ пріѣхавшихъ епископовъ привезъ съ собою деньги, собранныя въ его епархіи въ пользу лепты апостола Петра. Помимо этихъ пожертвованій, навезено не мало подарковъ лично папѣ. Подарки эти, безъ сомнѣнія, привезены отъ чистаго сердца; но нельзя не сказать, что иные изъ нихъ болѣе чѣмъ странны. Такъ, одинъ американскій прелатъ привезъ обезьяну и 12 попугаевъ, для развлеченія папы въ часы досуга. Сатирики видятъ въ этомъ злую насмѣшку на предстоящій соборъ и ѣдкую иронію на его совѣщанія. Опустѣвшій на нѣкоторое время Римъ, въ слѣдствіе тропическихъ жаровъ, начинаетъ снова оживляться. Послѣ недавнихъ, частыхъ грозъ, освѣжившихъ воздухъ, настала прекрасная, теплая погода, привлекающая въ Римъ множество иностранцевъ. Безпрестанно ходятъ слухи о прибытіи высокихъ сановниковъ церкви изъ самыхъ отдаленныхъ странъ. Въѣзжая въ Римъ и глядя на историческую, покрывающую его пыль, на эту нестройную сѣроватую массу, составляющую вѣчный городъ, чувствуешь какое то разочарованіе. Но это только первое впечатлѣніе привыкшаго къ внѣшнему блеску и изяществу глаза. Поглубже вглядѣвшись въ этого двутысячелѣтняго исполина, нельзя не быть пораженнымъ тѣмъ величіемъ, которое невольно соединяется въ воображеніи каждаго съ однимъ именемъ «вѣчнаго города», начало котораго теряется въ отдаленіи вѣковъ, и о концѣ котораго въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій никто не могъ думать, не связывая его съ концемъ всего живущаго. За изреченіемъ Виргилія «Tu regere imperio populos Romane, memento» послѣдовало другое, такое же вѣрное: «Roma caput mundi regit orbis frena rotundis.» И эту то узду, при помощи которой Римъ въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ управлялъ судьбами міра, которою онъ сдерживалъ всякую умственную жизнь, эту узду онъ до сихъ поръ держитъ въ рукахъ и старается покрѣпче затянуть ее, желая испытать, могутъ ли народы опять склониться подъ его

ярмо. Когда впервые въ іюнѣ 1867 г. было возвѣщено о созваніи вселенскаго собора, извѣстіе это быстро облетѣло міръ и возбудило движеніе умовъ, которое дѣлается все сильнѣе, чѣмъ ближе приближается 8 декабря. Еще ни одинъ соборъ не возбуждалъ столько различныхъ ожиданій. Рядомъ съ благочестивыми пожеланіями и предположеніями слышатся выходки самой злой сатиры. Епископъ Нима сказалъ однажды, что созваніе собора есть «самый неожиданный и самый смѣлый шагъ» папы Пія IX. Исторія католической церкви насчитываетъ столько вселенскихъ соборовъ, сколько вѣковъ своего существованія, и, однако, теперь созваніе собора называютъ смѣлымъ шагомъ и приготовляются къ борьбѣ, къ противорѣчіямъ, даже къ потерѣ многихъ иллюзій. Не входя въ разсужденія о догматической и религіозной сторонѣ мнѣній о предстоящемъ соборѣ, нельзя не видѣть, что просвѣщенные и преданные религіи католики въ правѣ надѣяться, что съѣздъ такого большаго количества отцевъ церкви изъ всѣхъ частей католическаго міра долженъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ религіи и отдалиться отъ всякаго пристрастія и односторонности. Несомнѣнно, что ультракатолическая партія, поднимающая въ настоящее время такой сильный шумъ, встрѣтитъ опасную оппозицію, особенно въ средѣ германскаго и французскаго духовенства. Уже священники, которыхъ французскіе ультрамонтаны называютъ «галликанами» и «схизматиками», желающіе болѣе свободнаго положенія французской церкви, нежели этого хочетъ Римъ, начинаютъ вооружаться для борьбы, и патеръ Гіацинтъ, любимѣйшій проповѣдникъ Парижа, былъ на столько храбръ, что первый бросилъ перчатку. Патеръ Гіацинтъ, подобно ораторамъ, разсылаемымъ іезуитами, оказывалъ особенную притягательную силу на прекрасный полъ Парижа; но средства, употребляемыя имъ, характеръ и воззрѣнія его совершенно разнилось отъ іезуитисма. Вліяніе его было безпримѣрно, и, взирая на опустѣвшую Notre-Dame,—церковь, въ которой обыкновенно говорилъ свои проповѣди патеръ Гіацинтъ, невольно приходитъ въ голову: «Для Рима наступила осень; лучшіе листья его дерева опадаютъ!» Между тѣмъ папа затыкаетъ уши и пожимаетъ плечами передъ заявленіями либеральныхъ католиковъ, хотя нельзя сказать, чтобы заявленія эти не безпокоили его in petto. Если либералисмъ зара-

зить массу епископовъ и духовенства, какъ этого боялись недавно въ апостолическомъ дворцѣ, господамъ іезуитамъ трудно будетъ осуществить свои планы. Все вооружается противъ притязаній папства, даже въ средѣ мирныхъ франкъ-масоновъ начинается движеніе. Масоны напередъ знаютъ, что папа снова проклянетъ ихъ, какъ еретиковъ, на вселенскомъ соборѣ. Но это для нихъ неважно; гораздо серіознѣе то, чтобы, воспользовавшись случаемъ, возвѣстить міру о своемъ существованіи, чтобы всѣ знали, какіе люди и какіе принципы подвергаются проклятію «единаго спасающаго». Въ день собранія вселенскаго собора, въ Парижѣ соберется конвентъ франкъ-масоновъ, который издастъ манифестъ, долженствующій объяснить цѣль этого общества. Франкъ-масонское начальство не особенно благопріятно относится къ этому дѣлу; но ложи самостоятельны и на этотъ разъ хотятъ воспользоваться данною имъ властію. Въ скоромъ времени должны появиться въ Парижѣ «Письма о вселенскомъ соборѣ» г. Петручелли де ла Гаттина. Онъ сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующую интересную статистику папъ: «папство со времени Симона, называемаго Петромъ, до Пія IX имѣло двѣсти девяносто три представителя, называемыхъ папами. Тридцать одинъ изъ этихъ главъ церкви считались узурпаторами—антипапами, въ родѣ того, какъ бурбоны называютъ узурпаторомъ Наполеона I, а Пій IX короля Виктора-Эммануила. Изъ двухъ сотъ шестидесяти двухъ папъ, считающихся законными, двадцать девять умерли насильственною смертію и имѣютъ такое же право называться *мучениками*, какъ Мадзини, если бы онъ былъ пойманъ и повѣшенъ королемъ Карломъ Альбертомъ, или Гарибальди, если бы съ нимъ поступлено было такимъ образомъ послѣ его высадки въ Марсалѣ. За тѣмъ тридцать пять папъ умерло по слѣдующимъ причинамъ: восемнадцать черезъ отравленіе; четыре папы были зарѣзаны; остальные тринадцать умерщвлены различными способами, а именно: Стефанъ VII удавленъ, Левъ III и Іоаннъ XVI изуродованы, изувѣчены, Іоаннъ X задушенъ, Венедиктъ VI повѣшенъ, Іоаннъ XIV и Григорій XVI уморены голодомъ, Лука II побитъ каменьями, Григорій VIII умеръ, сидя въ желѣзной клѣткѣ, Целестинъ V умерщвленъ съ помощію гвоздя, вбитаго въ черепъ, Бонифацій VIII кончилъ жизнь самоубійствомъ, Климентъ V сожженъ на смерт-

номъ одрѣ, Урбанъ VI упалъ съ лошади и расшибся до смерти, Павелъ II погибъ отъ тяжести своей тіары. Пій IV умеръ въ объятіяхъ женщины. Итого шестьдесятъ четыре папы умерли, какъ говорится, не своею смертію. Сюда слѣдуетъ присоединить еще двадцать папъ, умершихъ скоропостижно, въ слѣдствіе огорченія отъ несбывшихся надеждъ. Двадцать шесть папъ были низвергнуты, изгнаны или сосланы, не считая авиньонскихъ папъ. Тридцать пять папъ были еретиками, изъ нихъ тринадцать не вѣрили въ божество Іисуса Христа, девятнадцать ложно толковали догматъ поклоненія св. иконамъ. Къ числу остальныхъ принадлежитъ самъ Григорій VII, сильно склонявшійся къ доктринѣ Беранже, этого ужаснаго приверженца лютеранства. Многіе папы были обвинены въ убійствѣ. Левъ V былъ женщина. Двадцать восемь папъ призвали въ Италію иностранцевъ для того, чтобы удержать за собою свои престолы, къ числу послѣднихъ принадлежитъ Пій IX, призывавшій австрійцевъ, испанцевъ, французовъ, неаполитанцевъ, Фердинанда II, черныя шайки Ламорисьера, бригады Франциска II, волонтеровъ католическаго міра и даже еретиковъ, которые и понынѣ составляютъ его армію. Николай III начинаетъ рядъ папъ непотистовъ. Короче девяносто папъ умерли насильственною смертію или же изгнаны, низложены, сосланы. Тридцать пять заслуживали ту же участь будучи не вѣрны признавшему ихъ учрежденію. Двадцать восемь подверглись бы такому же наказанію, если бы ихъ не спасли отъ этого иностранные штыки. Такимъ образомъ изъ двухъ сотъ шестидесяти трехъ законныхъ папъ сто пятьдесятъ три папы оказываются недостойными своего званія. Какая династія, какое учрежденіе въ мірѣ имѣетъ подобную исторію? А между тѣмъ теперешняго представителя этой корпораціи вселенскій соборъ намѣренъ признать непогрѣшимымъ, а самое учрежденіе, имѣющее такихъ представителей, возвести на степень догмата»!

(Веч. Газ.)

Брошюра „Папа и вселенскій соборъ."

Въ Лейпцигѣ недавно появилась интересная брошюра подъ заглавіемъ „Папа и вселенскій соборъ." Авторъ ея — Янусъ.

Эта литературная новость нанесетъ чувствительный ударъ ультрамонтанству, тѣмъ болѣе что она написана благочестивымъ католикомъ. Книжка имѣетъ въ виду важную церковно-политическую цѣль; это „актъ вынужденной защиты, апелляція къ мыслящимъ между вѣрующими христіанами, протестъ противъ грознаго будущаго, противъ программы могущественной коалиціи, для осуществленія которой день и ночь работаютъ тысячи рукъ.“ Авторъ открыто признаетъ себя представителемъ того либеральнаго направленія въ римско-католической церкви, которое на худомъ счету у римской куріи и іезуитовъ. Онъ полагаетъ, что въ римско-католической церкви необходимо произвести рѣшительное и радикальное преобразованіе. Для него католическая церковь ни въ какомъ случаѣ не тождественна съ папизмомъ, и онъ знать не хочетъ объ универсальномъ царствѣ насилія и гнета; онъ вообще отвергаетъ то ученіе и устройство церкви, которыя „нынѣ выдаются господствующей партіей за единственно истинныя, за послѣдній спасительный якорь, безъ котораго человѣчество должно погибнуть.“ Брошюра особенно сильно возстаетъ противъ непогрѣшимости папы, которую въ Римѣ стремятся возвести теперь въ религіозный догматъ и которая въ такомъ случаѣ съ одной стороны будетъ парализировать всякое умственное движеніе и научную дѣятельность въ римско-католической церкви, а съ другой — установитъ между этой церковью и другими религіями новую и притомъ неразрушимую преграду.

Римъ. Въ Gazetta del Popolo пишутъ изъ Рима, что манифестъ патера Гіацинта произвелъ на Пія IX глубокое впечатлѣніе; вслѣдствіе чего римская курія раздѣлилась на двѣ партіи: одна совѣтуетъ папѣ отсрочить засѣданія вселенскаго собора; другіе же, напротивъ, стараются вызвать его на совершенно противоположную демонстрацію. Папа вообще весьма недоволенъ іезуитами, по совѣту и настоятельнымъ требованіямъ которыхъ онъ рѣшился созвать соборъ.

А въ газетѣ «Nord» пишутъ: Телеграфъ извѣстилъ надняхъ, что согласно письму, адресованному папой къ архіепископу вестминстерскому, протестанты не будутъ допущены на вселенскій соборъ. Это извѣстіе трудно было согласить съ приглашеніемъ, ра-

зосланнымъ нѣкогда Піемъ IX къ главамъ всѣхъ не-католическихъ церквей—присутствовать на духовномъ собраніи, имѣющемъ быть въ декабрѣ мѣсяцѣ. Телеграфъ—какъ это случается весьма часто—не точно выразился. Какъ видно изъ самаго письма папы къ доктору Миннингу, протестантамъ не воспрещаютъ безусловно присутствовать на соборѣ, но уже вслѣдствіе самаго участія въ совѣщаніяхъ этого собранія, ихъ будутъ считать отрекшимися въ лоно римской церкви.

Мы не могли пригласить не католиковъ къ участію въ нашихъ совѣщаніяхъ—говоритъ Пій IX; мы ихъ только убѣждали воспользоваться удобнымъ случаемъ, представлявшимся имъ въ этомъ соборѣ, которымъ католическая церковь являетъ новое доказательство своего тѣснаго единства и своей несокрушимой жизненности, чтобы удовлетворить потребности своихъ душъ, избавивъ ихъ отъ того состоянія, въ которомъ они не могутъ быть увѣрены въ своемъ спасеніи.»

Можно было-бы подумать, что римскій первосвященникъ, приглашая диссидентовъ на соборъ, надѣялся возвратить нѣкоторыхъ изъ нихъ въ лоно католической церкви, послѣ свободнаго и всесторонняго обсужденія спорныхъ догматовъ. Письмо къ архіепископу вестминстерскому, показываетъ, что это мнѣніе было ошибочно. По мнѣнію Пія IX, уже самый фактъ созванія собора долженъ былъ обратить не-католиковъ въ римскую вѣру—предположеніе, весьма нелестное для тѣхъ, къ кому оно относится,—такъ какъ оно слишкомъ легко смотритъ на ихъ религіозныя убѣжденія. Въ этомъ смыслѣ приглашеніе участвовать на соборѣ—есть почти оскорбленіе, и прочитавъ письмо къ доктору Маннингу, тѣ не-католическіе духовные іерархи, которые отказались принять изъ рукъ посланныхъ папы пригласительную буллу, могутъ поздравить себя съ своимъ рѣшеніемъ. Извѣстно, что такъ поступили всѣ іерархи греко-восточной церкви.“.

Еще о желаніи англичанъ присоединиться къ восточной церкви.

Къ числу тѣхъ неотрадныхъ явленій, какія приходится встрѣчать въ нашемъ обществѣ, нельзя не отнести того равнодушія, съ какимъ относится оно къ вопросамъ церковной жизни. Совершись

такой великій переворотъ въ жизни духовенства, какой теперь происходитъ у насъ, въ какомъ либо изъ западно-европейскихъ государствъ, и его каждодневно обсуждали бы въ газетахъ, о немъ трактовали бы въ кофейняхъ и ресторанахъ, о немъ издали бы десятки брошюръ, а у насъ объ этомъ вопросѣ почти и помину нѣтъ. Тихо, келейно произошло его рѣшеніе; тихо же и незамѣтно приводится это рѣшеніе и въ дѣло. Вотъ и еще не менѣе важный вопросъ стучится въ дверь—вопросъ о присоединеніи англичанъ къ православію, а наша публика опять равнодушна. Отъ насъ требуютъ отвѣта на давно заданные намъ вопросы, а мы едва подозрѣваемъ о существованіи самыхъ вопросовъ. Еще въ прошломъ году г. Овербекъ издалъ на нѣмецкомъ языкѣ брошюру, переведенную и на русскій языкъ: „Православная каѳолическая церковь: протестъ противъ папской церкви и приглашеніе къ основанію каѳолическихъ національныхъ церквей,"—въ которой излагалъ условія, на которыхъ многіе изъ англичанъ желали бы принять православіе, именно: оставленіе за ними всѣхъ обрядовъ ихъ церкви и вообще оставленіе западнаго характера церкви. „Если римская церковь, говорилось въ этой брошюрѣ, могла образовать уніятскую греческую церковь, почему же православная церковь не могла бы воззвать къ жизни уніятскую западную церковь? Но по сердцу ли будетъ подобный планъ православной церкви? Подождемъ, что она скажетъ". Но брошюра эта теперь у насъ почти забыта, а надъ этимъ вопросомъ келейно трудится, говорятъ, особенный комитетъ изъ двухъ извѣстныхъ ученостію протоіереевъ и двухъ профессоровъ здѣшней духовной академіи. Что сдѣлано въ этомъ комитетѣ, неизвѣстно. Въ очень недавнее время Овербекъ издалъ новую брошюру: „Die Providentielle Stellung des orthodoxen Russland und sein Beruf zur Wiederherstellung der Rechtgläubigen Katholischen Kirche des Abendlandes." *(Цѣли Промысла въ назначеніи мѣста для православной Россіи и ея призваніе къ возстановленію на западѣ православной каѳолической церкви)*, гдѣ съ еще большею, чѣмъ прежде, полнотою и основательностію доказываетъ превосходство православной церкви предъ латинскою и съ еще большею, чѣмъ прежде, настойчивостію требуетъ рѣшенія предложеннаго вопроса о возможности присоединенія на высказанныхъ условіяхъ. Неужели и настоящую брошюру ожидаетъ такой же пріемъ, какъ и ея предше-

ственницу? Если такъ, то мы рискуемъ на этотъ разъ съ одной стороны впасть въ ошибку, а съ другой—потерять тысячи желающихъ присоединенія. Какъ можетъ это случиться, объясняетъ брошюра: она говоритъ, что помимо партіи Овербека, желающей сохранить западный характеръ церкви, есть другая, которая хотя и предлагаетъ готовность полнаго соединенія даже въ обрядахъ, но которая, кромѣ того, что не имѣетъ у себя настоящей почвы въ Англіи, дѣйствуетъ невполнѣ будто бы по искреннимъ побужденіямъ, а съ примѣсью политическихъ разсчетовъ. „Да будетъ позволено, говоритъ г. Овербекъ, открыто и прямо сказать, что планъ г. Гатерли вреденъ и негоденъ. Ни одинъ врагъ православія не можетъ сдѣлать большаго вреда, чѣмъ сколько принесетъ слѣпая ревность г. Гатерли.“ Слѣдовательно, не подвергнись этотъ планъ самому строгому суду общественнаго мнѣнія, и онъ, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть полный успѣхъ, а партія, дѣйствующая болѣе искренно, можетъ перейдти на сторону или католицизма или протестантизма. „Будь нашъ планъ устраненъ, и Римъ поглотитъ значительную часть нашихъ петентовъ“, замѣчаетъ Овербекъ. И такъ намъ предстоятъ теперь двѣ трудныя задачи: первая та, чтобы изслѣдовать, на сколько искренно дѣйствуетъ партія Гатерли, и вторая та, какъ отнестись къ предложенію партіи Овербека. Что касается рѣшенія первой задачи, то оно не очень трудно. Если партія эта дѣйствуетъ не вполнѣ искренно, то при внимательномъ наблюденіи это не замедлитъ открыться. Иное дѣло — другая задача — предложеніе Овербека. Какъ ни убѣдительны доводы, представляемые этимъ послѣднимъ, какъ ни странно дѣйствительно дѣлать изъ обычая, обряда препятствіе къ соединенію, тѣмъ не менѣе, нельзя не задуматься надъ послѣдствіями, которыя могутъ выйдти изъ такого соединенія. Прежде всего, что скажетъ на это нашъ простой вѣрующій народъ, который далеко еще не возвысился до того, чтобы не ставить обрядъ наравнѣ съ сущностію самой вѣры? Слѣдовательно, не подвергнемъ ли мы себя опасности, пріобрѣтая тысячи чужихъ, отторгнуть отъ себя милліоны своихъ? Какъ ни далеки мы отъ мысли о безусловномъ порицаніи всѣхъ обрядовъ латинской церкви, тѣмъ не менѣе мы никакъ не можемъ допустить, чтобы поставить эти обряды въ уровень съ обрядами церкви восточно-православной. Эта послѣдняя, пребывая вѣрною завѣщаннымъ ей истиннымъ

вѣры, осталась вѣрною и завѣщаннымъ ей обрядамъ, тогда какъ первая, дозволивъ себѣ произволъ въ отношеніи къ догматамъ вѣры, съ еще большимъ произволомъ отнеслась къ области обрядовой 1). Какъ дурная зараженная посуда портитъ всякое вещество, какое вы въ него ни влейте, такъ точно и зараженные произволомъ обряды не могутъ не повліять на чистоту самой вѣры. Возьмемъ для примѣра болѣе общее и болѣе наглядное явленіе. Отчего среди настоящихъ римско-католиковъ такъ много ханжества, напускнаго лицемѣрія, этого механическаго, безсодержательнаго упражненія въ дѣлахъ благочестія, которыя такъ сильно подрываютъ искренность, сердечность вѣры? Очевидно не отъ чего инаго, какъ отъ того, что здѣсь придано ложное значеніе обряду, что въ немъ поставлено главное условіе спасенія,—словомъ отъ того, что нѣтъ должной гармоніи между обрядомъ и вѣрою, что обрядъ служитъ не тѣмъ для вѣры, чѣмъ онъ долженъ быть по ученію нашей церкви. Вотъ эти то опасенія и являются намъ при размышленіи надъ предложеніемъ Овербека. Конечно, быть можетъ, опасенія наши и напрасны, но при внимательномъ обсужденіи дѣла нельзя пренебрегать никакими соображеніями. Желательно было бы, чтобы комитетъ, обсуждающій этотъ вопросъ, время—отъ времени знакомилъ православное общество съ результатами своихъ совѣщаній. Ни та, ни другая партія не сидятъ, сложа руки. Представитель оріентальной партіи находится въ Россіи и слѣдовательно дѣйствуетъ; представители другой партіи, кромѣ того, что отправили прошеніе къ нашему Стноду, изготовили все, что необходимо для присоединенія и только ждутъ нашего слова.

Что касается обращенія Овербека къ славянамъ, сдѣланнаго въ этой брошюрѣ, то намъ кажется, что оно, при всей своей основательности, преждевременно. Славяне такъ заняты своими политическими интересами, что рѣшительно утратили всякую воспріимчивость къ другимъ интересамъ, особенно церковнымъ. Даже тогда, когда самыя обстоятельства заставляли ихъ вникнуть въ эти интересы, и тогда они не хотѣли ничего видѣть, кромѣ тѣхъ интересовъ, которыми они заняты. Это доказали намъ два случая: во

---

1) Нашему народу нѣтъ никакого дѣла, да онъ и вовсе необратитъ вниманія какіе чуждые ему англичане принимаютъ или отрицаютъ обряды въ ихъ религіи—отесаться ровно нечего.

первыхъ исторія съ конкордатомъ; во вторыхъ праздникъ въ честь Гуса. Въ первомъ случаѣ она рѣшились лучше сдѣлаться защитниками системы папства, чѣмъ пожертвовать хоть чѣмъ нибудь изъ своихъ политическихъ интересовъ; во второмъ, они всячески старались устранять все, что могло бы придать торжеству церковный характеръ. Впрочемъ, мы говоримъ только о настоящемъ времени.

Нельзя не сказать, наконецъ, нѣсколько словъ о самой брошюрѣ вообще. Несмотря на свою краткость, она превосходитъ своимъ достоинствомъ всѣ предшествовавшія брошюры Овербека. Какъ глубоко и мѣтко проникаетъ онъ въ назначеніе Россіи въ отношеніи къ западу вообще и славянамъ въ особенности! „Не для того ли, говоритъ онъ, Провидѣніе сохранило Россію вѣрною православной вѣрѣ, чтобы быть ей посредствующимъ членомъ между востокомъ и западомъ? Не для того ли поставило ее въ постоянныя сношенія съ западомъ, чтобы она пріобрѣла чрезъ это ясное понятіе о западномъ воззрѣніи, оцѣнила его, равно какъ и сохранила себя отъ восточнаго самодовольства и западнаго тщеславія? Не для того ли Провидѣніе соединило подъ однимъ скиптромъ вмѣстѣ съ православными римско-католиковъ и протестантовъ, чтобы провести наглядную параллель между главными тремя исповѣданіями и доставить православной истинѣ блистательнѣйшую побѣду?“ Въ сохраненіи этой православной истины онъ видитъ главную причину, почему Россія, несмотря на свою обширность, несмотря на обиліе враговъ, не только не распадается, но все болѣе крѣпнетъ. „Россія, говоритъ онъ, живетъ и преуспѣваетъ только чрезъ православную истину и въ ней; она ея душа, ея жизненный принципъ, жизненный сокъ въ ея жилахъ, мозгъ въ ея костяхъ.“ Особенно хорошо характеризуетъ онъ отношеніе церкви къ государству съ одной стороны и отношеніе царя къ подданнымъ съ другой. Въ первомъ случаѣ ему особенно нравится то взаимное уваженіе и довѣріе, съ какимъ относятся церковь и государство другъ къ другу. Какъ государь почитаетъ церковь и повинуется ея предписаніямъ, такъ и церковь чтитъ государя, какъ отца подданныхъ своихъ. „Всемогущій государь, говоритъ онъ былъ бы слабъ, какъ дитя, если бы оставилъ православіе или возставалъ противъ него.“ Только эту религіозно-политическую основу православной Россіи, только это отношеніе царя къ своему народу,

какъ отца къ дѣтямъ, онъ и находитъ истинно вѣрными и только въ немъ и видитъ залогъ настоящаго и будущаго величія Россіи. Намъ слишкомъ много пришлось бы расширить нашу статью, если бы мы рѣшились выписать всѣ замѣчательныя мѣста этой брошюры. Мы надѣемся, что она скоро появится въ переводѣ, и потому вполнѣ рекомендуемъ ее нашимъ читателямъ. При томъ легкомысліи, съ какимъ часто относятся у насъ къ православію, при той небрежности, съ какою у насъ прикасаются къ лучшимъ сторонамъ нашей народной жизни, взглядъ англійскаго ученаго, надѣемся, хотя не много, отрезвитъ и нашихъ писателей, и нашихъ дѣятелей. *(Веч. Газ.)*

Народное образованіе въ привислянскихъ губерніяхъ.

Ревнивое обереганіе народа отъ грамоты, чтобы держать его въ темнотѣ и невѣжествѣ, составляло одну изъ существенныхъ задачъ польской политики, какъ въ эпоху самостоятельности польскаго королевства, такъ и при русскомъ владычествѣ въ привислянскомъ краѣ, пока внутреннимъ управленіемъ орудовали все тѣ же поляки. Цѣль такого безнравственнаго отношенія къ народу мотивировалась желаніемъ безпрепятственно и всецѣло эксплуатировать рабочую силу народа въ пользу образованнаго и многоземельнаго шляхетства. Въ такомъ поруганномъ видѣ поступило польское простонародіе въ вѣдѣніе русской администраціи, когда она приступила къ устройству быта привислянскихъ крестьянъ. Основа народному образованію въ здѣшнемъ краѣ была положена Высочайшимъ указомъ отъ 30 августа 1864 года „о начальныхъ училищахъ въ Царствѣ Польскомъ.“ Самую дѣятельную помощь учебному начальству оказали въ этомъ дѣлѣ члены коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ и уѣздные начальники побужденіемъ поселянъ къ образованію своего молодаго поколѣнія, ближайшимъ ихъ руководствомъ при устройствѣ училищъ, надѣломъ училищъ усадьбами и вспомоществованіемъ при постройкѣ училищныхъ домовъ. Въ какомъ же состояніи находится теперь дѣло народнаго обученія? Къ сожалѣнію, все еще въ весьма печальномъ. Какъ прежде народъ былъ безграмотенъ, такимъ большею частію остается и теперь, потому что люди, которымъ ввѣрено ближайшее вѣдѣніе

школъ, съ замѣчательнымъ единодушіемъ тормозятъ народное образованіе. Прежде народъ оставляли въ темнотѣ, но онъ и не давалъ денегъ на школы; теперь же правительство справедливо желаетъ распространенія правильной грамотности между сельскимъ людомъ, для устройства и содержанія школъ онъ даетъ деньги, а его все таки не учатъ. Такая постановка дѣла можетъ служить въ рукахъ злонамѣренныхъ людей опаснымъ орудіемъ для возбужденія народа противъ правительства, требующаго отъ него непроизводительныхъ затратъ. Подтверждаемъ наши слова фактами изъ печатнаго циркуляра отъ 10 іюня сего года за № 2072, разосланнаго по сельскимъ училищамъ начальникомъ одной изъ южныхъ учебныхъ дирекцій. Прибывъ въ новый раіонъ служебной дѣятельности, начальникъ лично осмотрѣлъ подвѣдомыя ему начальныя училища, и оказалось нижеслѣдующее. Почти во всѣхъ осмотрѣнныхъ имъ училищахъ ученіе было прекращено въ мартѣ мѣсяцѣ, такъ что директоръ, чтобы произвести испытаніе дѣтямъ, вынужденъ былъ предварять войтовъ и бургомистровъ о своемъ пріѣздѣ и поручать имъ собирать въ училища дѣтей, посѣщавшихъ классы въ теченіе учебнаго года всего съ конца ноября по начало марта. Учащіе вездѣ приводили одну отговорку, что поселяне не пускаютъ въ школы дѣтей въ теченіе весны, лѣта и осени; между тѣмъ изъ разговоровъ съ поселянами оказывалось, что они затрудняются посылать дѣтей въ училища собственно только во время жатвы; въ остальное же время они охотно готовы посылать ихъ учиться, но сами учащіе не желаютъ этого и весьма довольны, если дѣти не посѣщаютъ уроковъ. Понятно, что учащіеся всякій ноябрь начинаютъ учиться сызнова и такимъ образомъ безполезно толкутъ воду. Начальникъ свидѣтельствуетъ замѣчательный фактъ, что онъ видѣлъ училища, существующія *болѣе двадцати лѣтъ* при самомъ благопріятномъ условіи, именно: безъ перемѣнъ учителей, а между тѣмъ въ тѣхъ мѣстностяхъ *нѣтъ ни одного грамотнаго* поселянина; видѣлъ училища, открытыя *четыре года* назадъ и стоющія крестьянамъ весьма дорого (до 300 руб. въ годъ, кромѣ помѣщенія), а между тѣмъ не находилъ въ нихъ дѣтей, которыя бы умѣли читать правильно по польски, о *русскомъ* же *чтеніи нѣтъ и помину* въ этихъ училищахъ, да и сами учители не приготовлены къ обученію дѣтей русскому языку. Могутъ ли послѣ этого поселяне прійдти

къ убѣжденію, что затрачиваемыя ими матеріальныя средства на содержаніе училищъ не пропадаютъ даромъ? Къ сожалѣнію, свидѣтельствуетъ циркуляръ, въ учебную дирекцію уже и поступаютъ прошенія отъ поселянъ о закрытіи училищъ, какъ совершенно для ихъ дѣтей безполезныхъ. Самый распространенный въ училищахъ букварь, это—такъ называемая groszówka, изданная въ Ченстоховѣ, гдѣ вѣнцемъ обученія грамотности поставлено изученіе слѣдующаго польскаго стихотворенія: „Духъ Святой совѣтуетъ бить дѣтей розгою" и т. д. Во многихъ училищахъ дѣти учатся читать и писать по молитвенникамъ различнаго изданія и даже по „Dzienniku praw" (Сводъ законовъ). Русскому чтенію обучаются по букварю: „Русско-польскій букварь по новѣйшей методѣ", неизвѣстно кѣмъ изданному въ Варшавѣ и наполненному множествомъ ошибокъ. Священная исторія вовсе не проходится въ училищахъ, а все обученіе религіи состоитъ въ безсмысленномъ заучиваніи заповѣдей и кое какихъ отрывковъ изъ катехизиса, которыхъ и учители не понимаютъ, и потому не могутъ объяснить ихъ дѣтямъ. Вообще, по замѣчанію циркуляра, учащіеся менѣе всего ознакомлены съ религіею. Сообщая эти офиціальные факты, рисующіе положеніе народнаго обученія въ извѣстное дирекціи, мы имѣемъ основаніе полагать, что они въ большей или меньшей мѣрѣ приложимы и ко всѣму вообще здѣшнему краю, столь запущенному *просвѣщенными* польскими властями. Правда, съ 1864 г. можно бы уже нѣсколько очеловѣчить народъ, но учебному начальству здѣшняго края досталась такая громадная и многосложная задача, вниманіе его такъ всецѣло было поглощено городскими казенными училищами, что сельскія школы оставались кое гдѣ и то безъ надлежащаго надзора. Хорошо и то, если язва примѣчается; это уже задатокъ будущаго улучшенія. Такъ, уважаемый педагогъ, нашедшій ввѣренную ему дирекцію въ столь плачевномъ положеніи, заявляетъ, что „оставлять на будущее время столь важное по своимъ послѣдствіямъ дѣло, какъ образованіе народа, въ настоящемъ направленіи и при настоящихъ условіяхъ, созданныхъ учителями, учебная дирекція считаетъ дѣломъ безнравственнымъ, и употребитъ всѣ усилія, чтобы искореннить зло въ самомъ зародышѣ." Дай Богъ, чтобы почтенный начальникъ-педагогъ нашелъ въ лицѣ своихъ сотоварищей достойныхъ подражателей.

(Веч. Газ.)

Сближеніе русскихъ галичанъ съ поляками.

Мы не спѣшили высказывать свое сочувствіе къ затѣянному примиренію галицкихъ русскихъ съ поляками въ томъ видѣ, какъ оно формулировано въ извѣстномъ проектѣ и разъяснено въ сеймовой рѣчи вице-маршала Лавровскаго. Мы боялись, чтобы посредствомъ этой ловушки русскіе не были утрачены для русскихъ, чтобы это примиреніе не привело галицкихъ членовъ единой семьи къ тому знамени, которымъ прикрывается враждебная намъ польская справа.» По истинѣ вышли бы прискорбныя послѣдствія, если бы путемъ іезуитскаго подхода, названнаго примиреніемъ, братственный намъ народъ очутился въ томъ лагерѣ, который дышетъ къ намъ враждою и стремится лишь къ одной жизненной цѣли—истребленію русскаго государства и русскаго имени. Нѣкоторыя откровенія, проскользнувшія въ галицко-польской печати, удостовѣряютъ, что наше недовѣріе было не безосновательно. Слѣдующія строки «Львовскаго Дневника» разоблачаютъ польскую мысль, таящуюся въ пресловутомъ примиреніи: «Галицкіе русскіе, въ числѣ 3,000,000 душъ, составляютъ часть 14,000,000 народа, живущаго въ границахъ теперешней Московіи. Затѣмъ отъ ихъ доброй воли зависитъ, примкнуть ли къ будущей Польшѣ, или утонуть въ Москвѣ, — и *въ первой то комбинаціи кроется возможность для Польши возрожденія въ своихъ старыхъ границахъ*. Видимъ ясно, что будущность Польши зависитъ отъ вопроса: «Кѣмъ хотятъ быть руссины.» Что поляки имѣютъ въ виду притянуть къ себѣ русскихъ для общей съ ними работы, это видно изъ первыхъ же шаговъ практическаго осуществленія «сгоды.» Такъ, согласно желанію русскихъ патріотовъ, поляки согласились ввести въ училища для русскаго учащагося юношества русскіе учебники, но для составленія редакціи ихъ назначили главнѣйшихъ коноводовъ украинофильской партіи, отрицающихъ обще-русскую ореографію и работающихъ вообще противъ духовнаго общерусскаго единенія. Такому примиренію галицкихъ русскихъ съ поляками мы сочувствовать не можемъ.

Движеніе, происходящее теперь въ Галиціи и сосредоточившееся въ львовскомъ сеймѣ на проектѣ примиренія галицкихъ русскихъ съ поляками, въ будущемъ можетъ возвести къ самымъ серіознымъ послѣдствіямъ. «Кельн-

ская Газета» справедливо замѣчаетъ: «Въ Галиціи теперь рѣшается вопросъ несравненно важнѣе вопроса о существованіи нынѣшняго австрійскаго министерства, вопросъ, который потребуетъ разрѣшенія, когда о нынѣшнихъ государственныхъ дѣятеляхъ Австріи не будетъ больше и помину. Смотря по тому, какъ устроются отношенія между двумя племенами, населяющими Галицію, рѣшится и то, чей взглядъ на польскій вопросъ получитъ преобладаніе: австрійскій или русскій. Если бы Австрія понимала свои настоящія выгоды, то и въ Вѣнѣ, и въ Пештѣ придавали бы больше значенія руссино-польскому сближенію»...

Интересную статью «Кельнской Газеты», изъ которой мы привели настоящую выдержку, читатель найдетъ ниже. Изъ ней онъ увидитъ, что проектъ соглашенія между поляками и галицкими русскими самымъ существеннымъ образомъ касается нашихъ русскихъ интересовъ. Дѣло въ томъ, что въ послѣдніе годы въ Галиціи произошло раздвоеніе между руссинами на партіи великорусскую и малорусскую, и первая партія чѣмъ дальше, тѣмъ больше усиливается. Партія эта всѣми своими симпатіями наклоняется къ Россіи или, говоря языкомъ «Кельнской Газеты», «къ соединенію съ могущественнымъ восточнымъ сосѣдомъ». Партія малорусская съ своими предводителями Лавровскимъ и Наумовичемъ въ своей борьбѣ противъ поляковъ отстаиваетъ лишь право существованія непольскихъ обитателей Галиціи и желаетъ сохранить неприкосновенность руссинства подъ скипетромъ Австріи. Попытка соглашенія съ поляками собственно принадлежала послѣдней партіи: соглашеніе это, если бы оно состоялось, прежде всего обезсилило бы велико-русскую партію. Такъ смотрйтъ на дѣло «Кельнсквя Газета», и потому она справедливо придаетъ вопросу о соглашеніи руссинъ съ поляками огромное значеніе. «Только въ случаѣ успѣха этой попытки, пишетъ газета, можно будетъ надѣяться уничтожить пріобрѣтенное великоруссами вліяніе и прочно утвердить господство Австріи въ пограничныхъ съ Россіею областяхъ. Прекращеніе племенной вражды между поляками и малороссами лишитъ Россію всякаго повода къ вмѣшательству въ дѣла Галиціи и уничтожитъ важнѣйшій форпостъ Московіи въ австрійской имперіи.»

Соображая все сказанное нами доселѣ о значеніи и цѣляхъ соглашенія галицкихъ русскихъ съ поляками, мы не

можемъ не радоваться, что это соглашеніе затормозилось, потому что во всякомъ случаѣ «русское дѣло» въ Галиціи отъ этого соглашенія только проиграло бы. Отъ души желаемъ, чтобы польская интрига окончательно рушилась здѣсь, чтобы чуткій инстинктъ спасъ нашихъ галицкихъ собратій отъ антирусской сдѣлки.

(Вечер. Газ.)

Корреспондентъ изъ Кіева.

Въ настоящее время у насъ на очереди вопросъ о положеніи церкви. Въ нашемъ обществѣ замѣтно возбуждено теперь живое сочувствіе къ положенію церкви; возобновляются церковныя братства, учреждаются попечительства, вездѣ—въ дѣйствіяхъ правительства, въ литературѣ и въ особенности въ живомъ голосѣ современнаго общества высказывается желаніе установить болѣе близкія отношенія между свѣтскимъ обществомъ или мірянами и церковію, изыскать средства, которыя бы соотвѣтствовали внѣшнему матеріальному положенію церкви и вообще установить на болѣе прочныхъ началахъ положеніе церкви. Назадъ тому два столѣтія вопросъ о положеніи церкви въ нашемъ краѣ разрѣшался практическимъ образомъ. Въ юго-западной Россіи въ XVI вѣкѣ существовало *право патронатства*, которое не только давало прочныя основанія для внѣшняго, матеріальнаго положенія церкви, но обусловливало отчасти и внутреннее состояніе ея. Небезъинтересно познакомиться съ этимъ учрежденіемъ, тѣмъ болѣе, что оно, существенно касаясь прошедшей жизни нашей церкви, можетъ дать намъ достойные подражанія и заимствованія уроки.

Право патронатства jus patronatus — надобно отличать отъ *патронатства* вообще. Патронатство, какъ покровительство церкви, есть необходимое условіе матеріальнаго существованія церкви, и безъ него не существуетъ ни одно христіанское общество, ни одна христіанская церковь. О патронатствѣ можно сказать, что оно существуетъ и въ настоящее время въ нашей церкви, такъ какъ и теперь наша церковь не лишена поддержки и покровительства со стороны благочестивыхъ благотворителей. Но съ этимъ никакъ нельзя соединять представленія о существованіи у насъ самаго права патронатства, потому что всѣ благотворенія, дѣлаемыя церкви, не соединяютъ съ собою никакихъ правъ. Право патро-

натства, составляя особенный видъ участія мірянъ въ дѣлахъ церкви и служа выраженіемъ общественнаго покровительства церкви, было въ юго-западной Россіи церковно-гражданскимъ учрежденіемъ, дававшимъ извѣстныя права тѣмъ, которые принимали на себя обязанности церковнаго попечительства.

Имѣя въ виду это общее понятіе о правѣ патронатства, мы должны помнить, что оно не было однимъ только *формальнымъ* учрежденіемъ съ административнымъ характеромъ, а находилось въ живой и непосредственной связи съ жизнію южно-русскаго народа и съ историческими обстоятельствами православной церкви въ юго-западной Россіи въ XVI вѣкѣ. Въ слѣдствіе этого, оно не имѣло положительнаго и однообразнаго характера и выражалось въ различныхъ видахъ, которые въ свою очередь чрезвычайно дробились и разнообразились соотвѣтственно мѣстнымъ церковнымъ, гражданскимъ, политическимъ и другимъ историческимъ обстоятельствамъ тогдашней жизни юго-западной Россіи. Мы постараемся *обозначить видъ патронатства и указать частныя права*, входившія въ составъ его. Но чтобы яснѣе и отчетливѣе выполнить эту задачу, считаемъ необходимымъ сдѣлать нѣсколько общихъ предварительныхъ замѣчаній о правѣ патронатства.

Право патронатства, дѣйствовавшее въ юго-западной Россіи въ XVI вѣкѣ, не было явленіемъ одиночнымъ, исключительнымъ; оно извѣстно было въ древней христіанской церкви и отсюда перешло въ юго-западную Россію, гдѣ нашло удобную почву для своего развитія.

Первоначальное внутреннее основаніе права патронатства лежитъ въ правѣ участія мірянъ въ дѣлахъ церкви, имѣвшемъ столь широкое развитіе въ первые вѣка христіанства. Внѣшнее церковно-юридическое основаніе дальнѣйшаго развитія права патронатства заключается въ владѣльческомъ началѣ, которое дало праву патронатства форму и характеръ.

Послѣ того какъ христіанство было признано религіею господствующею въ греко-римской имперіи, оно начало прочно утверждаться во всѣхъ слояхъ тогдашняго общества. Примѣръ и вліяніе государей-преемниковъ равноапостольнаго Константина сильно дѣйствовали на высшіе классы общества. Сильные люди, слѣдуя примѣру греко-римскихъ государей, мало-по-малу подчинились бла-

готворному вліянію христіанства и давали новое поколѣніе съ чисто-христіанскимъ воспитаніемъ. Движимые религіознымъ чувствомъ, эти сильные и богатые люди, владѣльцы поземельной собственности, стали основывать на своихъ земляхъ церкви и монастыри, обезпечивать ихъ разными наданьями и, гордясь титломъ древнихъ патриціевъ, переносили на эти церкви и монастыри тѣ же патрональныя отношенія, въ какихъ они находились къ своимъ имѣніямъ. Прежде всего, они дѣлались хозяевами и распорядителями основанныхъ ими храмовъ, затѣмъ пріобрѣтали право завѣдыванія служащимъ при храмахъ духовенствомъ и наконецъ пріобрѣтали права непосредственнаго участія въ другихъ церковныхъ дѣлахъ. Не встрѣчая противодѣйствія въ непосредственномъ участіи народа въ дѣлахъ церкви, которое совершенно ослабѣло съ переходомъ церкви подъ покровительство государства, основатели и благотворители храмовъ мало-по-малу усвоили себѣ разныя права и преимущества по отношенію къ храмамъ. Они остались теперь единственными представителями каноническаго права участія мірянъ въ дѣлахъ церкви и стали переносить на себя всѣ тѣ обязанности и права церковныя, которыя прежде принадлежали всей братской общинѣ. Въ слѣдствіе расширенія этихъ правъ въ ущербъ правамъ церковно-іерархической власти, а также для предупрежденія злоупотребленій, могущихъ возникнуть изъ неопредѣленности отношеній между основателями и подвѣдомственными имъ храмами, греко-римское правительство рядомъ указовъ и постановленій опредѣлило обязанности, права и преимущества основателей храмовъ и сообщило имъ характеръ юридическій. Такимъ образомъ прежнія отношенія владѣльцевъ къ построеннымъ ими въ своихъ имѣніяхъ храмамъ, до сихъ поръ опиравшіяся на владѣльческомъ правѣ, теперь стали опираться на гражданскомъ правѣ, получившемъ форму церковно-гражданскаго учрежденія подъ именемъ *права патронатства* (Jus patronatus).

Такъ первоначально произошло право патронатства въ исторіи христіанской церкви.

Изъ греко-римской имперіи право патронатства распространилось по всей западной Европѣ и имѣло здѣсь, въ слѣдствіе преобладанія феодальнаго устройства, еще большее развитіе, чѣмъ въ греко-римской имперіи. Но нигдѣ оно не имѣло такого широкаго развитія, какъ въ юго-западной Россіи.

Заимствуя основанія, черты и внѣшнюю форму изъ греко-римской имперіи, право патронатства не было, однакожъ, въ юго-западной Россіи явленіемъ *переноснымъ*, позаимствованнымъ извнѣ и утвердившимся въ слѣдствіе распространенія греко-римской цивилизаціи и греко-римскаго законодательства, — каковымъ оно было въ западной Европѣ и Польшѣ. Въ юго-западной Россіи оно имѣло внутреннее основаніе въ глубинѣ народнаго характера, въ политическомъ и общественномъ строѣ народной жизни и въ особенности положенія православной церкви въ юго-западной Россіи среди иновѣрнаго государства. Оно является здѣсь учрежденіемъ самостоятельнымъ, мѣстнымъ и народнымъ, развивающимся и дѣйствующимъ на основаніи мѣстныхъ историческихъ началъ и условій.

Первымъ основнымъ началомъ, обусловившимъ утвержденіе и развитіе въ юго-западной Россіи права патронатства было *владѣльческое начало*. Оно становится преобладающимъ въ юго-западной Россіи со времени соединенія ея съ Литвою въ одно государство. Великіе князья литовскіе, подчинивъ своей власти юго-западную Россію, раздѣлили ее на удѣлы между своими родственниками и приближенными и такимъ образомъ положили основаніе наслѣдственнымъ владѣльческимъ родамъ, изъ которыхъ впослѣдствіи образовался владѣльческій патронатъ 1).

---

1) Болѣе замѣчательные роды, получившіе наслѣдственный удѣлъ въ юго-западной Россіи, послѣ раздѣленія ея на удѣлы при Ольгердѣ Гедиминовичѣ, были слѣдующіе: въ сѣверныхъ частяхъ Волыни около Ковеля получилъ удѣлъ Ѳеодоръ Ольгердовичъ— родоначальникъ князей Сангушковъ; въ южной Волыни и части Подоліи, а также отчасти въ землѣ кіевской утвердились потомки Димитрія Ольгердовича-Корыбута, родоначальника князей Вишневецкихъ, Заславскихъ, Корецкихъ и Ружинскихъ; Константинъ Ольгердовичъ — родоначальникъ князей Чарторыйскихъ получилъ Черниговъ и Чарторыю на Волыни; сыновья Коріята Гедеминовича — родоначальника князей Коріятовичей и Курцевичей утвердились въ Подоліи. Изъ русскихъ князей, оставшихся въ югозападной Россіи послѣ завоеванія ея литовцами, получившихъ удѣлъ и ставшихъ въ ленныя отношенія къ вел. князьямъ литовскимъ, можно указать на знаменитыхъ князей Острожскихъ, имѣвшихъ владѣнія на Волыни, въ Подоліи и кіевскомъ княжествѣ (Kronika Polska, Litewska, Ruska, Stryikowski, 11,57—58. Исторія Галиціи Зубрицкаго, стр. 162. Письма о князьяхъ Острожскихъ Максимовича).

Литовскіе князья, подчинивъ своей власти юго-западную Россію, не коснулись коренныхъ основъ ея жизни—православія и русской народности. Мало того, уже при первомъ своемъ знакомствѣ съ Русью, они стали сближаться и даже родняться съ нею. Православная христіанская вѣра и русскій языкъ прежде всего обратили на себя вниманіе литовцевъ. Сыновья Гедимина являются уже не литвинами-язычниками, а настоящими русскими князьями; всѣ они говорятъ по русски, многіе изъ нихъ—православные христіане и ревностные покровители православной церкви, какъ напр. Любартъ, князь волынскій 1). Потомки Гедимина всѣ принимаютъ православную вѣру, такъ что въ XIV вѣкѣ мы почти не встрѣчаемъ язычниковъ между литовскими князьями. Примѣру князей слѣдовали бояре и дворяне литовскіе, а за ними и все народонаселеніе Литвы. Къ концу XIV вѣка православная вѣра и русская народность проникли во всѣ слои литовскаго общества и достигли повсемѣстнаго господства. Сдѣлавшись христіанами, литовско-русскіе князья, подобно древнимъ русскимъ князьямъ изъ дома св. Владиміра, съ жаромъ неофитовъ полюбили православную вѣру и стали усердно заботиться о построеніи церквей и монастырей, примѣру князей слѣдовали бояре, дворяне и вообще менѣе значительные владѣльцы—паны. Устроя церкви и монастыри, литовско-русскіе князья и паны, подобно древнимъ греко-римскимъ патронамъ, брали ихъ подъ свое покровительство и пріобрѣтали по отношенію къ нимъ извѣстныя обязанности и права.

Впрочемъ, главнѣйшимъ условіемъ развитія и процвѣтанія въ юго-западной Россіи права патронатства было *общественное начало*. Юго-западная Русь, слившись съ Польшею, въ которой преобладало феодальное устройство, получила задатки широкаго развитія общественнаго начала. Здѣсь народъ, въ лицѣ своихъ представителей, имѣлъ вліяніе на ходъ общественной и гражданской жизни. Очень естественно, что при такомъ порядкѣ вещей церковь не могла стоять изолированною, а должна была подчиниться требованіямъ общественнаго начала, тѣмъ болѣе, что это начало въ своей первоначальной чистотѣ имѣло большую аналогію съ идеею внутренняго устройства самой церкви. Общинное устрой-

1) Очерки исторіи православной церкви на Волыни—Каралевича, стр. 38.

ство городовъ юго-западной Руси въ формѣ *магдебургскаго права* наиболѣе способствовало развитію и проявленію общественнаго начала. По этому, въ юго-западной Россіи, гдѣ основою народности было православіе, не только неустраняющее мірянъ отъ участія въ дѣлахъ церкви, но и сообщающее ему каноническое значеніе, православная церковь своею внѣшнею, гражданскою и юридическою стороною вполнѣ оперлась на общественномъ началѣ. При этомъ нужно имѣть въ виду и то обстоятельство, что православная церковь въ юго-западной Россіи не пользовалась покровительствомъ польскаго государства и находилась въ качествѣ терпимой и даже преслѣдуемой. Юго-западное русское общество, глубоко преданное православію, не могло равнодушно смотрѣть на униженіе своей родной церкви и, опираясь на свои владѣльческія и общественныя права, взяло ее подъ свое покровительство. Отсюда произошелъ общественный патронатъ, имѣвшій, какъ увидимъ въ послѣдствіи, такое важное значеніе въ судьбѣ православной церкви юго-западной Россіи въ XVI вѣкѣ.

Условливаясь и развиваясь вліяніемъ двухъ указанныхъ началъ владѣльческаго и общественнаго, право патронатства пріобрѣло въ юго-западной Россіи свой особенный характеръ, силу и значеніе подъ вліяніемъ *особеннаго положенія здѣсь православной церкви*, состоящаго въ томъ, что юго-западная православная церковь находилась подъ гражданскою властію иновѣрнаго государства. Въ этомъ обстоятельствѣ заключается источникъ бѣдствій для православной церкви, въ немъ же была причина внутренней силы права патронатства.

Православная церковь въ юго-западной Россіи была господствующею и почти единственною во все продолженіе своего историческаго существованія до 1386 года. Съ этого же времени, когда великій князь литовскій Ягелло, вступивши въ бракъ съ польской королевой Ядвигою, соединилъ Литву и Русь съ Польшею въ одно государство, судьба православной церкви измѣнилась. Великіе князья литовско-русскіе, подъ верховнымъ покровительствомъ которыхъ находилась православная церковь, не хотѣли видѣть того, какъ много зла они причиняли православію, принимая польскую корону. Мало того, что съ принятіемъ этой короны они должны были отказаться отъ православія и принять католицизмъ, они тотчасъ же подпали вліянію латино-польской іерархіи,

одной из самыхъ невѣротерпимыхъ, и по ея указанію должны были дѣйствовать по отношенію къ православной церкви. Правда, государи Литвы и Польши изъ дома Ягеллы (Ягеллоны) не были фанатиками въ крайнемъ смыслѣ; они были даже довольно вѣротерпимы не только къ православію, но и къ протестанству; но все же они были королями Польши, покровителями и сынами римско-католической церкви. А по взгляду этой церкви не должно имѣть мѣста никакое другое вѣроисповѣданіе, — и если оно по разнымъ обстоятельствамъ терпится, то только до поры—до времени, когда ходъ событій покажетъ католической іерархіи, что настало время ея торжества и безусловнаго господства. Такъ по крайней мѣрѣ относилась римско-католическая іерархія къ православной церкви въ юго-западной Россіи въ XVI вѣкѣ. Православная церковь, даже въ самое лучшее время XII вѣка, при самыхъ лучшихъ государяхъ литовско-русскихъ и польскихъ, не была свободна отъ происковъ и козней латино-польской пропаганды. Но съ положеніемъ церкви тѣсно связано было положеніе православнаго русскаго общества въ юго-западной Россіи. Благоденствовала церковь, благоденствовало и общество, терпѣла церковь-страдали и интересы общества. Это зависѣло отъ того, что латино-польское государтсво, дѣйствуя подъ вліяніемъ латино-польской іерархіи, думало достигнуть государственнаго единства уничтоженіемъ русской народности и торжествомъ латинства надъ православіемъ, т. е. ополяченіемъ Руси. Для достиженія этой цѣли нужно было употреблять принудительныя мѣры, нужно было силою заставить русское общество отступить отъ вѣры отцевъ. Къ этому и прибѣгло латино-польское государство и стало стѣснять гражданскія права русскаго православнаго общества. Такимъ образомъ интересы православной церкви совпадали въ этомъ случаѣ съ личными интересами православнаго русскаго общества. Послѣднему оставалось одно изъ двухъ: или отказаться отъ своей вѣры и народности—ополячиться и потомъ наслаждаться всѣми плодами польскихъ правъ и вольностей, или же твердо стоять за свою вѣру и народность и подъ знаменемъ православія защищать свои права и привиллегіи. Православное русское общество, за немногими исключеніями, избрало послѣднее, т. е. защиту своихъ правъ на основаніи своей вѣры и народности. Вотъ почему православное русское общество такъ близко стояло къ церкви, что считало ея

интересы своими собственными и принимало живое участіе во всѣхъ ея дѣлахъ и во всѣхъ перемѣнахъ ея исторической судьбы. Въ этомъ же обстоятельствѣ заключается причина, по которой право патронатства пріобрѣло такой жизненнкй характеръ въ юго-западной Россія и имѣло, какъ увидимъ ниже, такое важное значеніе въ судьбѣ юго-западной православной церкви.

(Кіевлян.)

(Продолженіе будетъ).

Освященіе въ Вильнѣ часовни во имя св. архистратига Михаила, сооруженной въ память покойнаго графа М. Н. Муравьева.

Въ субботу, 8-го ноября, въ день св. архистратига силъ небесныхъ Михаила, въ Вильнѣ происходило торжественное освященіе часовни, построенной при Николаевской церкви въ благодарное воспоминаніе заслугъ для Россіи покойнаго графа М. Н. Муравьева въ тяжкую для здѣшняго края годину послѣдняго польскаго мятежа. Освященіе часовни совершилъ, передъ обѣднею, высокопреосвященный Макарій, архіепископъ литовскій и виленскій, вмѣстѣ съ высшимъ городскимъ духовенствомъ. На освященіи возглашено многолѣтіе Государю Императору и всему Царствующему дому и вѣчная память болярину Михаилу. Послѣ освященія часовни, высокопреосвященнымъ - же Макаріемъ была совершена божественная литургія, а послѣ литургіи отслужено соборное молебствіе о здравіи тезоименитыхъ въ этотъ день Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Великихъ Князей Михаила Николаевича и Михаила Михаиловича. За литургіею нашъ краснорѣчивый архипастырь сказалъ краткую, но многознаменательную рѣчь, которая помѣщена далѣе. При освященіи часовни и на литургіи, а равно и на молебствіи присутствовали: г. помощникъ главнаго начальника края, высшіе виленскіе военные и гражданскіе чины и множество частныхъ лицъ.

Мы слышали, что, послѣ богослуженія, высокопреосвященнымъ Макаріемъ и г. помощникомъ главнаго начальника

края, княземъ П. Р. Багратіономъ посланы графинѣ Пелагеѣ Васильевнѣ Муравьевой телеграммы о торжественномъ освященіи часовни, сооруженной благодарными соотечественниками въ вѣковѣчное воспоминаніе заслугъ покойнаго супруга ея сіятельства, подавившаго въ Литвѣ вооруженный польскій мятежъ и водворившаго въ краѣ спокойствіе и гражданскій порядокъ.

Рѣчь

по освященіи часовни во имя св. архистратига Михаила, сооруженной въ память бывшаго начальника сѣверо-западнаго края, Михаила Николаевича Муравьева, сказанная высокопреосвященнѣйшимъ Макаріемъ, архіепископомъ литовскимъ и виленскимъ, 8 ноября 1869 года.

> Въ руцѣ Господни власть земли, и потребнаго воздвигнетъ во время на ней. Сирах. 10, 4.

Въ жизни народовъ бываютъ времена особенныя, чрезвычайныя, когда требуются и дѣятели чрезвычайные. И счастливъ народъ, для котораго Господь Богъ, въ своей благости, воздвигаетъ тогда такихъ потребныхъ дѣятелей. Эти избранники отличаются тѣмъ, что быстро и вѣрно угадываютъ нужды своего времени, всецѣло проникаются своимъ высокимъ призваніемъ, безошибочно опредѣляютъ средства, необходимыя, для ихъ цѣли и, твердые вѣрою въ Промыслъ Божій, одушевляемые единственно любовію къ своему народу и отечеству, съ неудержимою силою устремляются на свой подвигъ, мужественно переносятъ всякаго рода труды, лишенія, жертвы и не успокоиваются дотолѣ, пока не совершатъ всего, что предопредѣлено имъ совершить.

Не таковъ ли былъ и онъ, мужъ приснопамятный, кому мы возгласили нынѣ торжественно вѣчную память? Не самъ ли Богъ, чрезъ Помазанника своего, воздигъ и его, какъ потребнаго во время свое для здѣшняго края? Вы помните, какое то было страшное время. Помните, какъ явился онъ здѣсь, грозный и мужественный, облеченный чрезвычайною властію; какъ быстро и всесторонне овладѣлъ онъ своею многотрудною задачею; какъ двинулся онъ противъ крамолы и мятежа всѣми средствами, можетъ

бить, отчасти и исключительными, но единственными и необходимыми для вѣрнаго успѣха по исключительности самихъ обстоятельствъ. Помните, съ какою пламенною ревностію старался онъ возстановить поруганныя права истинно-русскихъ жизненныхъ началъ: православія, самодержавія и народности; какъ непоколебимо онъ переносилъ всю злобу, всѣ клеветы, всѣ угрозы враговъ своихъ, враговъ русскаго имени; какъ неустанно работалъ онъ день и ночь, чтобы только достойно совершить порученное ему дѣло возлюбленнаго Монарха, оправдать надежды всей Россіи.

Благодареніе Господу Богу, благоволившему воздвигнуть для насъ въ ту мрачную годину этого потребнаго дѣятеля Благодареніе нашему Благочестивѣйшему Государю, достоившему облечь его тогда своимъ полнымъ довѣріемъ, подкрѣплявшему его постоянно своимъ монаршимъ вниманіемъ и взыскавшему его наконецъ такою высокою милостію за совершенный имъ подвигъ! Благодареніе и ему, доблестному сыну Россіи и православной церкви, много—много потрудившемуся для нихъ здѣсь съ истинно-сыновнею любовію и преданностію! Благодареніе отъ всѣхъ православныхъ сыновъ Россіи и въ особенности отъ тѣхъ, которые были непосреоственными свидѣтелями его здѣсь подвиговъ и первые вкусили плоды его благотворной дѣятельности! И этотъ священный памятникъ, сооруженный на усердныя приношенія русскихъ людей, останется навсегда краснорѣчивымъ свидѣтелемъ ихъ непритворной признательности къ незабвенному умиротворителю здѣшняго края.

Братіе! Каждый разъ, когда намъ придется посѣтить эту часовню, посвященную св. архистратигу Михаилу, или проходить мимо ея, будемъ молитвенно воспоминать имя тезоименитаго ему раба Божія Михаила, да успокоитъ его верховный Судія въ своихъ райскихъ обителяхъ послѣ тѣхъ великихъ трудовъ, какіе подъялъ онъ здѣсь за вѣру православную, за царя и отечество; а воспоминая этого доблестнаго нашего соотечественника, будемъ учиться у него, какъ намъ любить свою св. вѣру, любить царя и отечество *не словомъ, но дѣломъ и истинною* (1. Іоан. 3,18). Аминь.

Долгомъ считаемъ еще познакомить нашихъ читателей съ нѣкоторыми любопытными данными касательно этой часовни.

8-го ноября 1863 года, въ день ангела бывшаго главнаго начальника края, графа Михаила Николаевича Муравьева, русскіе

горожане Вильны, желая выразить торжественно благодарность тому, кто въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ успѣлъ водворить въ краѣ спокойствіе и гражданскій порядокъ, — обратились съ ходатайствомъ о разрѣшеніи подписки для сооруженія православной церкви во имя св. Михаила архангела, въ мѣстѣ, которое будетъ указано его сіятельствомъ, съ тѣмъ, чтобы въ этой церкви приносить молитвы о Михаилѣ Николаевичѣ и объ упокоеніи всѣхъ павшихъ жертвою мятежа. Принявъ съ сердечною благодарностію заявленіе сочувствія къ его дѣятельности, графъ Муравьевъ высказалъ, что онъ желалъ бы на жертвуемыя деньги возобновить, въ подобающемъ величіи, одинъ изъ древнѣйшихъ храмовъ города Вильны,—Николаевскую церковь, которая въ то время не только не соответствовала знаменитости памятника, но и мало удовлетворяла современному положенію православнаго края. По всеподданнѣйшему докладу о семъ г. министра внутреннихъ дѣлъ, послѣдовало Высочайшее соизволеніе на открытіе подписки. Патріотическое сочувствіе всей русской земли къ подвигамъ графа Михаила Николаевича выразилось и здѣсь весьма горячо: доброхотныхъ пожертвованій на возобновленіе Николаевской церкви поступило столь значительное количество, что виленскій губернскій церковно - строительный комитетъ (что нынѣ присутствіе) нашелъ возможнымъ при работахъ по возобновленію сей церкви пристроить къ ней и часовню во имя св. архистратига Михаила съ цѣлію удовлетворить первоначальному заявленію русскихъ г. Вильны— нагляднѣе связать навсегда съ симъ памятникомъ имя русскаго миротворца въ сѣверо-западномъ краѣ, графа Михаила Николаевича.

Церковь окончена, освящена въ 1865 году, а внутренее устройство часовни до сихъ поръ не было доведено до окончанія по причинѣ сырости, угрожавшей порчею иконамъ и украшеніямъ часовни. Часовня, какъ и церковь, устроены по проекту А. П. Рязанова, профессора академіи художествъ. Руководителемъ при исполненіи всѣхъ работъ, которыми осуществленъ проектъ, былъ нашъ губернскій архитекторъ Н. М. Чагинъ. По лѣвой сторонѣ входа въ часовню вырѣзана на мраморной доскѣ слѣдующая надпись: „Часовня сія во имя св. архистратига Михаила воздвигнута въ 1865 году во время возобновленія церкви св. Николая, въ благодарность начальнику сѣверо - западнаго края Михаилу Николае-

вичу Муравьеву, за водвореніе въ краѣ спокойствія и гражданскаго порядка." Въ полукружіи надъ входною дверью помѣщенъ 13-й стихъ X главы пророка Даніила: „И се Михаилъ, единъ отъ старѣйшихъ первыхъ, пріиде помощи намъ." Общій наружный видъ часовни, даже если взять ее отдѣльно отъ церкви, къ которой она пристроена, представляетъ собою художественное цѣлое.

Внутри часовни, особенно поражаетъ васъ прекрасный образъ св. архангела Михаила, во весь ростъ, изъ мозаики, сдѣланный въ мастерской петербургской академіи художествъ, и стоящій прямо противъ главнаго входа въ часовню. Этотъ образъ изящно окаймляется скульптурными орнаментами, которые расписаны различными колерами и позолотою, и стоитъ пять тысячъ рублей, не включая въ эту цѣну кіота и бордюрной обдѣлки изъ цемента и алебастра. Предъ образомъ св. архангела Михаила находится хоросъ съ семью привѣсными лампадами, вычеканенными изъ бронзы въ изящномъ древнемъ стилѣ и позолоченными чрезъ огонь. Направо и налѣво симметрично поставлены прекрасные, вырѣзанные изъ дерева, расписанные и раззолоченные кіоты. Въ этихъ кіотахъ стоятъ, справа три, а слѣва — два образа, отлично написанные красками, дышащіе жизнью и прославленнымъ спокойствіемъ изображенныхъ ликовъ и художественной отдѣлкой подробностей. Справа стоятъ образа: 1) св. Леонида мученика, 2) св. Пелагіи мученицы и 3) св. Николая, мирликійскаго чудотворца. Подъ среднимъ образомъ св. мучен. Пелагіи находится вязаная славянская надпись: „Ради братій моихъ и ближнихъ моихъ глаголяхъ убо миръ о тебѣ. Дому ради Господа Бога нашего взыскаху благая тебѣ. Пс. 121." Слѣва стоятъ образа: 1) св. Софіи мученицы, 2) преп. Сергія, радонежскаго чудотворца. На срединѣ между этими двумя образами, подъ окномъ, соотвѣтствующимъ противоположной иконѣ св. Пелагіи мученицы, стоитъ другая славянская тоже вязаная надпись: „Се что добро или что красно, но еже жити братіи вкупѣ, яко тако заповѣда Господь благословеніе и животъ до вѣка. Пс. 132." Нижняя часть часовни по всѣмъ сторонамъ уставлена лѣпными и рѣзными, раскрашенными и позолоченными плетеными рамами. Оконныя стекла внизу и вверху расписаны различными колерами съ позолотой. Въ нижней части купола, кругомъ, идетъ рядъ 9-ти св. ангеловъ. Изъ нихъ первые три, на восточной стѣнѣ, изображаютъ Троицу, посѣтившую патрі-

арха Авраама; а остальные шесть—слѣдующіе: Гавріилъ, Рафаилъ, Уріилъ, Салафіилъ, Іегудіилъ и Варахіилъ. Отъ промежутковъ между изображеніями св. ангеловъ и равномѣрными имъ оконными отверстіями вверхъ поднимаются лѣпные радіусы, которые въ самомъ вѣнцѣ купола сходятся въ расписанномъ плафонѣ (потолкѣ) и сливаются въ разноцвѣтную звѣзду.

Прекрасное внутреннее устройство часовни и имена святыхъ, изображенныхъ на иконахъ, напоминая имена членовъ цѣлаго семейства покойнаго графа Михаила Николаевича, возбуждаютъ невольно память недавняго прошедшаго и особенно живое чувство благодарности къ Господу Богу, который пособилъ покойному быстро умиротворить край и тѣмъ сохранить для отечества множество жизней и предотвратить отъ мѣстныхъ жителей невѣдомое количество горестей и слезъ.

(Вил. Вѣст.)

Новое назначеніе.

О предшествовавшей служебной дѣятельности Николая Александровича Сергіевскаго, нынѣ назначеннаго попечителемъ виленскаго учебнаго округа, газета „Дѣятельность“ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія. Онъ воспитанникъ московской духовной академіи, въ которой, по окончаніи курса въ 1856 году, былъ оставленъ баккалавромъ. Въ 1858 году поступилъ на службу въ канцелярію оберъ-прокурора св. Синода и вскорѣ послѣ того былъ командированъ за границу по особо возложенному на него порученію, гдѣ пробылъ до конца 1860 года. Въ 1864 году, по выбору общества любителей коммерческихъ знаній, назначенъ инспекторомъ московской практической академіи коммерческихъ наукъ, гдѣ за всѣ заботы и труды объ улучшеніи заведенія получилъ торжественную благодарность общества любителей коммерческихъ знаній. Въ началѣ 1866 года онъ назначенъ директоромъ канцеляріи оберъ-прокурора св. Синода и членомъ Высочайше учрежденнаго комитета для составленія проекта устава духовно-учебныхъ заведеній; въ этомъ комитетѣ, выработавшемъ нынѣ дѣйствующіе уставы духовно-учебныхъ заведеній, Н. А. Сергіевскій принималъ самое живое участіе. Въ половинѣ 1867 года, съ Высочайшаго соизволенія, онъ былъ командированъ въ губерніи: рязанскую, нижегородскую,

астраханскую, самарскую и костромскую, для наблюденія при введеніи въ дѣйствіе новыхъ уставовъ духовно-учебныхъ заведеній. Въ 1868 г. назначенъ членомъ комитета для пересмотра существующаго и начертанія новаго устава для духовныхъ академій, въ которомъ находился также до окончанія его работъ.

Въ 1869 году назначенъ постоянно присутствующимъ членомъ учебнаго комитета при св. Сунодѣ. Въ нынѣшнее лѣто былъ прикомандированъ для осмотра по всѣмъ частямъ вновь открытой донской семинаріи и для ревизіи духовныхъ училищъ этой епархіи. Изъ этой командировки онъ только что возвратился въ концѣ сентября.

Судя по краткому перечню служебныхъ занятій Н. А. Сергіевскаго, можно вполнѣ надѣяться, что русское учебно-воспитательное дѣло въ сѣверо-западномъ краѣ будетъ находиться въ самыхъ надежныхъ рукахъ. Какъ воспитаніе въ духовной академіи, такъ и послѣдовавшая за тѣмъ педагогическая практика въ ней же, а потомъ въ московской коммерческой академіи, продолжительныя занятія теоретическія и практическія по духовно-учебному вѣдомству, могли приготовить въ немъ человѣка съ твердымъ православно-русскимъ закаломъ, опытнаго педагога и хорошаго администратора. Отъ всей души желаемъ, чтобы надежды наши вполнѣ оправдались. *(Совр. Лист.)*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣч. 2. Для желающихъ получать газету непосредственно изъ ея конторъ въ Петербургѣ, безъ укупорки и пересылки, дѣлается уступка: на годъ до 7 руб., на полгода до 3 руб. 50 коп., и на мѣсяцъ до 60 коп.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Конторѣ Редакціи, по Большой Садовой улицѣ, д. № 39; а также во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ открыта подписка на періодическія изданія.

Редакторъ-издатель **В. Долинскій.**

„ДОМАШНЯЯ БЕСѢДА."

будетъ выходить и въ 1870 году, выпусками отъ одного до двухъ и болѣе печатныхъ листовъ большаго формата.

Въ **новую** програму ея входятъ:

1. Статьи, относящіяся къ догматическому и нравственному ученію церкви православной, изложенныя общедоступнымъ языкомъ.

2. Статьи, касающіяся внѣшняго положенія церкви воинствующей на землѣ и православнаго духовенства.

3. Историческіе разсказы, описанія замѣчательныхъ событій въ нашемъ отечествѣ, а равно жизнеописанія знаменитыхъ людей, имѣвшихъ благотворное вліяніе на ту или другую сторону жизни народной.

4. Общія политическія обозрѣнія и частныя заграничныя извѣщенія, по руководству лучшихъ нашихъ газетъ и журналовъ.

5. Правительственныя распоряженія, касающіяся всѣхъ сторонъ жизни государственной.

6. Судебная хроника по дѣламъ, имѣющимъ особенное какое либо значеніе и важность (безъ обсужденія рѣшеній и производства сихъ дѣлъ).

7) Статьи, относящіяся къ народному здравію, излагаемыя общедоступнымъ для пониманія языкомъ.

8) Литературные разсказы, съ строго-нравственнымъ направленіемъ.

9) Критическій разборъ книгъ и всякаго рода сочиненій, появляющихся какъ внѣ, такъ и внутри нашего отечества.

10. Всѣхъ родовъ стихотворенія, съ строгою однакожь оцѣнкою ихъ содержанія и внѣшнихъ достоинствъ.

11) Корреспонденціи и всякаго рода объявленія, по примѣру другихъ газетъ и журналовъ.

Подписка принимается въ **Петербургѣ** *исключительно* въ Конторѣ редакціи, у Измайловскаго моста въ домѣ г-жи Ждановой, а въ **Москвѣ** въ книжномъ магазинѣ А. Н. Ѳерапонтова, на Никольской улицѣ.

Въ слѣдствіе распоряженія Почтоваго Департамента, значительно увеличившаго плату за пересылку, подписная цѣна, противу прежнихъ годовъ, измѣняется. Такимъ образомъ, въ Петербургѣ, *безъ доставки* платится, за экземпляръ «**Домашней Бесѣды**», **четыре рубля пятдесятъ** коп.; *съ доставкою* **пять рублей пятдесятъ** коп.; *съ пересылкою* во всѣ города, мѣстечки и селенія Имперіи **пять рублей пятнадцать** коп.

Подписавшіеся до 1-го января будущаго 1870 года, какъ иногородніе, такъ и городскіе, если, вмѣсто означенной въ объявленіи цѣны внесутъ **шесть** рублей, пользуются правомъ на полученіе, по выбору своему, одного изъ сочиненій, находящихся въ Конторѣ Редакціи, именно: или **Исторіи Кіевской Д. Академіи**, или **Віографіи Я. К. Амфитеатрова**, или **Васенъ В. Незамая**, или **Асмодея нашего времени**, или *четырехъ* экземпляровъ **Чтенія для православнаго народа.**

Подписавшіеся послѣ Новаго года уже теряютъ это право, а получаютъ упомянутыя книги по объявленной цѣнѣ.

Редакція покорнѣйше проситъ всѣхъ, какъ иногороднихъ, такъ и городскихъ, подписчиковъ заявлять свои требовинія на полученіе «Домашней Бесѣды» въ будущемъ 1870 году заблаговременно, *не позже второй половины декабря;* такъ какъ безъ этого очень трудно оріентироваться количествомъ печатаемыхъ экземпляровъ и, кромѣ того, требуется время на приготовленіе печатныхъ адресовъ.

Въ Конторѣ редакціи принимаются всякаго рода объявленія и рекламы по установленной таксѣ.

Редакторъ-издатель **Викторъ Аскоченскій.**

Содержание 9-ой кн. „Вѣстника западной России" за 1869 годъ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.